

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(36) 2020

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(36) 2020

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» включен в перечень ведущих научных изданий, в котором публикуются результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия;

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2020

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapygina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;
Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
<i>К 75-летию победы в Великой Отечественной войне</i>	
Попов С.А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести.....	10
<i>Лингвистика</i>	
Осипова Н.Д. Реализация приема фонетической языковой игры в современных отонимных прагматонимах.....	24
Ду Чуньян Перифразы небесных тел в речевой репрезентации.....	32
Лапынина Н.Н., Новикова О.В. Асимметрия сложных предложений как условие формирования межфразовых средств связи	38
Бирюкова Е.Д. Типологические разряды наименований лиц женского пола в современной русской интернет-коммуникации и их особенности.....	47
<i>Методика преподавания языков</i>	
Клобукова Л.П., Молчанова Н.С., Головина Л.С. Отражение официально-деловой сферы общения в лексическом минимуме к комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (уровень «иностраный работник»).....	57
<i>Аспекты изучения художественного текста</i>	
Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики «Горя от ума» А.С. Грибоедова. К 225-летию со дня рождения великого русского поэта (1795-1829).....	66
Хайруллина Р.Г. Читатель как категория межлитературного процесса.....	80
Ковалева Л.В. Лексические средства выражения контраста в рассказе И.С. Шмелева «Въезд в Париж».....	91
Загидуллина Д.Ф. «Мягкость» модернизма в татарской литературе.....	97
Скуридина С.А. Специфика терминологии литературной ономастики.....	105
<i>Лингвокультурология</i>	
Цзыди Чэнь Отражение специфики почв в микропонимии Воронежской области как один из элементов региональной картины мира.....	118

Соколова М.Г. Дендроним <i>клен</i> как отражение образной поэтической картины мира С.А. Есенина.....	124
Кузьминых Е.О., Попова М.А. Специфика наименований советских и российских футбольных клубов.....	131
Сиссе Кумба Лексема <i>конь</i> в языке русского фольклора: культурная и мифопоэтическая символика.....	138
<i>Межкультурная коммуникация</i>	
Урумбаева Г.Н., Баймуханов Б.И. Межъязыковые лакунарные единицы как ключ к пониманию культуры народа.....	144
<i>Концептология</i>	
Безверхая И.В. Особенности вербализации концепта <i>гора</i> в немецких романтических сказках Л.Тика и Й. фон Эйхендорфа: семиотический и когнитивный аспекты.....	153
<i>Журналистика в историко-теоретическом аспекте</i>	
Самойленко Н.С., Кушнир К.И. Традиционные СМИ и новые медиа: развлекательный контент против оппозиционного.....	160
Воронова Т.А., Меренкова О.В. Малоизвестные достопримечательности Воронежской области как объект внимания информационных ресурсов.....	165
Полонский А.В., Глушкова В.Г. Современные СМИ и проблема интолерантности.....	171
<i>События, обзоры, рецензии</i>	
Акифи О.И., Акифи А.Х. Российско-Афганский молодежный форум «AFRUS2019» – межкультурные связи молодежи России и Афганистана.....	182
Правила оформления статей.....	186

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>On the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War</i>	
Popov S.A. Memoratives of the onomastic space of hero cities, cities of military glory and localities of military valor.....	10
<i>Linguistics</i>	
Osipova N.D. Phonetical language game realization in modern toponym pragmatonyms.....	24
.....	32
Du Chunyang Periphrases of celestial bodies in speech representation.....	
Lapynina N.N., Novikova O.V. Assymetry of complex sentences as a condition of formation of interphrase means of connection.....	38
Biryukova E.D. Typological categories of female names in modern Russian Internet communication and their features.....	47
<i>Methods of teaching languages</i>	
Klobukova L.P., Molchanova N.S., Golovina L.S. Representation of the official and business sphere of communication in the lexic minimum to the «Comprehensive exam in Russian as a foreign language, history of Russia and the basis of legislation of the Russian Federation».....	57
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Kovalyov G.F. Autobiographism of onomastics in the play «Woe from wit» by A.S. Griboedov. On the 225th birthday of the great Russian poet (1795-1829).....	66
Khairullina R.G. The reader as a subject of the inter-literary process.....	80
Kovaleva L.V. Lexical means used for expression of contrasts in I.S. Shmelyov's story «Entrance to Paris».....	91
Zagidullina D.F. «Softness» of modernism in the Tatar literature.....	97
Skuridina S.A. Terminological specificity of literature onomastics.....	105
<i>Language and culture studies</i>	
Zidi Chen The specificity of soils and its reflection in the microtoponymy of the Voronezh region as one of the elements of the regional picture of the world.....	118

Sokolova M.G. Dendronym <i>MAPLE</i> as a reflection of the poetic imagery of the world view of S.A. Yesenin.....	124
Kuzminykh E.O., Popova M.A. The specificity of naming of Soviet and Russian football clubs.....	131
Cisse Coumba The <i>HORSE</i> as a cultural and mythological symbol in the language of Russian folklore.....	138
<i>Intercultural communication</i>	
Urumbaeva G.N., Baimuhanov B.I. Interlanguage lacunae units as a key for understanding the culture of a people.....	144
<i>Concept studies</i>	
Bezverkhaya I.V. Features of verbalization of the concept of the mountain in the German romantic tales of L. Tieck AND J. Von Eichendorff: semiotic and cognitive aspects.....	153
<i>Journalism in historical and theoretical aspect</i>	
Samoilenko N.S., Kushnir K.I. Old Media and New Media: entertainment content against opposition content.....	160
Voronova T.A., Merenkova O.V. Little-known sights of Voronezh region as the object of attention of information resources.....	165
Polonskiy A.V., Glushkova V.G. Modern media and the problem of intolerance.....	171
<i>Events and reviews</i>	
Akifi O.I., Akifi A.Kh. Russian-Afganian youth forum «AFRUS2019» - inter-cultural relations of youth of Russia and Afganistan.....	182
Layout of the articles.....	186

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей тридцать шестой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII «События, обзоры, рецензии».

Также выделен раздел «К 75-летию победы в Великой Отечественной войне».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов.

Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа.

В раздел «К 75-летию победы в Великой Отечественной войне» входит работа, посвященная исследованию ономастического пространства городов-героев (Попов С.А.).

Раздел «Лингвистика» включает работы, посвященные языковой игре, перифразам, синтаксису сложного предложения, интернет-коммуникации (Осипова Н.Д., Ду Чуньян, Лапынина Н.Н., Новикова О.В., Бирюкова Н.Д.).

Раздел «Методика преподавания языков» представлен работой, которая рассказывает об особенностях комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации (Клобукова Л.П., Молчанова Н.С., Головина Л.С.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, связанные с ономастикой, теоретическими вопросами литературы, лексическими средствами художественной выразительности (Ковалев Г.Ф., Ковалева Л.В., Скуридина С.А., Хайруллина Р.Г., Загидуллина Д.Ф.).

Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу микропонимии, дендронимов, фольклора и др. (Дзыди Чэнь, Соколова М.Г., Кузьминых Е.О., Попова М.А., Сиссе Кумба).

Раздел «Межкультурная коммуникация» включает работу, исследующую языковые лакунарные единицы (Урумбаева Г.Н., Баймуханов Б.И.).

Раздел «Концептология» посвящен реализации концепта ГОРА в немецких романтических сказках (Безверхая И.В.).

В раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» входят работы, посвященные исследованию различных аспектов современных СМИ (Самойленко Н.С., Кушнир К.И., Воронова Т.А., Меренкова О.В., Полонский А.В., Глушкова В.Г.).

Заключает выпуск раздел «События, обзоры, рецензии», в котором рассказывается о Российско-Афганском молодежном форуме «AFRUS2019».

Содержащиеся в выпуске 1(36) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГГУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

**К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ON THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

УДК 811.161'373.21 + 81.373.211.5

*Воронежский государственный
университет
канд. филол. наук, преподаватель
кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна
Попов С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: spo@bk.ru*

*Voronezh State University
The chair of public relations,
advertising and design
PhD, lecturer
Popov S.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: spo@bk.ru*

С.А. Попов

**МЕМОРАТИВЫ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ,
ГОРОДОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ
И НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ**

В статье рассматриваются мемориальные урбанонимы (меморативы), посвященные героям Великой Отечественной войны 1941-1945 годов – названия улиц, проспектов, бульваров, переулков, проездов, площадей, скверов, парков, организаций, сформировавшие ономастическое пространство городов-героев, городов воинской славы и населённых пунктов воинской доблести, расположенных на территории Российской Федерации (на примере Волгограда, Воронежа и нескольких населённых пунктов Воронежской области). Сохранению памяти о тех героических событиях способствует государственная политика памяти. Ономастическое пространство является одним из самых надежных видов исторической памяти народа, поскольку в ономастических единицах прочно зафиксированы имена, фамилии людей, внесших заметный вклад в историю того или иного населённого пункта, региона или страны в целом (отантропонимические топонимы), а также названия исторических событий (хрононимы). Автор приводит сведения из нормативных правовых актов федерального и регионального значения, в соответствии с которыми населённым пунктам были присвоены почетные звания, а внутригородским объектам – имена и фамилии героев Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, наименования воинских подразделений, освободивших указанные населённые пункты от немецко-фашистских захватчиков. В статье представлена лексико-семантическая классификация меморативов. Автор отмечает, что в настоящее время практически в каждом крупном населённом пункте Российской Федерации встречаются однотипные общеизвестные героические урбанонимы в честь Дня Победы, юбилейных дат Великой Победы, известных военачальников и рядовых героев Великой Отечественной войны, героев-земляков, выделяет специфику меморативной урбанонимической номинации в населённых пунктах, на территории которых проходили боевые действия.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топоним, ойконим, урбаноним, годоним, агороним, Великая Отечественная война 1941-1945 годов, меморатив.

S.A. Popov

**MEMORATIVES OF THE ONOMASTIC SPACE OF HERO CITIES, CITIES
OF MILITARY GLORY AND LOCALITIES OF MILITARY VALOR**

The article considers memorial urbanonyms (memoratives) dedicated to the heroes of the Great Patriotic War of 1941-1945 - the names of streets, avenues, boulevards, side streets, driveways, squares, squares, parks, organizations that formed the onomastic space of hero cities, cities of military glory and inhabited points of military prowess located on the territory of the Russian Federation (for example, Volgograd, Voronezh and several settlements of the Voronezh region). Preservation of the memory of those heroic events is promoted by the state policy of memory. Onomastic space is one of the most reliable types of historical memory of the people, since onomastic units firmly record the names and surnames of people who have made a significant contribution to the history of a particular locality, region or country as a whole (anthroponymic place names), as well as the names of historical events (chrononyms). The author cites information from regulatory legal acts of federal and regional significance, according to which settlements were awarded honorary titles, and intracity objects - the names and surnames of the heroes of the Great Patriotic War of 1941-1945, the names of military units that liberated these settlements from German- fascist invaders. The article presents the lexical-semantic classification of memorials. The author notes that now in almost every large settlement of the Russian Federation there are the same type of well-known heroic urbanonyms in honor of Victory Day, anniversary of the Great Victory, famous military leaders and rank-and-file heroes of the Great Patriotic War, heroes countrymen, emphasizes the specifics of the memorial urbanonymic nomination in the settlements points on the territory of which hostilities took place.

Key words: onomastics, toponymy, place name, oikonym, urbanonym, godonim, agoronym, the Great Patriotic war of 1941-1945, memorative.

В 2020 году исполняется 75 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Память о тех героических событиях на протяжении десятилетий бережно хранится в российских семьях и передается из поколения в поколение.

Этому также способствует государственная политика памяти, которая «представляет собой такую форму политики памяти, в рамках которой ведущим (но не единственным!) актором выступает государство в целом или система его институтов, ответственных за соответствующую реализацию политики памяти» [1].

Поэтому не случайно еще к 40-летию Великой Победы, исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, принимая во внимание, что забота об участниках, о ветеранах и жертвах войны является историческим долгом общества и государства, а также учитывая народный, освободительный характер Великой Отечественной войны, участие в ней народов Европы и других континентов, необходимость международного сотрудничества в целях поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений фашизма в любой форме, был принят Федеральный закон «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹.

О важности для нашей страны Дня Победы говорит и тот факт, что в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Президент РФ В.В. Путин своим указом постановил провести в 2020 г. в Российской Федерации Год памяти и славы².

Ономастическое пространство, под которым понимается «комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именовании реальных, гипотетических и фантастических объектов» [2; с. 95], является одним из самых надежных видов исторической памяти народа, поскольку в ономастических единицах прочно зафиксированы имена, фамилии людей, внесших заметный вклад в историю того или иного населенного пункта, региона или страны в целом (отантропонимические топонимы), а также названия исторических событий (хрононимы).

---

¹ Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/1518946/> (дата обращения: 10.02.2020).

² О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы: Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 2019 года № 327. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907080031> (дата обращения: 10.01.2020).

Один из основоположников отечественной ономастики В.А. Никонов отмечал, что каждое географическое название – это «история, выраженная средствами языка» [3; с. 26]. По определению Н.В. Подольской, *мемориальное имя собственное* (меморатив, имя-посвящение) – это «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [2; с. 119]. Одна из основных причин возникновения мемориальных топонимов – государственная идеология. Мемориальный смысл приобретали ойконимы, оронимы, наиболее массово – микротопонимы (в основном урбанонимы).

Как отмечает Р.В. Разумов, «впервые подобные урбанонимы появились уже на дореволюционном этапе истории России, когда власть стала использовать городские названия в качестве средства увековечивания памяти об известных людях. Особенно интенсивно данный процесс стал протекать в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения» [4; с. 171].

События Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, имена и фамилии героев наиболее масштабно представлены в *урбанонимии*. Под урбанонимом понимается «название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию. Ядро урбанонимического поля составляют названия, указывающие на объекты, которые содержат на своей территории отдельные строения с номерами. <...> К ядерным урбанонимам относятся *годонимы* (названия улиц, переулков и пр.) и *агоронимы* (названия площадей)» [5; с. 116]. По мнению В.И. Супруна, именно улицы и площади являются главными объектами номинации в городском пространстве и главными линейными объектами пространственной среды для жизни и деятельности человека [6; с. 95].

Почетного звания «Город-Герой» в СССР были удостоены 12 городов и одна крепость, которые прославились своей героической обороной во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Впервые понятие «город-герой» было использовано в Приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1945 года: «Сегодня, 1 мая, произвести салют в столицах Союзных республик <...>, а также в городах-героях: *Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе* – двадцатью артиллерийскими залпами»¹. Однако это было еще не официальное присвоение звания, а подчеркивание важного вклада указанных городов в итоговую победу над фашизмом и героической роли их защитников. Еще во время Великой Отечественной войны участникам обороны этих городов вручили специально учрежденные медали. Киев также был назван городом-героем в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года².

Положение о почетном звании «Город-Герой» было утверждено 8 мая 1965 года в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне, в соответствии с которым «высшая степень отличия – звание «Город-Герой» присваивается городам Советского Союза, трудящиеся которых проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»³. В этот же день вышло семь указов, в соответствии с которыми Ленинграду⁴ и Киеву⁵ вручалась медаль «Золотая Звезда» (Орде-

¹ Приказ Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1945 года № 20. URL: <https://www.prlib.ru/item/439334> (дата обращения: 10.02.2020).

² Об учреждении медали «За оборону Киева»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901752550> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Об утверждении Положения о высшей степени отличия – звании «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3566-VI (с изменениями на 18 июля 1980 года). URL: <https://base.garant.ru/6341219/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ О вручении городу-герою Ленинграду медали «Золотая Звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3561-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341214/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁵ О вручении городу-герою Киеву медали «Золотая Звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3563-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341216/> (дата обращения: 10.02.2020).

ном Ленина Ленинград был награждён ещё 26 января 1945 года, Киев – 21 июня 1961 года), *Волгограду* (бывшему *Сталинграду*)¹, Севастополю² и Одессе³ – медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина, а *Москве*⁴ и *Брестской крепости*⁵ впервые присваивалось звание «Город-Герой» и «Крепость-Герой» соответственно с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина. 14 сентября 1973 года почетного звания были удостоены *Керчь*⁶ и *Новороссийск*⁷, 26 июня 1974 года – *Минск*⁸, 7 декабря 1976 года – *Тула*⁹, 6 мая 1985 года – *Мурманск*¹⁰ и *Смоленск*¹¹.

В 1988 году постановлением Президиума Верховного Совета СССР принято решение «не награждать в дальнейшем орденами СССР союзные и автономные республики, края и области, автономные области, автономные округа, районы, города и другие населенные пункты, а также трудовые коллективы»¹².

В современной России в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества было установлено новое почетное звание – «Город воинской славы». Оно присваивается городам, «на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм, в том числе городам, которым было присвоено звание «Город-Герой»¹³. В настоящее время в Российской Федерации 45 населенных пунктов носят почетное звание «Город воинской славы»: *Анапа, Архангельск, Белгород, Брянск, Великие Луки, Великий Новгород, Владивосток, Владикавказ, Волоколамск, Воронеж, Выборг, Вязьма, Гатчина, Грозный, Дмитров, Елец, Ельня, Калач-на-Дону, Ковров, Козельск, Колпино, Кронштадт, Курск, Ломоносов, Луга,*

¹ О вручении городу-герою Волгограду ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3562-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341215/> (дата обращения: 10.02.2020).

² О вручении городу-герою Севастополю ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3564-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341217/> (дата обращения: 10.02.2020).

³ О вручении городу-герою Одессе ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3565-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341218/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ О присвоении городу Москве почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3573-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341213/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁵ О присвоении Брестской крепости почетного звания «Крепость-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 3560-VI. URL: <https://base.garant.ru/6341221/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁶ О присвоении городу Керчи почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1973 года № 4805-VIII. URL: <https://base.garant.ru/70911852/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁷ О присвоении городу Новороссийску почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1973 года № 4806-VIII. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41595#05396065137696835> (дата обращения: 10.02.2020).

⁸ О присвоении городу Минску почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года № 6163-VIII. URL: <https://base.garant.ru/70912428/> (дата обращения: 10.02.2020).

⁹ О присвоении городу Туле почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 декабря 1976 года № 4847-IX. URL: <https://base.garant.ru/70912172/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ О присвоении городу Мурманску почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 года № 2367-XI. URL: <https://base.garant.ru/70912434/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹¹ О присвоении городу Смоленску почетного звания «Город-Герой»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 года № 2368-XI. URL: <https://base.garant.ru/70912772/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹² О совершенствовании порядка награждения государственными наградами СССР: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 22.08.1988 № 9440-XI. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=156#09027502121127646> (дата обращения: 10.02.2020).

¹³ О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы»: Федеральный закон от 9 мая 2006 года № 68-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/189454/> (дата обращения: 10.02.2020).

Малгобек, Малоярославец, Можайск, Нальчик, Наро-Фоминск, Орёл, Петрозаводск, Петропавловск-Камчатский, Полярный, Псков, Ржев, Ростов-на-Дону, Старая Русса, Старый Оскол, Таганрог, Тверь, Тихвин, Туапсе, Феодосия, Хабаровск.

В ряде субъектов Российской Федерации, на территории которых в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов проходили ожесточенные сражения, в ходе которых защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм, были учреждены региональные почетные звания «Город воинской доблести» (Калужская, Ленинградская, Тверская, Тульская области, Краснодарский край и др.), «Населенный пункт воинской доблести» (Воронежская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Орловская, Ростовская, Рязанская, Тульская области, Республика Крым и др.), «Рубеж воинской доблести» (Калужская, Липецкая, Ростовская, Рязанская, Тульская области, Краснодарский край и др.), «Станица воинской доблести» (Краснодарский край).

Меморативы ономастического пространства большинства крупных населенных пунктов Российской Федерации вне зависимости от ведения на их территории боевых действий в годы Великой Отечественной войны представлены однотипными общеизвестными урбанонимами, в которых отразились военные события и фамилии известных героев (видных военачальников, красноармейцев, партизан, подпольщиков, мирных жителей): улицы (проспекты, бульвары, площади) *Победы*, маршалов *Жукова*, *Малиновского*, *Рокоссовского*, *Будённого*, *Ворошилова*, генерала *Карбышева*, генерала *Панфилова*, *Зои Космодемьянской*, *Александра Матросова*, *Николая Гастелло*, героев-молодогвардейцев *Олега Кошевого*, *Ивана Земнухова*, *Ульяны Громовой*, *Сергея Тюленина*, *Любови Шевцовой* и многих других. Среди общеизвестных героических урбанонимов также встречаются дата окончания Великой Отечественной войны (улица *9 Мая*), юбилейные даты со Дня Победы (улицы *20 лет Победы*, *30 лет Победы*, *35 лет Победы*, *40 лет Победы*, *50 лет Победы*, *55 лет Победы*, *60 лет Победы*, *65 лет Победы*, *70 лет Победы*). Многие внутригородские объекты, включая организации (школы, ПТУ, предприятия и др.) также названы в честь земляков, ставших героями войны.

Города-герои, города воинской славы и населенные пункты воинской доблести объединяет то, что на их территории в годы Великой Отечественной войны велись активные боевые действия, сопряженные с массовым героизмом защитников Отечества. Соответственно, в их ономастических пространствах имеется своя специфика героической топонимической номинации.

Выбор для исследования ономастического пространства города-героя Волгограда (бывшего Сталинграда), города воинской славы Воронежа и ряда населенных пунктов воинской доблести Воронежской области не случаен. В годы Великой Отечественной войны по масштабам совершенных подвигов и стратегическому значению военные сражения за эти города были близки.

Сталинградская битва 1942-1943 годов стала одним из крупнейших сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн, положившая начало коренному перелому в ходе войны. В 1961 году по политическим соображениям г. Сталинград был переименован в Волгоград, в 1965 году Волгограду было присвоено почётное звание «Город-Герой».

«История названий многих улиц Волгограда, а также площадей и проспектов города неразрывно связана со Сталинградской битвой. Места ожесточенных битв и героических подвигов советских воинов нашли самое широкое отражение в названиях объектов Волгограда и области» [7; с. 30]. Поэтому не случайно в Волгограде 160 урбанонимов связаны с событиями Сталинградской битвы, из них 138 названы именами героев, совершивших личный подвиг, командующих фронтами или воинскими подразделениями; 14 связаны с названиями воинских подразделений, проявивших особый героизм в период Сталинградской битвы; 8 имеют собирательные названия [8; с. 219]. К 75-летию Великой Победы волгоградские

историки на основе архивных документов и музейных фондов опубликовали словарь-справочник «Сталинградская битва в названиях улиц и площадей Волгограда» [9].

Более того, в память о великой битве на берегах Волги во многих городах России, а также в странах «ближнего» и «дальнего» зарубежья сохранилась «сталинградская» топонимия: проспекты *Героев Сталинграда* в Волгограде и Севастополе, улица *Героев Сталинграда* в Симферополе, *Сталинградское шоссе* в Керчи, улица *Сталинградская* в г. Волжский, улица *Героев Сталинградской битвы* в Йошкар-Оле, бульвар *Защитников Сталинграда* в Барнауле. В г. Королеве Московской области и г. Новосибирске есть улицы *Сталинградской битвы*. На территории Украины в честь героев Сталинграда были названы улицы и площади в Харькове, Днепрпетровске, Одессе, Виннице, Николаеве, Полтаве, Хмельницком [10]. В Париже имя «Сталинград» носят площадь, бульвар и станция метро, в Лионе – антикварный рынок, в Брюсселе – проспект и отель, в Болонье – центральная улица города.

С конца июня 1942 г. до конца января 1943 г. по территории Воронежской области проходила линия фронта, велись активные боевые действия. Правобережная часть Воронежа была оккупирована немецкими войсками, линия фронта фактически разделяла город на две части. 7 июля 1942 г. директивой Ставки Верховного Главнокомандующего № 170483 был образован *Воронежский фронт* (с 20.10.1943 г. – 1-й Украинский фронт) – оперативно-стратегическое объединение советских войск. Фронт создан на основе 40-й армии Брянского фронта и 3-й и 6-й резервных армий, переименованных в 60-ю и 6-ю армии, с включением четырех танковых корпусов и авиации Брянского фронта [11; с. 55]. В декабре 1942 г. часть войск Воронежского фронта приняла участие в успешно проведенном контрнаступлении под Сталинградом – Среднедонской операции 1942 («Малый Сатурн»), в результате которой был прорван вражеский фронт шириной до 340 километров, разгромлены 5 итальянских, 5 румынских и одна немецкая дивизии, а также 3 итальянские бригады. Таким образом, от стойкости защитников Воронежа во многом зависел исход Сталинградской битвы, перелом в ходе всей войны с немецко-фашистскими захватчиками.

16 февраля 2008 года Президент России В.В. Путин подписал указ о присвоении Воронежу почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»¹, отметив тем самым мужество, стойкость и массовый героизм, проявленный защитниками города в Великой Отечественной войне.

В 2014 г. учреждено почетное звание Воронежской области «Населенный пункт воинской доблести», которое «присваивается населенным пунктам, на территории которых или в непосредственной близости от которых проходили ожесточенные сражения, в ходе которых защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм»². В настоящее время этого звания удостоены село *Верхний Мамон*, село *Гремячье*, рпбчий поселок *Кантемировка*, село *Коротояк*, город *Лиски*, город *Острогожск*, город *Россошь*.

Происхождению героических названий улиц Воронежа посвящено несколько краеведческих изданий, в которых приведены биографии уроженцев Воронежской области, ставших героями на фронтах Великой Отечественной войны за пределами родного края, а также уроженцев других регионов Советского Союза, совершивших подвиги в ходе освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков в 1942-1943 годах, сведения о прежних названиях воронежских улиц, которые впоследствии были переименованы в честь героев [12; 13; 14].

---

¹ О присвоении г. Воронежу почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»: Указ Президента Российской Федерации от 18 февраля 2008 года № 206. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26920> (дата обращения: 10.02.2020).

² О почетном звании Воронежской области «Населенный пункт воинской доблести»: Закон Воронежской области от 31 июля 2014 года № 100-ОЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/content/zakon-voronezhskoy-oblasti-ot-31072014-№-100-oz> (дата обращения: 10.01.2020).

Первые меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести возникли вместо существовавших урбанонимов. Переименования улиц, переулков, проездов в честь погибших героев происходили как сразу после освобождения населенного пункта от немецко-фашистских захватчиков, так и спустя некоторое время, особенно накануне юбилейных дат со дня Великой Победы. Со временем в связи с расширением жилищного строительства в населенных пунктах названия в память о героях стали присваиваться в основном новым внутригородским объектам.

Предлагаем следующую лексико-семантическую классификацию меморативов в составе ономастического пространства указанных населенных пунктов.

1. Имена и фамилии защитников населенных пунктов (без указания на воинские звания, виды и рода войск, в которых они служили):

г. Волгоград:

улица *имени Быстрова* (М.П. Быстров (Опарин) (1901-1942), комиссар 7-го стрелкового корпуса 64-й армии; героически погиб в Сталинградской битве, посмертно награжден орденом Красного Знамени; в 1965 г. ул. Роторная переименована в честь героя [9; с. 44-45]),

улица *имени Салуткина* (Н.П. Салуткин (1895-1942), политрук 2-й роты 1-го истребительного батальона, оборонявшего тракторный завод; в одном из боев был смертельно ранен, умер от ран в госпитале; в 1975 г. ул. им. Вахтангова была переименована в честь героя [9; с. 138]),

улица *имени Тани Скоробогатовой* (Т.С. Скоробогатова (1923-1942), партизанка Тормосиновского партизанского отряда Сталинградской области, после провала диверсионного отряда «Искра» была схвачена гестаповцами и после пыток казнена; в 1944 г. посмертно награждена орденом Красного Знамени; в 1954 г. одна из улиц города была названа именем героя [9; с. 145-146]).

г. Воронеж:

улица *Беспаловой* (санитарный инструктор А.И. Беспалова (1923-1942) в бою на северной окраине Воронежа первой во взводе бросилась в атаку и погибла; в 1965 г. ул. Степная переименована в память о женщине-герое [14; с. 63]);

переулок *Андрюши Санникова* (воронежский пионер Андрей Санников 8 июля 1942 г. открыл огонь по фашистам и погиб в неравном бою; в 1962 г. пер. 2-й Пионерский переименован в память о герое [14; с. 317]);

улица *Бовкуна* (М.К. Бовкун, командир взвода 796-го стрелкового полка, в июле 1942 г. закрыл амбразуру немецкого дзота на северной окраине Воронежа; в 1975 г. ул. Советской культуры (ранее – 2-я Полевая, Пролетарская) переименована в память о герое [14; с. 65]).

Воронежская область:

улица *Тулбердиева* (г. Лиски; Чолпонбай Тулбердиев (1922-1942), стрелок 636-го стрелкового полка 6-й армии Воронежского фронта, в бою в районе с. Селявное закрыл собой амбразуру вражеского дзота; в 1943 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза; с 2005 г. в Лискинском районе ежегодно проходит фольклорный фестиваль памяти Тулбердиева [15; с. 154]);

улица *Малашенкова* (г. Россошь; К.М. Малашенков – капитан, заместитель командира 305-го батальона 106-й танковой бригады, погиб при освобождении Россоши; в 1968 г. ул. Триерная переименована в честь героя);

улица *Фоломеева* (г. Россошь; Д.С. Фоломеев (1913-1954), Герой Советского Союза, в 1943 г. под Россошью ворвался на боевой машине в с. Михайловка, таранил танк врага, в течение ночи вел бой с противником, участвовал в захвате штаба дивизии, знамени и документов [15; с. 159]).

2. Воинские звания и фамилии военачальников, чьи подразделения освобождали населенный пункт:

г. Волгоград:

улица *имени Маршала Крылова* (Н.И. Крылов (1903-1972), советский военачальник, военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза; с сентября 1942 г. – начальник штаба 62-й армии, которая вела многомесячные уличные бои в Сталинграде; до прибытия нового командующего – В.И. Чуйкова – почти месяц командовал армией, умело организовал оборону в районе тракторного завода и завода «Красный Октябрь»; в 2017 г. одной из улиц Волгограда присвоено имя героя [9; с. 107-110]);

улица *Гвардии капитана Курсекова* (Г.Л. Курсеков (1916-1943), гвардии капитан, командир батареи 43-го артиллерийского полка, 21.01.1943 г. в ходе одной из атак в районе селения Алексеевка и железнодорожной станции Воропонево (ныне Максима Горького), руководя огнем орудий по прямой наводке, погиб от пули немецкого снайпера; посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени; в 2015 г. одной из улиц Волгограда присвоено имя героя [9; с. 110-111]);

улица *имени Маршала Чуйкова* (В.И. Чуйков (1900-1982), советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, с 12.09.1942 г. – командующий 62-й армией, оборонявшей Сталинград; за беспримерный массовый героизм и стойкость личного состава в апреле 1943 г. 62-я армия стала именоваться 8-й Гвардейской армией [9; с. 168-170]).

г. Воронеж:

улица *Генерала Лизюкова* (генерал-майор, Герой Советского Союза А.И. Лизюков (1900-1942) в начале Воронежского сражения командовал войсками 5-й танковой армии, погиб в бою; в 1975 г. его именем названа новая улица Северного микрорайона Воронежа [15; с. 93-94]; в 2018 г. указом Президента России В.В. Путина генерал-майор Лизюков А.И. посмертно награжден орденом Жукова «за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941-1942 годах»¹);

улица *Лейтенанта Дзотова* (Л.А. Дзотов (1920-1942), командир взвода 454-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии; погиб в боях за Чижовский плацдарм, бросившись на амбразуру немецкого дзота; в 1975 г. ул. Старо-Минская была переименована в честь героя [14; с. 105]);

улица *Маршала Жукова* (Г.К. Жуков (1896-1974), государственный и военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза; в 1942-1943 гг. координировал боевые действия Воронежского фронта, бывал в штабе этого фронта на территории Воронежской области; в 1977 г. образованной в новом Северном жилом районе улице присвоили имя знаменитого маршала [14; с. 117]).

Воронежская область:

улица *Генерала Ватутина* (в 4 населенных пунктах Воронежской области; Герой Советского Союза, генерал армии Н.Ф. Ватутин (1901-1943) в качестве командующего Воронежским фронтом освобождал от фашистов г. Воронеж и Воронежскую область; его именем также названы улицы в Витебске, Владивостоке, Гомеле, Гродно, Минске [15; с. 33]);

улица *Майора Поликарпова* (г. Россошь; П.Ф. Поликарпов (1907-1943) – начальник штаба 106-ой танковой бригады, участник освобождения Россоши, погиб 15 января 1943 года при переправе через реку Черная Калитва; решением Совета народных депутатов городского поселения город Россошь от 29.11.2012 г. № 142 одной из вновь образованных улиц присвоено наименование «улица майора Поликарпова» [16]);

---

¹ О награждении орденом Жукова Лизюкова А.И.: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2018 года № 72. URL: <https://rulaws.ru/president/Ukaz-Prezidenta-RF-ot-15.02.2018-N-72/> (дата обращения: 10.02.2020).

улица *Майора Сачко* (г. Россошь; Д.А. Сачко (1905-1943) – командир 306-го танкового батальона 106-ой танковой бригады, участник освобождения Россоши, утонул с танком в реке Черная Калитва под Морозовкой 15 января 1943 года; решением Совета народных депутатов городского поселения город Россошь от 29.11.2012 г. № 142 одной из вновь образованных улиц присвоено наименование «улица майора Сачко» [17]).

3. Наименование видов и родов войск, в которых служили герои-освободители:

г. Волгоград:

улица *Североморцев* («Названа в память о воинском формировании – 92-й стрелковой бригаде, сформированной летом 1942 г. из состава морских пехотинцев Беломорской флотилии Северного флота и вступившей в жестокие оборонительные бои с гитлеровцами за Ворошиловский район г. Сталинграда в сентябре 1942 г.» [9; с. 140-142]);

площадь и улица *Чекистов* («Советские чекисты [сотрудники органов государственной безопасности] сыграли значительную роль в оборонительных боях и разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом. <...> В память о доблести и мужестве чекистов в обороне Сталинграда сооружен монумент воина-чекиста» [9; с. 163-165]; улица названа в 1951 г., площадь – в 1965 г.);

улица *Зенитчиков* («Улица названа в честь зенитчиков 1077-го зенитно-артиллерийского полка и остальных артиллерийских соединений Сталинградского корпусного района ПВО, сражавшихся в Сталинграде 23-24 августа 1942 г. и прикрывавших подступы к Сталинграду, объекты железной дороги, Сталинградский тракторный завод, паромную железнодорожную переправу с воздуха» [9; с. 85-86]; названа в 1976 г.);

улица *Снайперская*;

улица *4-х связистов* («В дни обороны Сталинграда на Нижнем поселке завода «Баррикады» мужественно сражались связисты 203-го отдельного батальона связи 138 стрелковой дивизии, которой командовал полковник И.И. Людников. Их было четверо – Андрей Никонорович Ветошкин, Александр Семенович Колосовский, Семен Константинович Харазия и Николай Никифорович Кузьминский» [9; с. 18-19], улица названа в 1954 г.);

улица *Ополченская* («Народное ополчение Сталинграда – добровольческое военизированное формирование, созданное из граждан Сталинграда и области, не подлежащих призыву на военную службу по мобилизации. <...> Именно добровольцы Сталинграда сыграли огромную роль в закрытии прорыва фашистов на северной окраине города в конце августа – начале сентября 1942 г.» [9; с. 123-125]; в 1947 г. ул. Культармейская переименована в ул. Ополченцев) и др.

г. Воронеж:

улица *Летчика Демьянова* (г. Воронеж; в 1943 г. ул. 1-я Конно-Стрелецкая переименована в память погибшего летчика 41-го Воронежского штурмового авиационного полка М.А. Демьянова (1921-1942), который направил горящий самолет на боевую технику противника [14; с. 102]);

улица *Танкиста Серебрякова* (г. Воронеж; в 1975 г. переулки Открытый, Теплый и Курортный объединены в одну улицу, названную в память об А.М. Серебрякове (1913-1942), Герое Советского Союза, командире танковой роты, погибшем при защите Воронежа [14; с. 323]);

улица *Минёров*;

улица *Народных Ополченцев*;

улица *Сапёрная*;

улица *Танковая*;

переулок *Автоматчиков*;

переулок *Зенитный*;

переулок *Снайперский*;

переулок *Танкистов*.

Воронежская область:

площадь *Танкистов* (с. Девича Семилукского района, г. Россошь; при освобождении Россоши первыми в город ворвались с боем именно танковые части, поэтому на этой площади в качестве памятника стоит легендарный танк Т-34 [18/II; с. 293]);

улица и переулок *Танкистов* (рп. Кантемировка);

улица *Павших Стрелков* (г. Богучар).

4. Наименования воинских соединений, участвовавших в освобождении населенного пункта от немецко-фашистских захватчиков:

г. Волгоград:

улица *8-й Воздушной Армии*;

улица *10-й дивизии НКВД*;

улица *7-й Гвардейской*;

улица *13-й Гвардейской*;

улица *35-й Гвардейской*;

улица *36-й Гвардейской*;

улица *39-й Гвардейской*;

улица *51-й Гвардейской*;

улица *95-й Гвардейской*;

улица *62-й Армии*;

улица *64-й Армии*;

Набережная 62-й Армии.

г. Воронеж:

улица *60-й Армии*;

улица *6-й Стрелковой Дивизии*;

улица *19-й Стрелковой Дивизии*;

улица *45-й Стрелковой Дивизии*;

улица *100-й Стрелковой Дивизии*;

улица *121-й Стрелковой Дивизии*;

улица *232-й Стрелковой Дивизии*;

улица *303-й Стрелковой Дивизии*;

улица *41-го пограничного полка*;

улица *Героев Сибиряков* (в честь воинов, сформированных в дивизии в Сибири и сражавшихся за Воронеж);

улица *Добровольческого коммунистического полка* (Воронежский добровольческий коммунистический полк – добровольное военное формирование; сформирован в августе 1941 г. в Воронеже из добровольцев народного ополчения; полк прошел боевой путь от Воронежа до Вены в составе 1-й гвардейской стрелковой дивизии, с ноября 1942 г. – в составе 1-го гвардейского механизированного корпуса [11; с. 52]; в 1985 г. ул. Линейная была переименована в честь полка).

Воронежская область:

улица и переулок *62-й Гвардейской Дивизии* (с. Новая Калитва Россошанского района);

улица *1-й Стрелковой Дивизии* (г. Богучар);

улица *2-й Воздушной армии* (г. Семилуки);

улица *38-й Стрелковой Дивизии* (с. Кстово Ольховатского района);

улица *46-й Стрелковой Дивизии* (с. Коротояк, с. Покровка Острогожского района);

улица *106-й Танковой Бригады* (г. Россошь);

улица *107-й Стрелковой Дивизии* (г. Острогожск);

улица *129-й Стрелковой Дивизии* (г. Острогожск);

улица *180-й Стрелковой Дивизии* (г. Россошь);

улица *217-й Стрелковой Дивизии* (г. Борисоглебск, г. Новохоперск);
улица *219-й Стрелковой Идрицкой дивизии* (г. Лиски);
улица *415-го Стрелкового Полка* (с. Верхний Мамон).

По мнению основателя Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, «наш город [Воронеж – С.П.], как никакой другой, пострадал в годы минувшей войны. В то же время, с глубоким уважением относясь к святой памяти защитников нашего города в годы Великой Отечественной войны, необходимо заметить, что нельзя называть улицы: “45 стрелковой дивизии” или “10 армии” <...>. Дело в том, что цифры в названиях – удел военных. <...> В России это недопустимо. <...> Вообще воронежские улицы сильно засорены цифрами. Вот примеры: 20-летия Октября, 20-летия ВЛКСМ, 25-го Октября, 9-го Мая, 9-го Января, 5-го декабря (ул.), 5-го декабря (пер.), 19 Стрелковой дивизии, 45 Стрелковой дивизии, 100 Стрелковой дивизии, 121 Стрелковой дивизии, 303 Стрелковой дивизии и многие, многие др. Сплошной календарь на военном полигоне!» [19; с. 99-100]. На наш взгляд, такие «цифровые» топонимические пометы в календаре воинской славы России всё же должны присутствовать, иначе новые поколения россиян забудут героические страницы отечественной истории.

**5. Дата освобождения населенного пункта от немецко-фашистских захватчиков:
г. Воронеж:**

улица *25 января* (25 января 1943 г. к 11 часам утра в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции, в которой участвовали 38-я, 40-я и 60-я армии, 2-я воздушная армия, 4-й танковый корпус Воронежского фронта, а также соединения Брянского фронта, Воронеж был полностью освобожден от гитлеровцев).

Отдельно в ономастическом пространстве городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести необходимо выделить **урбанонимы-меморативы, относящиеся к общим наименованиям понятий и явлений, связанных с памятью народа о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов:**

г. Волгоград:

проспект *имени Героев Сталинграда*;
площадь *Гвардейская*,
площадь *Павших бойцов*,
площадь *Сталинградской победы*;
улица *Аллея Героев*,
улица *Воссоединения*;
улица *Гвардейская*.

г. Воронеж:

площадь *Победы*;
площадь *Славы*;
бульвар *Победы*;
бульвар *Воинской Славы*;
проспект *Патриотов*;
улица *Защитников Родины*;
улица *Красноармейская*;
улица *Краснознаменная*;
улица *Славы*;
улица *Фронтная*;
переулок *Гвардейский*;
переулок *Доблести*;
переулок *Славы*;
переулок *Штурмовой*.

Воронежская область:

улица *Победы* (более 100 населенных пунктов);
улица *9 Мая* (18 населенных пунктов);
улица *Красноармейская* (более 10 населенных пунктов);
улица *Военная* (г. Острогожск);
улица *Доброволец* (с. Верхний Мамон);
улица *Красной Звезды* (г. Борисоглебск);
улица *Оборонительная* (пгт. Анна);
улица *Освобождения* (г. Острогожск).

На основании приведенных примеров можно сделать вывод, что события и имена героев Великой Отечественной войны 1941-1945 годов наиболее ярко отражены в меморативах ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести – местах ведения ожесточенных боев за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков, местах массового проявления героизма защитников Отечества.

В меморативах навечно зафиксировались имена и фамилии, воинские звания, рода войск, наименования воинских соединений героев Великой Отечественной войны – это и названия улиц, бульваров, проспектов, площадей, переулков, проездов, набережных, парков, скверов, организаций и т.д. Однако в настоящее время этого недостаточно для сохранения у потомков победителей исторической памяти о сложном героическом прошлом нашей страны.

В целях действенного патриотического воспитания молодежи и просвещения россиян о далеких событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, в результате которых наши предки освободили родную землю от фашистских оккупантов, необходимо использовать современные коммеморативные практики, направленные на сохранение исторической памяти о героическом прошлом как всей страны, так и её определенных регионов.

Такая работа уже ведется многими федеральными и региональными средствами массовых коммуникаций. Так, в 2018 году к 75-летию со дня освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков Региональное информационное агентство «Воронеж» успешно реализовало просветительский проект «Воронеж. Улицы победителей» [20]. В честь 75-летия Великой Победы популярная воронежская газета «МОЁ!» открыла новую рубрику «Город героев», посвященную героям, воинским соединениям и событиям Великой Отечественной войны, в честь которых названы улицы областного центра [21]. В Богучарском муниципальном районе снято 4 документальных фильма из цикла «Герои улиц Богучара». Данные акции помогают жителям городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести, особенно подрастающему поколению, лучше узнать свою военную историю и имена героев.

Таким образом, в Российской Федерации память о победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов прочно сохранилась в мемориальных наименованиях географических объектов. Героические топонимы являют собой отражение государственной политики, стремящейся увековечить славные страницы военной истории страны и передать будущим поколениям информацию о героях войны, ценою жизни которых мы уже 75 лет живем под мирным небом над головой.

Библиографический список

1. Беляев Е.В. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия / Е.В. Беляев, А.А. Линченко [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. URL: <http://st-hum.ru/content/belyaev->

ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo (дата обращения: 22.11.2019).

2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

3. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.

4. Разумов Р.В. *Меморативы деятелям культуры в системах урбанонимов Российской Федерации* // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2018. Том 25. С. 170-175.

5. Мадиева Г.Б. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.

6. Супрун В.И. Возникновение урбанонимического пространства и его формирование в античном мире // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Пед. науки. Филол. науки. Ист. науки. 2015. № 6 (101). С. 95–100.

7. Лобанова Н.А. Сталинградская битва в названиях улиц Краснооктябрьского района города Волгограда // Грани познания: Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. 2017. № 2 (49). С. 30-32.

8. Соловьева С.В. Сталинградские снайперы в топонимике Волгограда // Известия ВГПУ. 2018. № 4. С. 218-222.

9. Сталинградская битва в названиях улиц и площадей Волгограда: словарь-справочник / С.В. Соловьева (отв. ред.), Е.Ю. Болотова, М.Н. Опалев. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Планета, 2020. 208 с.

10. Панкратов Георгий. По сталинградским местам: где хранят память о величайшем сражении Второй мировой [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/3768707> (дата обращения: 10.02.2020).

11. Воронежская военно-историческая энциклопедия. Том 2. Воронежские военные формирования / Сост. А.Н. Юрасов. Воронеж: Кварта, 2014. 272 с.

12. Литвинов М.В. Их именами названы улицы Воронежа. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1960.

13. Навечно в памяти народной. Их именами названы воронежские улицы / Сост. Р.Н. Литвинов. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1980.

14. Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. – 2-е изд. Воронеж: Кварта, 2003. 532 с.

15. Воронежская военно-историческая энциклопедия. Том 1. Персоналии / Сост. А.Н. Юрасов. Воронеж: Кварта, 2013. 208 с.

16. Улица Майора Поликарпова. [Электронный ресурс]. URL: <http://rossosh.vrn.eis1.ru/ul-majora-polikarпова/> (дата обращения: 16.12.2019).

17. Улица Майора Сачко. [Электронный ресурс]. URL: <http://rossosh.vrn.eis1.ru/ul-majora-sachko/> (дата обращения: 16.12.2019).

18. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. I: А-Л. 410 с.; Т. II: М-Я. 420 с.

19. Ковалев Г.Ф. Лицо Воронежа в его нынешних названиях // Воронежское лингвокраеведение: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. Г.Ф. Ковалева. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 94-105.

20. Воронеж. Улицы победителей [Электронный ресурс]. URL: https://riavrn.ru/theme/victory_streets/ (дата обращения: 10.02.2020).

21. Город героев [Электронный ресурс]. URL: <https://plus.moe-online.ru/paper/1314/11851> (дата обращения: 10.02.2020).

References

1. Belyaev E.V. State policy of memory and values of mass historical consciousness in modern Russia: problems and contradictions [Electronic resource]. // *Studia Humanitatis*. 2016. Vol. 2. URL: <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo> (date of application: 22.11.2019).
2. Podolskaya N.V. The dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1988. 192 p.
3. Nikonov V.A. Introduction to toponymy. Ed. 2. Moscow, 2011. 184 p.
4. Razumov R.V. Memoratives of cultural figures in the systems of urbanonyms of the Russian Federation // *Scientific notes of VSU named after P.M. Masharov*. 2018. Vol. 25. P. 170-175.
5. Madiyeva G.B. The system of modern Russian urbanomics terminology // *The issues of onomastics*. 2017. Vol. 14. Iss. 2. P. 115-125.
6. Suprun V.I. The appearance of urbanonymic space and its formation in the ancient world // *The bulletin of Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical sciences. Philological sciences. Historical sciences*. 2015. Vol. 6 (101). P. 95-100.
7. Lobanova N.A. Stalingrad battle in the street names of Krasnooktyabrsky district of Volgograd // *Facets of knowledge: Electronic scientific and educational journal of VGSPU*. 2017. Vol. 2 (49). P. 30-32.
8. Solovyova S.V. Stalingrad snipers in the toponymy of Volgograd // *The bulletin of VSPU*. 2018. Vol. 4. P. 218-222.
9. The battle of Stalingrad in the names of streets and squares of Volgograd: reference dictionary. Moscow, 2020. 208 p.
10. Pankratov Georgi. On Stalingrad places: where they keep the memory of the greatest battle of the Second world war [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/v-strane/3768707> (date of application: 10.02.2020).
11. Voronezh encyclopedia of military history. Vol. 2. Voronezh military formations. Voronezh, 2014. 272 p.
12. Litvinov M.V. The streets of Voronezh are named after them. Voronezh, 1960.
13. Forever in the memory of the people. Voronezh streets are named after them. Voronezh, 1980.
14. Popov P.A. Voronezh. City history in the street names. Voronezh, 2003. 532 p.
15. Voronezh encyclopedia of military history. Vol. 1. Personalities. Voronezh, 2013. 208 p.
16. Major Polikarpov street. [Electronic resource]. URL: <http://rossosh.vrn.eis1.ru/ul-majora-polikarpova/> (date of application: 16.12.2019).
17. Major Sachko street. [Electronic resource]. URL: <http://rossosh.vrn.eis1.ru/ul-majora-sachko/> (date of application: 16.12.2019).
18. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of Voronezh region: in 2 vols. Voronezh, 2017.
19. Kovalev G.F. The face of Voronezh in its modern names // *Voronezh linguistic studies of region*. Vol. 1. Voronezh State University, 2005. P. 94-105.
20. Voronezh. Streets of winners [Electronic resource]. URL: https://riavrn.ru/theme/victory_streets/ (date of application: 10.02.2020).
21. City of heroes [Electronic resource]. URL: <https://plus.moe-online.ru/paper/1314/11851> (date of application: 10.02.2020).

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1

Самарский государственный социально-педагогический университет

аспирант

Осипова Н.Д.

Россия, г. Самара,

тел. +7 (917) 112-95-14

e-mail: osipova@sgspu.ru

Samara State University of Social Sciences and Education

postgraduate student

Osipova N.D.

Russia, Samara,

tel. +7 (917) 112-95-14

e-mail: osipova@sgspu.ru

Н.Д. Осипова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЕМА ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОТОНИМНЫХ ПРАГМАТОНИМАХ

В статье исследуется применение лингвокреативной деятельности на материале отечественных отонимных прагматонимов – наименований конфет. Предмет изучения – прагматонимы, реализующие фонетический тип языковой игры. Цель статьи – анализ реализации фонетического типа языковой игры в условиях современной номинативной ситуации в России. Методологической базой исследования являются работы таких отечественных лингвистов, как Ю.В. Бульина, Т.А. Гридина, Е.П. Иванян, В.З. Санников, И.И. Файзуллина, Р.Ю. Шибалов и др. Приведены различные точки зрения на понимание таких терминов, как *языковая игра*, *ономастическая игра*, *лингвокреативная деятельность*. Среди российских номинаторов выявлена тенденция отхода от мелиоративных наименований продукции, ориентация на интерактив с потенциальным потребителем путем реализации людической функции онимов. В ходе анализа определено несколько типов способов реализации фонетической языковой игры: фонетическая языковая игра в сочетании с рифмовкой и редупликацией; фонетическая игра, основанная на актуализации прецедентного имени, а также актуализация внутренней формы слова (контаминация нескольких значений одного онима). Проведенное исследование позволяет оценить людическую функцию прагматонимов – названий конфет с точки зрения наличия социально маркированных компонентов и их ассоциативного поля для потенциального потребителя. В части прагматонимов выявлен также логопедический потенциал, который заключается в сочетании в составе номена труднопроизносимых для детей дошкольного и младшего школьного возраста звуков. Отмечена социокультурная роль прагматонимов. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания русского языка в школе и вузе; также перечислены основные аспекты, представляющие интерес для дальнейшего изучения отонимных прагматонимов – названий конфет, реализующих принцип ономастической игры.

Ключевые слова: оним, прагматоним, названия конфет, отонимный прагматоним, прецедентный оним, гипокристическое имя, трансонимизация, мелиоративная номинация, языковая игра, ономастическая игра, лингвокреативность, контаминация.

N.D. Osipova

PHONETICAL LANGUAGE GAME REALIZATION IN MODERN OTONYM PRAGMATONYMS

In this article the application of linguo-creative activity is investigated on the domestic toponym pragmatonyms -

candy names. The aim of this article is to analyse realization of phonetical type of language game in the current nominative situation in Russia. Different points of view are given on the understanding by domestic linguists of such terms as a language game, onomastic game, linguistic-creative activity. Among Russian nominees, the trend away from ameliorative names of production and focus on interaction with potential consumer by realizing human function of onyms are identified. During the analysis, several types of methods of phonetical language game realization are identified: phonetical language game combined with rhyming and reduction; phonetical game based on precedent name actualization and inner form of the word actualization (contamination of several meanings of one onym). The study allows to evaluate the human function of pragmatonym – candy names in terms of socially marked components and their association area for a potential consumer. In terms of pragmatonyms the speech therapy potential was identified, which consists in combining the nomen of difficult to pronounce sounds for children of preschool and primary school age. The sociocultural role of pragmatonyms is noted. The main aspects that are of interest for further study of otonymous pragmatonyms - candy names that implement the principle of onomastic game are listed.

Key words: onym, pragmatonym, candy names, otonym pragmatonym, precedent onym, hypocoristical name, transference strategy, ameliorative nomination, language game, onomastic game, linguo-creative activity, contamination.

Однозначного определения термина «языковая игра» (игра с языком, игра слов, языковая эксцентрика, реализация ludической функции языка) в современной лингвистике нет, однако словарь-справочник «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» под ред. А.П. Сковородникова дает обобщенную трактовку языковой игры как «творческого, нестандартного (неканонического, отклоняющегося от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использования любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [1; с. 389].

«Понятия языковая игра и стилистический прием пересекаются в том случае, если стилистический прием используется в ludической (игровой) функции – функции создания нестандартного остроумного высказывания» [1; с. 389].

Языковая игра достаточно широко рассматривается в рамках текста, «...проникает во все сферы человеческой жизни, от бытовой сферы, где она существует в виде ходячей шутки или просто в виде отзвучий, <...>, до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения. Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни – фонику, словообразование, лексику, синтаксис» [2; с. 159-160].

Близки к данной точке зрения авторы «Русской разговорной речи» (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова), которые считают, что языковой игрой можно считать свободное отношение к форме речи с установкой на комический эффект (шутка, острота, каламбур, различные тропы) [3; с. 172].

Таким образом, к языковой игре возможно отнести большинство средств выразительности, которые используются в языке художественной литературы (аллитерация, ассонанс, повторы-отзвучия, повторы, усиленные, сходством или тождеством лексического или словообразовательного значения, словотворчество и т.д.). Н.А. Николина и Е.А. Агеева также полагают, что, «с точки зрения совокупности приемов реализации и их основной функциональной нагрузки (балагурство и острословие), языковая игра в современном художественном тексте не отличается от языковой игры в современной русской разговорной речи» [4; с. 553].

В.З. Санников делает акцент на языковой игре, целью которой является создание комического эффекта – языковой шутке [5], и предлагает рассматривать типы языковой игры в соответствии с уровнями языка. Ю.В. Бульина, опираясь на классификацию В.З. Санникова, выделяет следующие типы языковой игры: лексико-семантический, лексический, стилистический, прагматический, морфологический, словообразовательный, статусно-ролевой, фонетический, синтаксический, логико-фактический [6; с. 10-11]. Языковая игра понимается автором как осознанное нарушение языкового канона, проявляющееся на всех уровнях языка в тесной связи с ролевой и стилевой дифференциацией речевой деятельности и законами фор-

мальной логики, рассчитанное на осознание этого нарушения реципиентом и нередко имеющее целью создание комического эффекта [6; с. 8].

Т.А. Гридина полагает, что понятие языковой игры напрямую связано с ассоциативным контекстом слова, который обеспечивает деавтоматизацию стереотипа употребления и восприятия словесного знака при помощи лингвистических механизмов, чем и достигается эффект языковой игры [7]. «Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, языковая игра всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной «обработкой того или иного вида языкового знания» [7; с. 26]. Т.А. Гридина характеризует языковую игру как процесс «направленного (программирующего) ассоциативного воздействия на адресата, достигаемого при помощи различных лингвистических механизмов» [8; с. 10].

Среди функций приема языковой игры исследователи называют эвристическую, креативную, фатическую, апеллятивную, гедонистическую, экспрессивную, релаксационную, языкотворческую [8], [13]. Т.А. Гридина в качестве основной выделяет эвристическую функцию, под которой понимается «активизация способности говорящих к постановке и решению нестандартных лингвистических задач» [8; с. 198].

Современная номинативная ситуация в России в сфере прагматоники характеризуется усилением ориентации на языковую игру (лингвокреативность), на интерактив с потребителем. Доказательствами сказанного могут быть, к примеру, такие названия конфет, как «Заводная теща», «Укус женщины», «Без комплексов» и т. п. (представленные в продукции кондитерской фабрики «АтАг» Вологодской области). Такие номинации вызывают у потребителей улыбку, актуализируют юмористическую функцию прагматонима – названия конфет. Отметим, что в последние годы номинаторы всё чаще выходят за рамки мелиоративной лексики, моделируя не только положительные эмоции и ностальгические воспоминания, но и стремясь привлечь внимание потребителя оригинальным и неожиданным наименованием, далеко немелиоративного характера. Таким образом, в современных прагматонимах – названиях конфет, помимо устоявшейся тенденции мелиоративной номинации, вызывающей удивление, удовлетворенность, настраивающей на лирический лад, наблюдается и тенденция расширения потребительского контингента путем таких номинаций, как «Плотник Вася», «Кочегар Петя» («АтАг») и т. п., в которых мелиорация отсутствует, однако в яркой форме актуализирована людическая функция.

И.И. Файзуллина ставит перед собой задачу комплексного описания свойств прагматонимов как нового, развивающегося класса имен собственных, входящих в периферийное поле ономастического пространства. Исследователь рассматривает реализацию принципа языковой игры, понимаемой как «определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка с целью создания комических языковых форм», на фонетическом и словообразовательном уровнях [9; с. 18]. Широкое использование языковой игры в современных прагматонимах и рекламе отмечает Ван Мяо в работе «Названия русских и китайских кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте» [10], изучая данное явление с целью сопоставления прагматических факторов лингвистической и паралингвистической специфики русских и китайских прагматонимов. Исследования многих современных лингвистов посвящены использованию приёма языковой игры в речи педагогов [11]. Ю.В. Бульина изучает явление языковой игры в рамках педагогической коммуникации (общение между студентами и преподавателями в вузе) с целью создания смехового пространства [6]. Также Е.П. Иванян и С.И. Айтасова рассматривают с точки зрения реализации языковой игры коннотативные онимы [12]. Новым этапом в изучении ономастических феноменов в области языковой игры следует считать исследование Р.Ю. Шебалова, которое посвящено изучению ономастической игры в художественном тексте (на материале

ранних рассказов А.П. Чехова). Мы разделяем точку зрения ученого, определяющего ономастическую игру как «вид языковой игры, в основе которой лежат лингвокреативные механизмы актуализации этно-, социо- и прецедентно маркированных компонентов ассоциативно-коннотативной семантики ИС, связанные с акцентированием и / или переключением ономастического стереотипа» [13; с. 9]. Научная новизна нашего исследования состоит в изучении фрагмента общей проблемы языковой игры в ономастике применительно к отонимным прагматонимам – названиям конфет.

Цели нашей статьи: 1) исследование языкового материала прагматонимов – названий конфет и его анализ с точки зрения типа языковой игры; 2) описание структуры и семантики прагматонимов – наименований конфет, реализующих принцип языковой игры; 3) оценка лингвокреативной деятельности номинаторов российских кондитерских фабрик с точки зрения её социокультурного значения и потенциального воздействия на потребителя. Нами было проанализировано более 400 прагматонимов – наименований конфет (68 российских кондитерских фабрик). В более чем 100 из них на разных языковых уровнях реализуется лингвокреативная деятельность номинаторов. Явная ориентация на языковую игру прослеживается в продукции таких кондитерских предприятий, как «АтАг» (Вологодская область, р.п. Шексна), «Краскон» (г. Красноярск), «Sweet life» (Пензенская обл.), однако отдельные примеры были обнаружены нами и в наименованиях конфет многих других фабрик. Поскольку для нашего исследования особый интерес представляют отонимные прагматонимы – названия конфет, в данной статье мы проанализируем лишь часть наименований, реализующих принцип фонетической языковой игры.

Осуществляя исследование обзор языкового материала с точки зрения типа языковой игры, мы отмечаем, что наиболее распространены (около 70%) наименования, представляющие собой антропонимы с рифмизацией. Таковы прагматонимы «Алина-малина» («Славянка», г. Старый Оскол), «Настена-Сластена» («Акконд», г. Чебоксары), Антошка-картошка (Кондитерская фирма «Такф», г. Тамбов), «Апельсинки для Иринки» и «Барбариски для Лариски» («Сладуница», г. Омск), «Герберы для Леры» и «Жасмины для Ирины» («Sweet life», Пензенская обл.), «Машка в ромашках» («Краскон», г. Красноярск), «Наташка-первоклашка» (Пензенская кондитерская фабрика, г. Пенза). На данных примерах можно наблюдать фонетический тип языковой игры, основанный на «обыгрывании фонетического облика слова и ритмико-мелодической структуры высказывания» [6; с. 13].

В соответствии со структурой и семантикой представляется возможным разделить данные прагматонимы на две группы.

К **первой** группе отнесем названия, состоящие из антропонима и приложения. В прагматонимах «Алина-малина» и «Антошка-картошка» приложения указывают на состав конфет. В первом случае – ягодная начинка, во втором случае – вкус известного с советских времен пирожного «Картошка». При этом прагматоним «Антошка-картошка» также ассоциируется с детской песней, звучавшей в советском мультфильме «Антошка» (1969 г.): «Антошка, Антошка! / Пойдём копать картошку!». Таким образом, антропоним Антошка в данном случае можно считать прецедентным, а приложение картошка актуализирует социально-маркированный компонент онима. В наименовании «Настена-Сластена» вторая часть выполняет мелиоративную функцию, настраивая потребителя на получение удовольствия от сладкого десерта. Прагматоним «Наташка-первоклашка» содержит в себе отсылку к одноименной детской песне (слова К.И. Ибряева): «Сестрёнка Наташка теперь первоклашка, / Теперь ученица она. / И знает об этом вся улица наша, / И знает об этом вся наша страна!». Подобное сочетание слов, как и случае в прагматониме «Антошка-картошка», вероятно, вызовет ассоциацию с детством. В данном примере также актуализируется социально маркированный компонент антропонима в гипокористической форме *Наташка*. На примере наименования «Вася-василёк» («Рошен» г. Липецк) наблюдается явление трансонимизации – перехода онима одного разряда в другой [14; с. 138]. В русском языке фитоним *василёк* используется

как уменьшительно-ласкательная форма имени *Василий*. Т.А. Гридина приводит в качестве примера детской номинативной игры восприятие такого наименования ребенком: «*Бабушка, почему василёк? А есть такой цветок – сашулёк? (Смеется). (Саша, 7, 5 л.)*» [15; с. 15] (название цветка от имени Саша). В данном прагматониме два значения данного онима – гипокристическая форма антропонима *Вася* и отонимный фитоним *василёк* – контаминируют, что подчеркивается оформлением упаковки (рис. 1, 2). Вариантов иллюстраций несколько, однако на всех неизменно присутствует изображение цветков василька.

Рис. 1. Упаковка конфеты «Василёк» (Вариант 1)

Рис. 2. Упаковка конфеты «Василёк» (Вариант 2)

Во **вторую** группу мы считаем логичным выделить прагматонимы, представляющие собой словосочетания с предлогом *для*, построенные по принципу *что-то + для + антропоним* (Им.п.+для+Род.п.). Интересно сходство способа номинации двух кондитерских марок, отличающегося лишь семантикой первого компонента. В прагматонимах фабрики «Сладуница» данный компонент «съедобен»: «Апельсинки для Иринки» – апельсин, «Барбариски для Лариски» – барбарис (в данном контексте, возможно, подразумевается не ягода, а одноименная карамель). В таком случае представляется возможным говорить о явлении эксплуатации брендового названия. Следует отметить, что в данных примерах, как и в первой группе, основу рифмовки составляет диминутивная номинация (суффиксы *-к-*, *-ён-*). Номинаторы фабрики «Sweet life» в качестве первого компонента используют фитонимы *герберы* и *жасмины*: «Герберы для Леры» и «Жасмины для Ирины». Такими образом можно говорить о том, что среди российских кондитерских фабрик наблюдается определённая тенденция использования подобной номинативной модели.

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, требует ономастическая игра в прагматонимах «Машка в ромашках» («Краскон», г. Красноярск) и «Рома+Машка» («Невский кондитер», г. Санкт-Петербург). Оба примера номинации содержат явную отсылку к бренду конфет «Ромашка», выпускаемому кондитерской фабрикой «Рот Фронт» (г. Москва), как в наименовании, так и в стиле оформления упаковки. В прагматониме «Машка в ромашках» антропоним *Машка* актуализируется за счет созвучного фитонима *ромашка*. В прагматониме «Рома+Машка» наблюдается явление анадиплосиса (повтор слога *-ма-*), в результате чего мы получаем лексему *рома-машка*, фонетически сближенную с фитонимом *ромашка* (также возможно диминутивное производное от антропонима *Роман*).

Приём ономастической игры реализуется также в прагматониме «Рио-Рио» («Самарский кондитер», г. Самара) с использованием приема редупликации – рифмуется повторяющийся фрагмент топонима *Рио-де-Жанейро*.

При оценке лингвокреативной деятельности номинаторов российских кондитерских фабрик с точки зрения потенциального воздействия на потребителя представляется важным, что прагматонимы, основанные на фонетическом сходстве и редупликации (повторах), легко запоминаются, и, соответственно, привлекают значительную потребительскую аудиторию. Кроме того, следует отметить логопедический потенциал подобных прагматонимов, связанный с их использованием в качестве артикуляционной разминки для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Особенно полезны в подобных целях будут прагматонимы «Антошка-картошка», «Апельсинки для Иринки», «Барбариски для Лариски», «Герберы для Леры», «Жасмины для Ирины», «Машка в ромашках», «Наташка-первоклашка», «Рио-Рио». В данных лексемах присутствует труднопроизносимый вибрант [p], который в номенах «Апельсинки для Иринки», «Герберы для Леры», «Барбариски для Лариски» сочетается с оппозиционным ему смычным [л]. Также в прагматонимах «Жасмины для Ирины», «Машка в ромашках» и «Антошка-картошка» присутствуют шипящие [ж] и [ш], произнесение которых также вызывает затруднение у дошкольников.

Таким образом, в нашем языковом материале среди прагматонимов, реализующих принцип ономастической игры, доминируют случаи её фонетического типа. С точки зрения структуры представляется возможным деление прагматонимов на две группы в зависимости от связи между онимом и апеллятивным компонентом. Также нами выделено несколько способов построения наименований, основу которых составляет фонетическая игра. В наиболее многочисленную группу вошли прагматонимы, в которых фонетический тип языковой игры основан на рифмовке за счет диминутивных суффиксов либо за счет редупликации. Были также выявлены случаи фонетической игры, основанные на актуализации прецедентного имени собственного и внутренней формы слова с контаминацией нескольких лексических значений. Следует отметить, что данные наименования соответствуют современной номинативной ситуации в России, отвечая стремлению номинаторов привлечь внимание к своей продукции неординарными названиями. Наш анализ показал, что многие прагматонимы несут в себе обучающий потенциал, а также имеют немаловажное социокультурное значение.

На настоящий момент перспективными представляется изучение на материале отонимных прагматонимов – наименований конфет разных типов языковой игры (лексико-семантического, стилистического, логико-фактического, синтаксического и др.) [6], [16]. Также представляет интерес вопрос реализации прагматического принципа языковой игры, основанного на прецедентно маркированных компонентах семантики онимов.

Библиографический список

1. Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.
2. Береговская Э.М. Принцип организации текста как игровой момент // Русская филология: Ученые записки Смоленского гуманитарного университета. Смоленск, 1999. С. 159-180.
3. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: 1983. 240 с.
4. Н.А. Николина, Е.А. Агеева. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. М.: 2000.
5. Санников В.З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М.: 2003. 560 с.
6. Бульина Ю.В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении: автореферат дис. на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.

7. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // *Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25–26 апреля 2002.* Екатеринбург, Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2002. С. 26-27.
8. Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество. Екатеринбург, Издательство Уральского государственного педагогического университета, 1996. 215 с.
9. Файзуллина И.И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка: автореферат на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Уфа, 2009. 26 с.
10. Ван Мяо. Названия русских и китайских кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте: автореферат дис. на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
11. Иванян Е.П. Языковая игра в педагогической речи: лингвоэкологический аспект // *Acta Universitatis Lodsiensis Folia Linguistica Rossica.* 2017. 14. S. 71-78.
12. Е.П. Иванян, С.И. Айтасова. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы шестой международной научно-практической конференции.* Самара, 2011. С. 131-137.
13. Шебалов Р.Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А.П. Чехова): автореферат на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
14. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
15. Гридина Т.А. Своя игра: ребенок в мире языка: монография. Екатеринбург, Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2015. 179 с.
16. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 542 с.

References

1. Skovorodnirov A.P. Encyclopedic Dictionary. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings. Moscow, 2011. 480 p.
2. Beregovskaya E.M. The principle of organizing text as a game moment // *Russian philology: Scientific notes of the Smolensk Humanitarian University.* Smolensk, 1999. P. 159-180.
3. Russian spoken language. Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture. Moscow, 1983. 240 p.
4. N.A. Nikolina, E.A. Ageeva. Language game in the structure of modern prosaic text // *Russian language today.* Issue 1. Moscow, 2000.
5. Sannikov V.Z. Russian language joke: From Pushkin to the present day. Moscow, 2003. 560 p.
6. Bulina Yu.V. Language game in the speech of students and teachers as a way to create a laughing space in communication: abstract of thesis. Dissertation of candidate of philological Sciences. Saratov, 2011. 23 p.
7. Gridina T.A. Language game as a linguo-creative activity // *Language. System. Personality. Language game as a type of linguo-creative activity. The formation of a linguistic personality in ontogenesis.* Ekaterinburg, 2002. P. 26-27.
8. Gridina T.A. Language game: Stereotype and creativity. Ekaterinburg, 1996. 215 p.
9. Fayzullina I.I. Onomastic field of pragmatonyms of the modern Russian language: abstract of thesis. Dissertation of candidate of philological Sciences. Ufa, 2009. 26 p.

10. Wang Miao. Names of Russian and Chinese confectionery in a pragma-linguistic aspect: abstract of thesis. Dissertation of candidate of philological Sciences. Volgograd, 2010. 23 p.
11. Ivanyan E.P. Language game in teacher's speech // Acta Universitatis Lodsiensis Folia Linguistica Rossica. 2017. 14. P. 71-78.
12. E.P. Ivanyan, Aitasova S.I. Semantics and functions of connotative onyms in Russian discourse // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Samara, 2011. P. 131-137.
13. Shebalov R.Yu. Onomastic game in fiction (on the material of the early stories of A.P. Chekhov): abstract of thesis. Dissertation of candidate of philological Sciences. Ekaterinburg, 2004. 28 p.
14. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1978. 198 p.
15. Gridina T.A. My own game: child in the world of language: a monograph. Ekaterinburg, 2015. 179 p.
16. Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game. Moscow, 1999. 542 p.

УДК 81'373.227

*Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина
аспирант кафедры русского языка
Ду Чуньян
Россия, г. Тамбов,
тел. 8910 7577809*

*Tambov State University to them.
G.R. Derzhavina
postgraduate student of the Russian language
department
Du Chunyang
Russia, Tambov,
phone: 8910 7577809*

Ду Чуньян

ПЕРИФРАЗЫ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматриваются описательные обозначения небесных тел в русском языке, участвующих в речевой репрезентации, которая включается в процесс категоризации и расширяет возможности передачи перифрастическими средствами разных структур знания и их интерпретирующий характер. Обосновывается когнитивный подход к изучению перифраз, который позволяет считать, что представление о небесных телах, полученное человеком в процессе познания, лежит в основе в речевой репрезентации. Когнитивные факторы определяют отношения между словом-номинантом (перифразируемое понятие) и перифразирующим понятием, в значении которых содержится дополнительная информация, позволяющая обеспечить доступ не только к одной концептуально-тематической области, но и к другим концептуальным областям. Особое внимание уделяется категоризации перифрастических наименований небесных тел, являющих собой определенный способ классификации информации. Доказывается, что при определении термина *перифраза* нужно принять во внимание тот факт, что перифраза является аналитической вторичной семантически неделимой номинацией объектов в описательной языковой форме, которая служит цели репрезентации определенного типа знания. Аналитическая номинация создает расширенное описание конкретизирующих признаков и отражает более точное понимание и осмысление того или иного небесного тела. Устанавливается, что перифраза имеет свое перифрастические значение, под которым понимается семантический объем перифрастических компонентов, в значении которых содержится информация, позволяющая интерпретировать наращение смысла в перифразирующем описании объекта. Обосновывается, что при использовании однословных перифрастических наименований небесных тел не следует рассматривать их как простую синонимическую замену слова-номинанта, поскольку значение перифразы не тождественно значению слова-номинанта. Доказывается, что тематическая группа небесных тел отражает знания о естественных объектах и выполняет определенную интерпретирующую функцию, являясь ориентиром для восприятия мира.

Ключевые слова: наименования небесных тел, перифразы, речевая репрезентация.

Du Chunyang

PERIPHRASES OF CELESTIAL BODIES IN SPEECH REPRESENTATION

The article considers descriptive designations of celestial bodies in the Russian language that participate in speech representation, which is included in the categorization process and expands the possibilities of transmitting different knowledge structures and their interpretative character by peripheral means. A cognitive approach to the study of peripherals is justified, which allows us to assume that the idea of celestial bodies received by a person in the process of cognition is the basis for speech representation. Cognitive factors determine the relationship between the nominee word (periphrasis and concept) and the peripheral concept hybridizing concept, which contains additional information that allows access not only to one conceptual-thematic area, but also to other conceptual areas. Special attention is paid to the categorization of peripheral names of celestial bodies, which are a certain way of classifying information. It is proved that when defining the term "periphrasis" it is necessary to take into account the fact that periphrasis is an analytical secondary semantically indivisible nomination of objects in a descriptive language form that serves the purpose

of representing a certain type of knowledge. The analytical nomination creates an extended description of specific features and reflects a more accurate understanding and understanding of a particular celestial body. It is established that periphrases have their own periphrastic meaning, which is understood as the semantic volume of the periphrastic components, the meaning of which contains information that allows you to interpret the increase in meaning in the periphrastic description of the object. It is proved that when using one-word periphrastic names of celestial bodies, they should not be considered as a simple synonymous replacement of the nominee word, since the meaning of the periphrase is not identical with the meaning of the nominee word. It is proved that the thematic group of celestial bodies reflects knowledge about natural objects and performs a certain interpretive function, being a reference point for the perception of the world.

Key words: names of celestial bodies, periphrases, speech representation.

В языке присутствует вторичная номинации одного и того же объекта (слово и перифраза), что позволяет номинатору реализовывать дополнительные номинационные ресурсы. Наличие двух вариантов отражения в языке одного и того же целостного представления объекта (слова-номинанта и аналитического перифрастического контекста) позволяет считать, что русский язык реализует дополнительные номинационные ресурсы и отражает когнитивную сущность номинации.

В лингвистической литературе термин *перифраза* в большинстве своем закрепился за субстантивными словами [1; с. 6], которые существуют в языке как стилистические тропы (сравнение, метафора, метонимия, синекдоха, и др.).

В то же время под *перифразой* ученые понимают неоднословную вторичную номинацию, преимущественно описательно интерпретирующую те или иные объекты и отражающие оценочный, эмоционально экспрессивный характер. По своей природе описательное перифрастическое выражение являет собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на отличительные либо субъективно выделенные носителем языка признаки (признак) обозначаемого того или иного объекта [2; с. 105-113].

Однако нельзя не учитывать аналитическое представление номинации, а именно: аналитическую подачу содержания перифрастическими наименованиями. Аналитическая номинация создает расширенное описание конкретизирующих признаков, отражающих более точное понимание и осмысление того или иного небесного тела.

Речь идет о преобразованном смысле значения слова-номинанта (денотата), вступающего в ментальную корреляцию со смыслом перифрастического контекста, то есть перифрастическое значение определяет значения опорного слова-номинанта и зависимого (зависимых) слова, а также компоненты их значения. В целом значения языковых единиц перифраз небесных тел – это не просто аналитическая описательная структура упорядоченных слов и сем. Это некое единое представление, ведущее к многослойности, которая затрагивает не только номинативную зону, формирующую в сознании человека повторную номинацию того или иного небесного тела в процессе опыта познания действительности, но и проявление ассоциативных параллелей, образующих в объеме содержания перифразы небесного тела несколько вертикалей.

Таким образом, при определении термина *перифраза* нужно принять во внимание, что перифраза является аналитической вторичной семантически неделимой номинацией объектов в описательной языковой форме, указывающей на отличительные признаки обозначаемого объекта (однословные перифразы являются исключением) и выполняющей цели репрезентации определенного типа знания.

Аналитическая номинация, во-первых, служит развернутым способом отражения информации, во-вторых, способствует актуализации лексических единиц при выделении того или иного объекта на основании какого-либо признака; в-третьих, служит созданию новых перифраз, обладающих индивидуально-авторскими особенностями и функциями в различных типах текстов, что особенно наглядно представляют поэтические тексты.

По мнению Т.И. Бытевой, в содержании перифразы языковое выражение представлено несколькими словами вместо одного, в результате чего появляется возможность использовать разные акценты тема-рематического членения [3; с. 44-45]. В этом случае в перифразе происходит распределение одного содержания по разным лексическим единицам, в которых акцентируется внимание на более важной в смысловом отношении характеристике объекта, его оттенках, дополнениях и пояснении.

Тематический компонент перифразы – это предцируемый член, семантически согласуемый со словом-номинантом (Т – это то, что уже известно об объекте действительности, то, что можно назвать «старым значением»).

Содержание рематического компонента перифразы грамматически содержится в опорном компоненте (R – это то, что нечто новое, определяющее исходный объект, то, что можно назвать новым значением).

Однако тема-рематическому обозначению отношений компонентов перифразы не всегда соответствуют перифразы небесных тел, поскольку компоненты в своем значении могут содержать только уже известное, т.е. тему, а рема может отсутствовать. Ср.:

«*светила ночные*» – звезды (Т),
 «*светило дня*» – Солнце (Т),
 «*дневное светило*» – Солнце (Т),
 «*светило ночи*» – Луна (Т),
 «*ночное светило*» – Луна (Т).

Понимание семантики однословной перифрастической единицы отражает содержание только рематического компонента перифразы и может осмысляться в рамках определенного контекста. Ср.:

солнце – *светило*:

«..но я ему –
 на самовар:
 «Ну что ж,
 садись, *светило!*» (В.Маяковский «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»).

Представление о том, какой небесный объект номинирует перифраза *светило* в названии статьи «*светило* заморозит жизнь на Земле» становится понятным только из содержания статьи, в которой речь идет о звезде *Солнце*.

«*Выводы ученых неутешительные: звезда заморозит жизнь на Земле, так как гравитация и дисбаланс сделают нашу планету непригодной жизни. Низкие температуры поставят крест на природе и людях, даже источники воды переживут криозаморозку*» (<https://utro.ru/internet/2019/09/06/1415883.shtml>).

Образ солнца, как и других небесных тел, сформирован у человека еще на этапе овладения языком, затем в результате многократного повторения названия небесного объекта он актуализировался в сознании и стал наиболее частотным представителем семантики того или иного небесного объекта как *светило*.

Луна – *светило*:

«И увидим на небе мы звездопад –
 то ночь и *светило* обняться хотят...» (Светлана Электрическая «Ночь и день»).

Звезда – *светило*:

«И всё! И *светила* нет...
 Но вспышки того сияния
 Сквозь дальние расстояния
 Горит ещё сотни лет... (Э.Асадов «Звёзды живут, как люди»)

Однословные номинации отражают осмысление лексического прототипа по линии выделения его признаков, где перифраза в поэтическом тексте воспринимается как бинарная единица, например, номинация *звезд*:

«Шар солнца почил.

Всё небо в *рубинах*» (А. Белый «Золотое руно»)

В случае появления однословных перифрастических наименований не следует рассматривать их как простую синонимическую замену слова-номинанта, поскольку значение перифразы не тождественно значению слова-номинанта. Перифрастическое значение объемнее, шире за счет содержания в нем тех или иных компонентов содержания, ассоциативных признаков, которые фокусируют внимание языковой личности и позволяют ему в первую очередь выделять конкретный ассоциативный признак при образовании однословной перифразы.

Если структура перифразы включает более одного слова, ее значение не может быть синонимичным значению заменяемого слова. Это объясняется тем, что дополнительная семантика признаков (или компонентов) в структуре перифразы придает описываемому слову-номинанту новые оттенки в его номинации, служащие маркерами выражения эмоций, экспрессии, коннотации, которые очерчивают в перифрастической номинации суть описываемого небесного объекта.

Следовательно, перифраза имеет свое, перифрастическое, значение, под которым мы понимаем семантический объем перифрастических компонентов, в значении которых содержится информация, позволяющая интерпретировать наращение смысла в перифразирующем описании объекта.

При решении многих проблем перифразы следует обратить внимание на мнение Ш. Балли, который считал, что отдельное слово является «отнюдь не всегда соответствующей единицам мысли» и что лексическая единица языка должна соответствовать «единице мысли – конкретному представлению или абстрактному понятию» [4; с. 19], по его мнению, перифраза – это «расширенная форма повторения мысли» [4; с. 126].

Когнитивный подход к изучению перифраз позволяет считать, что представление о небесных телах, полученное человеком в процессе познания, лежит в основе категоризации перифрастических наименований небесных тел и отражает определенный способ классификации информации [5].

В последнее время когнитивные термины все чаще встречаются в работах исследователей, изучающих небесные тела: «концептуализация неба», концепт «небо» [6], «концептосфера небо» [7], «концептуализация неба и небесных тел» [8].

Поскольку понимание перифразы опирается на репрезентативную функцию языка, то важно учитывать когнитивные факторы, которые определяют отношения между словом-номинантом (перифразируемое понятие) и перифразирующим понятием, в значении которых содержится дополнительная информация, позволяющая обеспечить доступ не только к одной концептуально-тематической области, но и к другим концептуальным областям.

Так, с помощью перифразы *звезда первой величины* человек способен формировать новые знания на основе уже существующих, обеспечивать новые концептуальные структуры и соотносить их с различными концептуально-тематическими группами, которые могут отражать астрономические, творческие, социальные, общественные и другие сферы, а именно:

1. *космос* (список звезд первой величины, доступных для наблюдения с Земли: «*Звезды первой величины* – наши маяки в деле изучения звездного неба. Они очень яркие и их не так много, так что запомнить их месторасположение будет сравнительно просто. Зато потом, ориентируясь по ним, вы без труда найдете и созвездия, и звезды «калибром» поменьше» (<http://starcatalog.ru/sozvezdiya/zvezdyi-pervoy-velichinyi.html>). В первых астрономических каталогах все яркие и тусклые звезды по световому потоку были распределены по шести «величинам», самые яркие звёзды называли *звезды первой величины* (например, при решении

задачи: «Рассчитайте, во сколько раз звезда первой звёздной величины ярче звезды шестой величины»).

2. *человек*, который добился высоких результатов, успехов в своей работе, например: «В конце концов, он теперь *звезда первой величины*, а Дина никогда не пропускала ни одной, даже призрачной возможности найти наконец «блестящую партию» (Т.Устинова «Большое зло и мелкие пакости»).

3. *творчество*, вершина творения, вдохновение («Людмила Коркина – *звезда первой величины* в созвездии, именуемом «Русский народный танец». В самом её легком лебяжьем облике виден полет русской души с её задумчивостью, затаенной задумчивостью, грустью и неожиданно-веселым искрящимся лукавством, задором» (Л.Михеева (Лауреаты приза «Душа танца»)) (НКРЯ).

Приведённые контексты свидетельствуют о прямых (первичных) и переносных номинативных формах перифраз. «В основе первичного наименования лежит познавательно-классифицирующая деятельность коллектива» [9; с. 207].

Тематическая группа небесных тел отражает знания о естественных объектах и выполняет определенную интерпретирующую функцию, являясь ориентиром для восприятия мира. По мнению Н.Н. Болдырева, «данный тип знания (знания о словах и их ментальных репрезентациях) объективирует «способы интерпретации знаний человеком» [10; с. 22], формирует и закрепляет механизмы интерпретации этих знаний в системе языка. Под интерпретацией понимается мысленное обобщение на уровне абстракции описания результатов значений номинирующего представления о тех или иных небесных телах, репрезентируемых отдельными значениями языковых единиц или семантическими компонентами этих единиц.

Таким образом, перифразы небесных тел активно участвуют в речевой репрезентации, включаются в процесс категоризации других объектов и расширяют возможности передачи перифрастическими средствами языка разных структур знания и их интерпретирующий характер.

Библиографический список

1. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004. 352 с.
2. Лыскова Т.В. К вопросу о понятийно-терминологическом аспекте перифразы // Семантика. Функционирование. Текст. Киров: Изд-во ВятГТУ, 2007. С. 105-113.
3. Бытева Т.И. Очерки по русской перифрастике. М.: Элпис, 2008. 303 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. М., 1961. 280 с.
5. Щербак А.С., Чуньян Ду Категоризация перифраз небесных тел в русском языке // Славянский мир: духовные традиции и словесность (23-25 мая 2019 года) Тамбов, 2019. С. 470-474.
6. Федорова Н.И. Концепт небо в народных приметах русского языка: автореф. дисс. ...к филол. наук. Казань, 2011. 24 с.
7. Миронова К.С. Концептосфера небо в английском и немецком языках: автореф. дисс. ...к. филол.наук. СПб, 2009. 19 с.
8. Гуляева Г.А. Концептуализация неба и небесных тел в рок-поэзии (на материале текстов К. Кинчева и В. Цоя): автореф. дисс... к.. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
9. Грехнёва Л.В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009 № 6 (2). С. 207-210.
10. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики 2006. №2 (008). С. 5-22.

References

1. Novikov A. B. Dictionary of the periphrases of the Russian language (based on newspaper journalism). Moscow: Russian language, 2004. 352 p.
2. Lyskova T. V. On the question of the conceptual and terminological aspect of periphrasis / / Semantics. Functioning. Text. Kirov: publishing of VGTU, 2007. Pp. 105-113.
3. Bytea T. I. Essays on Russian periphrastic. Moscow: Elpis, 2008. 303 p.
4. Balli sh. French stylistics / per. with FR. Moscow, 1961. 280 p.
5. Shcherbak A. S., Chunyan Du Categorization of the periphrases of celestial bodies in the Russian language / / Slavic world: spiritual traditions and literature (may 23-25, 2019) Tambov, 2019. Pp. 470-474.
6. Fedorova N. I. concept of the sky in folk signs of the Russian language: autoref. Diss. ... to Philol. sciences'. Kazan, 2011. 24 p.
7. Mironov K. S. Conceptosphere of the sky in both German and English: author. Diss. ...K .Philol.sciences'. St. Petersburg, 2009. 19 p.
8. Gulyaeva G. A. Conceptualization of the sky and celestial bodies in rock poetry (based on texts by K. Kinchev and V. Tsoi): author's review. Diss... to.. Philol. sciences'. Yekaterinburg, 2009. 24 p.
9. Grekhneva L. V. Features of the periphrastic nomination / / Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky, 2009 No. 6 (2). Pp. 207-210.
10. Boldyrev N. N. Language categories as a formate of knowledge / / Questions of cognitive linguistics 2006. No. 2 (008). Pp. 5-22.

УДК 8: 81-22

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Лапынина Н.Н.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(951)555-65-47
e-mail: nn.lapynina@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Lapynina N.N.
Russia, Voronezh,
tel. +7(951)555-65-47
e-mail: nn.lapynina@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(960)134-18-22
e-mail: oljanovik@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Novikova O.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(960)134-18-22
e-mail: oljanovik@mail.ru*

Н.Н. Лапынина, О.В. Новикова

АСИММЕТРИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖФРАЗОВЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

В статье рассматривается проблема синтаксической организации текста, таких показателей межфразовой связи, появление которых связывается с наличием русских асимметричных сложных предложений. Выявлено, что асимметрия структурного и семантического планов в предложениях, которые строятся по фразеологизированным моделям *дело (закключается/состоит/было) в том, что + ПЕ; что касается + N₂ + то + ПЕ; если говорить о + N₆ + то + ПЕ*, в каждом конкретном случае является следствием разных грамматических процессов (десемантизации составляющих элементов, прономинализации, фразеологизации). Описываются пути формирования стандартизованных единиц, их функционально-семантическая нагрузка, условия функционирования, общие типологические черты и специфические особенности. Отмечается, что скрепа *дело в том, что* эксплицирует прежде всего оттенки причинно-пояснительного значения; функции *что касается..., то...* и *если говорить о..., то...* оформляют сопоставительно-противительные отношения, при этом свой функционально-семантический потенциал они могут реализовать только в препозиции. Кроме того, имея достаточно устойчивую фразеологизированную структуру, функции характеризуются разной степенью вариативности, факультативностью некоторых своих элементов, способностью выполнять связующую функцию с опорой на классические союзы и формировать в результате контаминации новые виды скреп. Делается вывод о том, что данные стандартизованные единицы могут быть квалифицированы как межфразовые скрепы союзного и несоюзного типов, выполняющие на коммуникативном уровне роль актуализаторов определенных речевых звеньев. Подчеркивается актуальность изучения исследуемых полифункциональных единиц в методико-дидактическом аспекте для преподавания русского языка как родного и иностранного, а также необходимость их более широкого лексикографического описания.

Ключевые слова: синтаксическая организация текста, показатель межфразовой связи, стандартизованная единица, межфразовая скрепа союзного/несоюзного типа, актуализатор речевого звена, причинно-пояснительные отношения, сопоставительно-противительные отношения, вариативность, полифункциональность.

N.N. Lapynina, O.V. Novikova

ASYMMETRY OF COMPLEX SENTENCES AS A CONDITION OF FORMATION OF INTERPHRASE MEANS OF CONNECTION

The article considers the problem of syntactic organization of the text, especially the interphrase indexes which are connected with Russian asymmetrical complex sentence. It is revealed that structural and semantic asymmetry in the sentences based on the idiomatic models *the thing is (was) + PU*; *as for + N₂+PU*; *talking about+ N₆ + ПЕ* in each case comes out from a different grammar process (desemantisation of the components, pronominalisation, idiom formation). We describe the ways of formation standardized units, their functions and semantic, the conditions of functioning, general typological features and specificity. It is marked that the unit *the thing is* would be used to express causal and explanatory relationships whereas the functives *talking about* and *as for* are used for comparative and adversarial relationships but their functional and semantic abilities can be realized in preposition only. Besides that, having quite firm idiomatic structure, functives are characterized by different level of variability, optionality of some components, ability to accomplish the function of connection based on classic conjunctions and to form new types of connectors as a result of contamination. It is concluded that the given standardized units can be qualified as interphrase connector of conjunctive / non-conjunctive type which play the part of the actualizer of speech segment on the communicative level. We also emphasize the relevance of study of these polyfunctional units in methodical aspect for teaching Russian and the necessity of their better lexicographic description.

Key words: syntactic organization of the text; interphrase index; standardized unit; interphrase connector of conjunctive / non-conjunctive type; actualizer of speech segment; causal and explanatory relationships; comparative and adversarial relationships; variability; polyfunctionality.

Изучение синтаксической организации текста неизбежно влечет за собой обсуждение проблемы синтаксической связи, существенно отличающейся от связи слов в словосочетании и предложении, а также исследование самих показателей межфразовой связи [1], [2], [3], [4], [5].

Не останавливаясь на вопросах реализации содержательной цельности текста, отметим, что структурная связность как категориальная характеристика текста может оформляться различными средствами. Она осуществляется при помощи скреп в широком толковании термина, то есть неграмматизированных средств поддержания предметного единства текста (лексико-семантических повторов, разного рода синонимов, ассоциативно связанных лексем, катафоры, анафорических элементов и т.д.), а также посредством скреп союзного типа (функтивов), представляющих собой такие «аналитические показатели связи», основное назначение которых «состоит в выражении определенного рода отношений» между соединяемыми блоками текста и которые по выполняемым функциям соотносятся с союзами [1; с. 10], [3; с. 136–137].

Особую роль среди союзных скреп играют межфразовые скрепы, формирование фонда которых идет по разным направлениям: в связующей функции выступают не только универсальные классические союзы, но и некоторые разряды полнозначенной лексики, вводно-модальные и служебные слова. Кроме того, анализ процессов современного текстообразования показывает, что корпус межфразовых скреп пополняется за счет грамматизации целых предикативных единиц (ПЕ) в составе полипредикативных конструкций, когда функцию показателей межфразовой связи принимают на себя многокомпонентные соединения, структурно сохраняющие форму синтаксических конструкций с предикативными центрами, однако выполняющие при этом служебные функции [1; с. 11], [2; с. 79].

Если рассматривать данные образования с точки зрения текстоцентрического подхода, то они втягиваются сферу связывания, соотнесения, в той или иной мере выполняют союзную функцию на текстовом уровне.

Возникновение данных текстообразующих средств мы соотносим с идеей об асимметричном «дуализме лингвистического знака», высказанной С.О. Карцевским [6], когда форма словесного знака приобретает как бы большую самостоятельность, независимость от означаемого.

В связи с этим мы определяем цель нашего исследования следующим образом: вычленив такие асимметричные сложные предложения, на базе которых формируются стандартизованные предикативные единицы, выполняющие роль межфразовых скреп; определить общие типологические и специфические черты данных скреп. Изучаются синтаксические объекты, включающие в свой состав стандартизованные единицы *дело в том, что...*; *что касается..., то...*; *если говорить о..., то...*. Предметом исследования служат процессы, в результате которых возникает асимметрия, конкретные пути формирования стандартизованных единиц, их структурные и функционально-семантические особенности, условия функционирования.

Если сопоставлять план содержания и плана выражения предложений, построенных по фразеосхемам *дело (закljučается/состоит/было) в том, что + ПЕ; что касается +N₂ + то + ПЕ; если говорить о + N₆ + то + ПЕ*, то обнаруживается, что все они представляют собой асимметричные синтаксические объекты, так как в них отсутствует однозначное соответствие между числом предикативных единиц и числом единиц семантических: на уровне означаемых (план содержания) находим одну единицу, а на уровне означающих (план выражения) – две (соотношение 2:1). В каждом конкретном случае такая асимметрия является следствием разных грамматических процессов. Семантической опустошенности и фразеологизации главной предикативной единицы формально гипотактических предложений с компонентом *дело в том, что* способствует десемантизация составляющих ее постоянных элементов (псевдослов *дело, заключается, состоит*), прономинализация лексемы *дело*, а также регулярный эллипсис сказуемого. Достаточно высокая степень десемантизации глагола *касаться* и местоимения *что* приводит к утрате препозитивной предикативной единицей *что касается +N₂* модально-временного плана, а следовательно, и к невозможности ее событийного прочтения. Поэтому построения, включающие стандартизованные единицы могут быть охарактеризованы как полипредикативные (двухкомпонентные) в плане выражения и монособытийные в семантическом отношении:

Что тренировка физических сил способствует долголетию – это понятно. Гораздо меньше понимают, что для долголетия необходима и тренировка духовных и душевных сил.

Дело в том, что злобная и злая реакция на окружающее, грубость и непонимание других – это признак душевной и духовной слабости, человеческой неспособности жить... [7];

Что касается духовной красоты, то мне она кажется столь же насущной, как зелень травы или улыбка ребенка [8]. – Сравните: Духовная красота кажется мне столь же насущной потребностью людей, как зелень травы или улыбка ребенка.

Асимметрия структурного и семантического планов предложений типа *И опять, если говорить о судьбе и судьбах, о разного рода жизненных обстоятельствах, предопределяющих причины других событий, то все это завязывалось задолго до этого и вдали отсюда...*[9] возникает вследствие сокращения синтагматической цепи высказывания за счет элиминации модусного звена: семантическая единица, имеющая значение модуса, на структурном уровне не получает вербализованного выражения в виде предикативной единицы. Но имплицитное двухкомпонентное предложение является автосемантическим и информативно достаточным без обращения к контексту, так как воспринимающий данное высказывание участник коммуникативного акта свободно может восстановить невербализованное звено с опорой на коммуникативный опыт и нереализованную обратную валентность предикативной единицы, следующей за коррелятом *то*. В этимологическом отношении двухкомпонентные предложения, содержащие имплицитный модусный смысл, ведут свое происхождение от трехкомпонентных эксплицитных предложений с вербализованным модусным звеном, являющихся их синтаксическими синонимами [10; с. 51]. Поэтому, с одной стороны, возможно развертывание двухкомпонентного имплицитного построения в трехкомпонентное с восстановленным недостающим звеном, а с другой – допустима обратная трансформация, то есть

операция свертывания узуального трехкомпонентного эксплицитного высказывания в двухкомпонентное:

... если говорить о судьбе и судьбах, о разного рода жизненных обстоятельствах, предопределяющих причины других событий, то все это завязывалось и задолго до этого и вдали отсюда [9].

...если говорить о судьбе и судьбах, о разного рода жизненных обстоятельствах, предопределяющих причины других событий, то следует иметь в виду (знать, помнить и т. п.), что все это завязывалось задолго до этого и вдали отсюда.

Если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то знаки «грамматические» должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными.

Если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то, видимо, следует признать, что знаки «грамматические» должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными [11; с. 42].

Вслед за компрессией трехкомпонентного сложного предложения за счет модусной ПЕ происходит последующая трансформация. «Семантический разрыв между событиями», выраженный предикативными единицами в двухкомпонентном построении, «проявляется как отсутствие условно-следственных отношений» между этими структурными звеньями и «предопределяет утрату событийного смысла» придаточной ПЕ [12; с. 336], чему способствует высокая степень ее фразеологизации. Если глагол *говорить* лишается возможных сопроводителей (например, модально-предикативных слов *можно, нужно, приходится* и т. п.) и обстоятельственных распространителей типа *больше, серьезно, вообще*, то вся конструкция приобретает жесткую стандартную форму, то есть фразеологизируется. Эта фразеологизация сопровождается частичной (в большей или меньшей степени) десемантизацией постоянных элементов *если* и *говорить*, а также закрепленностью предикативной единицы *если говорить о + N₆* в препозиции по отношению к главной части. Такие имплицитные предложения постепенно становятся привычными, в них не ощущается смысловая неполнота, а в СМИ эти конструкции превращаются в языковые модели, по которым в речевой практике строятся все новые и новые высказывания. Когда ПЕ *если говорить о + N₆* теряет пропозитивную семантику, то «полипредикативное с точки зрения структурного устройства» предложение трансформируется фактически в монособытийное в семантическом отношении и может быть квалифицировано как «асимметричное предложение с соотношением 2:1» [12; с. 336].

Итак, некоторые асимметричные русские предложения, которые претерпевают смысловые преобразования, служат базой для формирования стандартизованных единиц, содержащих в себе эллиптизированные предикативные ядра, которые на текстовом уровне приспосабливаются к выполнению служебных ролей. Значение данных служебных единиц отличается многомерностью, их семантическое наполнение требует разноаспектной интерпретации. Все они в коммуникативном аспекте выполняют функцию грамматикализованного средства акцентного выделения наиболее важной части высказывания. Функциональное значение актуализации наиболее ярко проявляется в стандартизованных формулах *что касается..., то...* и *если говорить о..., то...*, чему в большой степени способствует лексическое наполнение соотносимых синтаксических позиций первой и второй частей построений, включающих эти многокомпонентные служебные образования. Акцентно-выделительное значение прежде всего присутствует при наличии строгой лексико-семантической и синтаксической соотнесенности частей, когда компоненты, замещающие позиции *N₂* и *N₆* в первой части, «находятся в отношениях лексико-семантического тождества с субъектом либо другим членом предложения второй части» (лексемы повторяются или замещаются местоимениями либо синонимами). В случаях, когда нет строгой лексико-семантической соотнесенности, которая уста-

навливается иным способом, в том числе невербализованным, значение акцентного выделения в той или иной мере сглаживается [13; с. 20], сравните: *Что касается вопросительных местоимений, то они не анафоричны и не упоминаются в главной части* [14; с. 157]; *А если говорить о том, что такое лидер, то лидер тот, кому верят, а верят тем, у кого слова не расходятся с делами* [15]. Подробнее см. об этом в работе [13].

Как уже отмечалось, все эти стандартизованные единицы, ориентируя участников речевого акта на содержание предшествующего высказывания, вовлекаются языком в сферу «связывания» фрагментов текста, то есть получают статус межфразовых скреп – аналитических показателей связи и логико-семантических отношений. Таким образом, правомерно говорить еще об одном функциональном значении данных служебных единиц – значении межфразовых скреп союзного типа.

Проведенные исследования позволили выявить диапазон семантических возможностей данных функтивов. Конкретная семантическая наполняемость типового значения межфразовой скрепы в анализируемых единицах различна. Скрепа *дело в том, что...* имеет в обобщенном виде «причинно-пояснительное значение» [1; с. 12], [16; с. 122]. Она связывает два отрезка текста, между которыми причинно-следственные отношения развертываются по направлению от следствия к причине:

Здесь я получил первое задан: пробраться в город и уяснить, что там происходит. Дело в том, что четкой линии фронта вблизи города не было и в городе – было слышно – шел бой [17; с. 99].

В каждой конкретной речевой ситуации это широкое значение реализуется как собственно-причинное, причинного обоснования и пояснения. В некоторых контекстах однозначное определение узкого значения скрепы представляется затруднительным, так как происходит своеобразное наложение, совмещение, например, собственно-причинного и пояснительного значений. В некоторых контекстах данный функтив способен вводить информацию и с целевой семантикой [16]. Скрепы *что касается..., то...* и *если говорить о..., то...* на текстовом уровне чаще всего оформляют «сопоставительно-противительные отношения» [1; с. 12]:

Во всех приведенных выше примерах <...> мы встречаемся с причастиями несовершенного вида. И это вполне закономерно, причастия на –л несовершенного вида обозначали прошедшую деятельность субъекта как процесс безотносительно к его результату, и потому они прежде всего имели тенденцию утратить отнесенность этого действия к настоящему времени.

Что касается причастий на –л совершенного вида, то они ... также встречаются в значении обозначения прошедшей деятельности, лишенной отношения к настоящему времени... [18; с. 357].

Эти разные по семантическому наполнению межфразовые скрепы обнаруживают не только функциональную общность, но и некоторые общие структурные особенности. Хотя исследуемые функтивы имеют достаточно устойчивую фразеологизированную структуру, все они характеризуются вариативностью. Правда, способность к образованию вариативных рядов реализуется в каждом из рассматриваемых функтивов по-разному. Менее всего эта способность проявляется в скрепе *если говорить о..., то...*, у которой весьма ограниченная «вариативная парадигма формируется лишь за счет замены элемента *о* его функционально-стилистическими эквивалентами» (предлогами *про* и *за*) и «за счет втягивания в структурное пространство этой единицы усилительно-выразительных частиц», характерных для разговорной речи: *если говорить про..., то...; если говорить за..., то...; если уж говорить о..., то...; ну уж если про... говорить, то...* и т. п. [11; с. 338 – 339]

Функтив *что касается..., то...* характеризуется лексической вариативностью в случаях замены коррелята *то* коррелятом *так* (*что касается..., так...*), а также синтаксической вариативностью, связанной как с двухвариантным управлением (беспредложным и предлож-

ным) элемента *касается*, так и с эллипсисом этого элемента в архаичных вариантах скрепы: *что касается до..., то...; что до..., то...* .

Высокой модификационной способностью отличается одноместная скрепа *дело в том, что...*, которая демонстрирует тенденцию к образованию разнообразных парадигматических цепочек а) лексических, б) морфологических и в) синтаксических вариантов: а) *дело (штука, фокус, беда, суть и др.) в том, что...; дело заключается (состоит, было) в том, что...; дело в том, что (чтобы, когда, кто, какой, как, чем и т.п.); б) дело заключается (заключалось) в том, что...; дело состоит (состояло) в том что...; в) дело в том, что...* . Кроме того, как эллиптизированные, так и глагольные варианты скрепы могут выступать в редуцированном виде, когда происходит сокращение синтагматической цепи высказывания за счет свертывания предикативной единицы формально придаточной части в номинализованную конструкцию: *дело (штука, фокус, суть и т. п.) заключается (состоит, было) в...; дело (штука, фокус, суть и т. п.) в...* . Следует отметить, что фнктивы *дело в том, как...; дело в том, когда...* и т. п. можно рассматривать как результат компрессии и «выпадения» избыточного модусного звена.

Подчеркнем, что вопрос о том, считать эти образования вариантами фнктива или самостоятельными скрепами, а может быть, и вовсе отказать им в таком статусе, является достаточно спорным. Для его решения требуется более углубленная разработка теоретических понятий о границах скрепы и системе ее варьирования.

Объединяет межфразовые скрепы, формирующиеся на базе предикативных конструкций, и наличие в их структуре некоторых факультативных элементов, таких, например, как коррелият *то* в составе фнктивов *что касается..., (то)...* и *если говорить о..., (то)...* . К числу факультативных могут быть отнесены и глагольные элементы *касается / касалось, состоит / состояло, было* в составе скрепы *дело в том, что...* .

Типичной чертой исследуемых служебных образований, выступающих в роли одноместных или двухместных многокомпонентных скреп союзного типа, является способность выполнять связующую функцию не только самостоятельно, но и с опорой на сочинительные союзы. Однако процессы подобного контаминирования протекают по-разному. Скрепы *что касается..., (то)...* и *если говорить о..., (то)...* контактируют, как правило, с сопоставительно-противительными союзами *а, же, но*, образуя при этом так называемые вторичные союзные фнктивы: а) *но что касается..., то...; ноесли говорить о..., то...; что же касается..., то...; если же говорить о..., то...* . Такие контаминированные единицы характеризуются консолидацией значения, усилением сопоставительно-противительной семантики, что тоже доказывает способность данных стандартизованных предикативных единиц, выступающих в качестве средств связи, обслуживать в речи-тексте именно сферу сопоставительно-противительных отношений.

Процесс контактирования компонента *дело в том, что...* с союзами *а, но, да* подобным семантическим согласованием не сопровождается. При этом связующие потенции стандартизованной служебной единицы существенным образом гасятся: в ней на первый план выдвигается прежде всего акцентно-выделительное значение, а функцию средства связи принимает на себя главным образом сочинительные союзы. Однако та же способность функционировать с опорой на сочинительные союзы в случаях взаимодействия *дело в том, что* с другими типами этих союзов (собственно противительными и градационными) ведет к образованию новых устойчивых межфразовых скреп.

Результатом контаминации одноместной межфразовой скрепы *дело (заключается / состоит / было) в (том, что)* и двухместных противительных союзов *не... а, не... но*, а также градационно-сопоставительных союзов *не только... но и, не столько... сколько* является формирование разветвленной сети скреп причинно-противительной и причинно-градационной семантики. Более подробную информацию об этих процессах и примеры функционирования названных скреп см. в работах [19], [20].

Еще одним общим функциональным назначением данных единиц является то, что они способны выполнять в тексте роль межфразовых скреп несоюзного типа, то есть могут информативно возвращать к обозначенной ранее теме (в таких случаях текстовая дистанция возрастает до нескольких абзацев и даже страниц, может наличествовать и пространственно-временная дистанция), вводить новую микротему, участвовать как инициальный элемент в абзацном построении текста, оформлять ответно-вопросные единства в текстах-интервью и др.

Важно также подчеркнуть, что если все рассматриваемые нами служебные единицы могут быть объединены в одну группу на функциональной основе, то единицы *что касается..., то...* и *если говорить о..., то...* обнаруживают кроме того и семантическое родство, эксплицируя сопоставительно-противительные отношения между фрагментами текста. Для них оказывается релевантным позиционное расположение сегментов *что касается* + N_2 и *если говорить о* + N_6 в рамках включающих их синтаксических построений. Свои функциональные значения как служебные единицы они могут реализовать лишь в препозиции. Иная локализация сегментов кардинально меняет статус этих единиц. Единица *что касается* + N_2 приобретает значение придаточного пояснительного, если следует за местоименной формой, требующей смыслового распространения, или – в постпозиции – придаточного присоединительного. Сегмент *если говорить о* + N_6 в интер- или постпозиции трансформируется в вводно-вставочную конструкцию [21; с.101].

Итак, исследуемые скрепы, базовой основой для формирования которых послужили сложные предложения асимметричной структуры, рассматриваются нами как характерное явление синтаксиса современного русского языка. Они расширяют наши представления о системе союзных и несоюзных средств связи в русском языке, о специфике межфразовых отношений. Однако поскольку процессы формирования новых скреп живые, протекают на наших глазах, то оказывается, что определить момент образования нового связующего средства весьма затруднительно. Может быть, здесь уместно будет вспомнить слова А.М.Пешковского, сказанные им по поводу перехода слов из одного разряда в другой: «...когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом...» [22, с. 436].

Представляется, что изучение данных межфразовых скреп актуально и в методико-дидактическом аспекте для преподавания русского языка как родного и иностранного, поскольку они, передавая достаточно широкую палитру смысловых текстовых отношений, получили широкое распространение в различных дискурсах. По нашему мнению, для иностранных учащихся освоение данных единиц более эффективно на продвинутом и высшем этапах овладения русским языком: при обучении студентов средних и старших курсов, магистрантов и аспирантов, а также слушателей курсов повышения квалификации зарубежных преподавателей русского языка. Система упражнений и конкретные задания изложены в нашей статье [11].

Думается, что необходимо более полное отражение исследуемых полифункциональных единиц в словарях, их более адекватное лексикографическое описание с позиций функционально-семантического подхода.

Библиографический список

1. Лапынина Н.Н. Связность текста и особенности её презентации в иностранной аудитории // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 3 (17), 2015. С. 6-18.
2. Лапынина Н.Н. Об особенностях формирования корпуса текстовых скреп // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной кон-

ференции (20 ноября 2015 г.). Макеевка, 2015. С. 78-83.. URL: http://donnasa.ru/publish_house/journals/studconf/2015/sbornik_20_11_2015.pdf (дата обращения – 12.12.2019).

3. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.

4. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во МГУ, 1990. 160 с.

5. Гордеева М.Н. Особенности реализации категории связности в официально-деловом тексте // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С.128-134.

6. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85-90.

7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. URL: www.e-reading.club (дата обращения – 19.12.2019).

8. Эренбург И. Чему научила меня жизнь. URL: <http://ljrate.ru/post/13561/206888> (дата обращения – 12.12.2019).

9. Айтматов Ч.Т. Плаха [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/aitmatov-4ingiz/ajtmatow_plaha.html (дата обращения – 12.12.2019).

10. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т.А. Колосова. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2008. 212 с.

11. Валгина Н.С. Понятие о факультативности применительно к употреблению знаков препинания // Современная русская пунктуация. М., 1979. С. 35-46.

12. Лапынина Н.Н. Функционально-семантический диапазон стандартизированной единицы «если говорить о ..., (то)...» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4-8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 335-340.

13. Лапынина Н.Н. Лексико-семантическое наполнение предложений, включающих функции *что касается..., то...* // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 5 (19), 2015. С. 13-20.

14. Ильина Т.В. Статус служебных слов в русских и английских сложноподчиненных предложениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1. С. 155-159.

15. Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы участников Международного съезда православной молодежи. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3844237.html> (дата обращения – 09.11.2019).

16. Лапынина Н.Н. О текстообразующей функции стандартизированной предикативной единицы *дело в том, что* // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 120-125.

17. Феоктистов К.П. Семь шагов в небо. М.: Молодая гвардия, 1984. 255 с.

18. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание: Избр. работы. М.: Наука, 1976. 381 с.

19. Лапынина Н.Н. Выражение причинно-противительных отношений на межфразовом уровне // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Вып. 1 (37), 2018. С. 106-116.

20. Лапынина Н.Н. К вопросу о функционировании текстовых скреп причинно-градационной семантики // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития: сб. науч. статей к юбилею О. В. Загорской. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 203-211.

21. Лапынина Н.Н. Текстообразующая роль единицы *если говорить о..., то...* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч.1. С. 99-103.

22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

References

1. Lapynina N.N. The connectivity of text and the specificity of its presentation for foreigners // Scientific bulletin of VGASU. Series: Linguistic and cross-cultural communication. Vol. 3(17), 2015. P. 6 – 18.
2. Lapynina N.N. On the specificity of formation of text connectors frame // Science and world in the space of linguistics. Makeevka, 2015. P. 78 – 83. [Electronic resource]. URL: http://donnasa.ru/publish_house/journals/studconf/2015/sbornik_20_11_2015.pdf (date of application: 12.12.2019).
3. Cheremisina M.I. Sketches on the theory of complex sentence. Novosibirsk, 1987. 198 p.
4. Shuvalova S.A. Semantic relationships in complex sentence and ways of its expression. Moscow State University, 1990. 160 p.
5. Gordeeva M.N. The specificity of realization of connectivity category in texts of formal style // The bulletin of KemSU. 2012. № 4 (52). Vol. 3. P.128 – 134.
6. Kartsevsky S. On asymmetrical dualism of the language sign // The history of linguistics (19th – 20th cent.) in sketches and abstracts. Part 2. Moscow, 1965. P. 85 – 90.
7. Likhachev D.S. Letters about good and beautiful things [Electronic resource]. URL: www.e-reading.club (date of application: 19.12.2019).
8. Ehrenburg I. Things life taught me [Electronic resource]. URL: <http://ljrate.ru/post/13561/206888> (date of application: 12.12.2019).
9. Aitmatov Ch.T. The scaffold [Electronic resource]. URL: https://bookz.ru/authors/aitmatov-4ingiz/ajtmatow_plaha.html (date of application: 12.12.2019).
10. Kolosova T.A. Russian complex sentences with asymmetrical structure. Novosibirsk State University, 2008. 212 c.
11. Valgina N.S. The notion of optionality applied to punctuation // Modern Russian punctuation. Moscow, 1979. P. 35 – 46.
12. Lapynina N.N. Functional and semantic range of standardized unit ‘*talking about (this)*’ // Dynamic of language and culture processes in Russia today [Electronic resource]. Iss. 5. St.-Petersburg: Russian association of teachers of Russian language and literature, 2016. P. 335-340.
13. Lapynina N.N. Lexical and semantic content of the sentences with the functive *as for... (this)* // Scientific bulletin of VGASU. Series: Linguistic and cross-cultural communication. Vol. 5 (19), 2015. P. 13 – 20.
14. Ilyina T.V. The status of service words in Russian and English complex subordinates // The bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistic and cross-cultural communication. 2012. Vol. 1. P. 155 – 159.
15. The answers of Holy Patriarch Cyril to the questions of participants of International congress of Orthodox youth [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3844237.html> (date of application: 09.11.2019).
16. Lapynina N.N. On text-forming function of standardized predicative unit *the thing is* // The bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistic and cross-cultural communication. 2013. Vol. 2. P. 120-125.
17. Theoktistov K.P. Seven steps to the sky. Moscow, 1984. 255 p.
18. Lomtev T.P. General and Russian linguistics: Selected works. Moscow, 1976. 381 p.
19. Lapynina N.N. The expression of comparative and adversarial relationships on the interphrase level // Modern linguistic and methodic studies. Vol. 1 (37), 2018. P. 106 – 116.
20. Lapynina N.N. To the question of functioning of text connectors with semantic of reason and gradations // Russian language as a phenomenon of national culture. Voronezh, 2011. P. 203 – 211.
21. Lapynina N.N. Text-forming function of the unit *talking about (this)* // Philological sciences. The issues of theory and practice. 2018. Vol. 2 (80). Part 1. P. 99 – 103.
22. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. 7th edition. Moscow, 1956. 511 p.

УДК 81

*Воронежский государственный педагогический университет
аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Бирюкова Е.Д.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8(473)252-52-27
e-mail: isabel_isabo@yahoo.com*

*Voronezh State Pedagogical University
Postgraduate Student of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Biryukova E.D.
Russia, Voronezh,
tel. 8(473)252-52-27
e-mail: isabel_isabo@yahoo.com*

Е.Д. Бирюкова

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена актуальным проблемам динамических изменений в русском языке и русской речи новейшего периода. Предметом исследования являются наименования лиц женского пола по социальным связям и отношениям, представленные в официальных и неофициальных жанрах современного русского интернет-дискурса. Цель работы состояла в выявлении и описании типологических групп названных языковых единиц в официальной и неофициальной интернет-коммуникации и их комплексном сопоставительном анализе. Проанализированы тематические, лексико-грамматические, структурно-грамматические, генетические, эмотивные, функционально-стилистические и нормативно-стилистические разряды названных номинаций. По результатам исследования сделаны выводы об особенностях состава каждой из названных групп наименований лиц женского пола в современной русской официальной и неофициальной интернет-коммуникации, сходстве и различиях названных лексических групп и тенденциях их развития в русской визуально-письменной речи как новом модусе существования русского языка. Результаты исследования расширяют представления о динамических изменениях в системе русского языка и в русском дискурсе, об изменениях в нормах русского литературного словоупотребления, а также подтверждают мнение ученых об усилении антропоцентричности русского языка и феминизации его лексики, в том числе идею об укреплении тенденции к образованию коррелятивных пар существительных мужского и женского рода, обозначающих лицо. Материалы и выводы работы могут найти применение в научных исследованиях в области русского языка, а также в практике его преподавания. Новизна статьи определяется тем, что до настоящего времени специальных комплексных исследований по проблеме представленности наименований лиц женского пола тематической группы «Социальные связи и отношения» в русской интернет-коммуникации не проводилось.

Ключевые слова: русская лексика, наименования лиц женского пола, гендер, феминизмы, интернет-коммуникация, визуально-письменная речь, языковая норма, дискурс.

E.D. Biryukova

TYPOLOGICAL CATEGORIES OF FEMALE NAMES IN MODERN RUSSIAN INTERNET COMMUNICATION AND THEIR FEATURES

The article is devoted to topical issues of dynamic changes in the Russian language and the Russian language of modern period. The subject of the research is the names of female persons by social relations and relationships, presented in official and unofficial genres of modern Russian Internet discourse. The purpose of the work was to identify and describe the typological groups of these language units in official and unofficial Internet communication and their comprehensive comparative analysis. Thematic, lexical-grammatical, structural-grammatical, genetic, emotive, functional-stylistic and normative-stylistic categories of the named categories are analyzed. According to the research results the

conclusions about the peculiarities of the composition of each of these groups of names of females in modern Russian formal and informal Internet communication, the similarities and differences between named lexical groups and their development trends in Russian visual-and-written speech as a new modus of existence of the Russian language. The results of the study enhance understanding about the dynamic changes in the system of Russian language and Russian discourse about the changes in the norms of the Russian literary word usage, and confirm the opinion of scientists about the growing anthropocentricity of the Russian language and the feminization of vocabulary, including the opinion on the strengthening of the tendency to the formation of correlative pairs of nouns masculine and feminine, meaning a person. The materials and conclusions of the work can be used in scientific research in the field of the Russian language, as well as in the practice of teaching it. The novelty of the article is determined by the fact that up to now no special comprehensive research has been conducted on the problem of representation of female names in the thematic group "Social relations and relationships" in Russian Internet communication.

Key words: Russian vocabulary, names of women, gender, feminism, Internet communication, visual and written speech, language norm, discourse.

К числу основных направлений развития русского языка в новейший период его истории относится усиление антропоцентризма, что обнаруживается в том числе в появлении в его лексической подсистеме новых наименований лица и расширении соответствующего лексико-грамматического поля (ЛГП), а также в повышении функциональной значимости номинаций лица в разных видах русского дискурса.

Как отмечается в научной лингвистической литературе, расширение названного ЛСП происходит двумя основными путями: с помощью заимствования иноязычных словесных знаков, в результате чего появляются неологизмы-заимствования, и с помощью создания собственных лексико-фразеологических инноваций, прежде всего словообразовательных неологизмов (см., например, работы Е.А.Земской, С.В.Вахитова, О.П.Ермаковой, О.В.Григоренко, О.В.Загоровской, А.В.Кирилиной и др.). При этом современные исследования, в том числе посвященные общим вопросам неологии (см. работы С.И.Алаторцевой, Е.В.Сенько, Н.А.Николиной, О.В.Григоренко, Е.В.Мариновой и др.), позволяют утверждать, что названные процессы пополнения словарного состава русского языка характерны как для лексико-грамматической подгруппы «Наименования лиц мужского пола», так и для лексико-грамматической подгруппы «Наименования лиц женского пола», однако их продуктивность в указанных подсистемах оказывается различной. Новые наименования лиц мужского пола одинаково активно образуются и способами заимствования, в том числе калькирования (*менеджер*, *мерчандайзер* / *мерчендайзер*, *IT-специалист*, *веб-дизайнер/web-дизайнер* и т.п.), и разными способами словообразования (*серфенгист* < *серфинг*, *граффитчик* < *граффити*, *визуал* < *визуальный* и т.п.). Для создания же новых наименований лиц женского пола способ заимствования оказывается менее продуктивным [см., например: 1]. Ведущим в данном случае является способ морфологического словообразования, в результате действия которого в современном русском языке появляются многочисленные дериваты, прежде всего от новых иноязычных заимствований и их производных (ср.: *серфингистка* < *серфенгист*, *брокерша* < *брокер*, *блогерша* < *блогер*, *айтишница* < *айтишник* < *IT-специалист* < *IT* и т. п.), пополняющие состав так называемых феминитивов в общем ЛГП «Наименования лица», а также состав входящей в данное ЛСП лексико-грамматической подгруппы «Наименования лиц женского пола» (о термине «феминитивы и его наиболее распространенном в современной лингвистике смысловом наполнении, соотносящем данный термин с номинациями лиц женского пола, образованными от имен существительных мужского рода, см.: [2; с.234]).

В настоящее время вопросы расширения группы наименований лиц женского пола в русском языке новейшего периода и языковых механизмов их образования, а также вопросы расширения их представленности в группе актуальной лексики современного русского языка достаточно активно обсуждаются в научной литературе не только в рамках традиционных

лингвистических направлений (структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного, лингвокультурологического; см., например: [3; 4; 5; 2]), но и в рамках гендерной лингвистики как нового направления в языкознании, возникшего в 80-е годы XX века в связи с актуализацией проблем положения женщин в обществе и отражения гендера в языке (см.: [6]). Для современных работ, выполненных в рамках гендерной лингвистики или с учетом ее идей, особенно характерно исследование прежде всего феминитивов в том узком значении термина, о котором говорилось выше. Указывая на данное обстоятельство, следует также отметить, что термин *феминитивы* в современной лингвистике может использоваться и в ином – широком – толковании: для обозначения любых номинаций лиц женского пола, независимо от способов их образования. Подобное употребление указанного термина, на наш взгляд, также является вполне правомерным и отвечающим всем необходимым признакам терминологического языкового знака, включая соотнесенность с определенным научным понятием, точность и системность [7; с. 38].

Как свидетельствует анализ лингвистической литературы, большинство современных научных работ, затрагивающих проблемы наименований лиц женского пола в русском языке новейшего периода, ориентировано прежде всего на изучение соответствующих явлений как единиц системы русского языка, извлеченных прежде всего из различных словарей, вопросы же речевого функционирования названных номинаций, а также их использования в современной коммуникации, как правило, оказываются или производными, или касаются лишь частных аспектов названной проблемы. Сказанное в полной мере относится к интернет-коммуникации, которая в настоящее время становится основным видом и основной формой общения представителей русской лингвокультуры (см., например, работы Г.Ч.Гусейнова, О.В.Дедовой, А.В.Кирилиной, Т.Н. Колокольцевой, Е.И.Литвиневской, Т.И.Рязанцевой и др.), но пока не стала основным источником языковых данных о единицах ЛСП наименований лиц женского пола в современном русском языке (имеющиеся в современной русистике работы по рассматриваемой проблеме ориентированы исключительно на феминитивы в узком значении названного термина [8; 9; 10]).

Несмотря на то, что само понятие интернет-коммуникации и смежное с ним понятие интернет-дискурса остаются в современной лингвистике достаточно дискуссионными, в том числе и в плане соотношения соответствующих феноменов с традиционно выделяемыми формами коммуникации и видами русской речи (устная и письменная), а также в плане соотношения с функциональными стилями русского литературного языка и жанрами русской речи (см., например, работы Т.В.Алтуховой, Н.Д.Голева, О.В.Загоровской, А.А.Кибрика, Н.Б.Лебедевой, Л.Ю.Шипициной и др.), большинство современных исследователей едины в том, что именно в интернет-дискурсе наиболее наглядно предстают все активные динамические процессы развития русского языка, в том числе процессы, касающиеся русской лексики, русской языковой нормы и нормы литературного словоупотребления, а также изменений в русской концептосфере и русской духовной культуре. Нам представляется совершенно справедливой точка зрения тех исследователей, которые считают, что в интернет-коммуникации реализуется принципиально новый вид русской письменной речи, именуемой «электронной», «устно-письменной», «визуально-письменной», «дисплейной» (подробнее о данном явлении и его номинациях см.: [11; с. 99; 12; с.204-204; 13]). Мы также согласны с мнением профессора О.В.Загоровской, разделяющей современную электронную письменную речь на «профессиональную», ориентированную на создание речевых произведений как продуктов вербальной профессиональной деятельности продуцентов речи (в том числе политиков, государственных деятелей, журналистов и т.п.) и функционирующую прежде всего в официальных сферах электронного общения, и «непрофессиональную», ориентированную на создание речевых произведений только как средств коммуникации и реализующуюся преимущественно в неофициальных сферах электронного общения [12; с.204-205]. На наш взгляд, можно утверждать, что профессиональная электронная письменная речь соотносится с офи-

циальными жанрами интернет-общения, соответствующими по основным характеристикам официально-деловому, научному и – частично – публицистическому стилям русского литературного языка в их традиционном понимании, а непрофессиональная письменная речь соотносится с обиходно-бытовым стилем русского литературного языка, а также с просторечием и жаргонами (или, если использовать терминологию московской лингвистической школы, – с «русской разговорной речью»). Вместе с тем, очевидно, что в современном интернет-общении функционируют и принципиально новые жанры официально-деловой, публицистической и разговорно-бытовой речи (ср., например, жанры блогов, форумов, комментариев читателей, электронных обращений граждан в приемную Президента и т.п.; о новых жанрах интернет-коммуникации см., например: [14]).

Нами был проведен сопоставительный анализ наименований лиц женского пола по социальным связям и отношениям, представленных в двух типах современных русских интернет-текстах: 1) функционирующих в официальных жанрах интернет-дискурса и предполагающих по традиционным представлениям о культуре русской речи использование языковых знаков, не выходящих за пределы кодифицированного русского литературного языка; 2) функционирующих в неофициальных жанрах интернет-коммуникации и изначально предполагающих возможность использования самых разных единиц «русской разговорной речи», в том числе нелитературных. Тексты первой группы выбирались прежде всего из представленных в русскоязычном сегменте интернета информационных и информационно-аналитических материалов российских массмедиа, а также из материалов, представленных на сайтах электронных обращений граждан в приемные государственных учреждений. Тексты второй группы – из материалов комментариев к официальным массмедийным сообщениям и обзорам, а также из материалов соцсетей (ВКонтакте, Instagram), различных блогов и форумов. Анализировались интернет-тексты 2019-2020 годов.

Выбранная для анализа группа наименования лиц женского пола рассматривалась в соответствии с широким пониманием термина «социальные связи», трактуемым в значении «связи лица в тех или иных социальных группах, включая семейные, родственные, дружественные, профессиональные и др. Предметом изучения были избраны четыре подобных группы: «Наименования лиц женского пола по семейным и родственным отношениям», «Наименования лиц женского пола по дружеским и сексуальным отношениям», «Наименования лиц женского пола по социальному статусу», «Наименования лиц женского пола по профессии и роду деятельности».

Формальным критерием для отбора языкового материала и включения той или иной номинации в состав тематической группы «Наименования лиц женского пола по социальным связям и отношениям» являлось не только обязательное наличие «социальных» сем в денотативном компоненте значения словесного знака («относящийся к такой-то социальной группе»/ «относящийся к такому-то представителю социальной группы»; «по отношению к такой-то социальной группе или ее представителю» и т.п.), которые могли быть представлены в значении на уровне не только основных, но и производных компонентов, но и обязательное наличие в плане содержания словесного знака грамматической (словообразовательной) семы «женский пол» или в качестве основной, или в качестве производной, или вероятностной. Первый тип названной грамматической семы, как известно, характерен для феминитивов в узком смысле названного термина (*учительница, певица, спортсменка* и т.п.), а также для слов женского рода, не имеющих мужских коррелятов в силу экстралингвистических причин (*роженица*) или определенных особенностей русской лингвокультуры (*машинистка, няня*), второй тип – для словесных знаков с «обобщенным» наименованием лица типа *директор, президент*, которые могут называть лицо и мужского, и женского пола. В трактовке вопросов о семантике словесных знаков и типах семантических компонентов мы опи-

рались на семасиологические концепции представителей Воронежской лингвистической школы профессоров О.В.Загоровской и И.А.Стернина [15; 16].

Анализ избранных для исследования текстов, функционирующих в официальных и неофициальных жанрах современной русской интернет-коммуникации, позволил выявить более 1000 номинаций лиц женского пола, различающихся по целому ряду оснований: тематической отнесенности, лексико-грамматическим, структурно-грамматическим и частеречным особенностям, времени появления в русском языке, способу образования и источнику, эмотивным характеристикам, отношению к формам существования национального русского языка, его модусам и жанрам русской речи, а также к кодифицированным нормам русского литературного словоупотребления. В соответствии с названными основаниями, объединяющими те или иные ряды исследуемых номинаций, представляется возможным говорить о существовании в современном русском интернет-дискурсе по меньшей мере семи типов разрядов наименований лиц женского пола (включая собственно типологические разряды, связанные с типологическими особенностями национального русского языка): тематических, лексико-грамматических, структурно-грамматических, генетических, эмотивных, функционально-стилистических и нормативно-стилистических (следует подчеркнуть, что предлагаемые наименования являются достаточно условными).

Анализ каждого из названных разрядов номинаций лиц женского пола в официальных и неофициальных жанрах современного русского интернет-общения позволил выявить как сходства, так и различия в составе и характере употребления входящих в них языковых знаков.

Прежде всего проведенный анализ показал, что, несмотря на общее количественное преобладание разных типов наименований лиц женского пола в текстах неофициальных жанров современной русской интернет-коммуникации, и в официальных, и в неофициальных жанрах современного русского интернет-дискурса представлены все определенные к исследованию тематические группы (ТГ) номинаций: 1) «Наименования лиц женского пола по семейным и родственным отношениям», 2) «Наименования лиц женского пола по дружеским и сексуальным отношениям», 3) «Наименования лиц женского пола по социальному статусу», 4) Наименования лиц женского пола по профессии и роду деятельности». При этом наибольшей представленностью и в официальном, и в неофициальном интернет-дискурсе характеризуются первая и четвертая ТГ. Ср., например, в текстах официальной интернет-коммуникации: *мать, супруга, суррогатная мать, директор* (о женщине), *кассир* (о женщине), *юрист* (о женщине), *автор* (о женщине) и др.; в текстах неофициальной интернет-коммуникации: *мама, супружница, сурмама, директорша/директриса, кассирша, авторка, юристка* и др. Различия же между ТГ анализируемых обозначений лиц женского пола в официальных и неофициальных жанрах современной русской интернет-коммуникации связаны с количественными характеристиками названных лексических разрядов и с особенностями входящих в них языковых единиц. Состав всех ТГ рассматриваемых номинаций в неофициальных жанрах интернет-общения оказывается более широким и разнообразным за счет представленности в них собственно разговорной и просторечной лексики, а также актуализированных или недавно образованных феминитивов (ср.: *учителка, авторка, блогерша, дилерша, айтишница* и др.). Данный вывод, как показывают наши исследования, остается справедливым несмотря на то, что в настоящее время в самых разных официальных жанрах интернет-общения отмечаются номинации, вообще не характерные для неофициального интернет-дискурса (например, устаревшие: *рабфаковка, белошвея* и др.), а в новых жанрах официального интернет-общения, например, в электронных обращениях в приемные государственных организаций и в приемную Президента, отмечаются собственно разговорные и нелитературные номинации (*начальница, мэриша, директорша* и т.п.).

Сопоставительный анализ лексико-грамматических разрядов номинаций лиц женского пола, проведенный с учетом содержания грамматических сем исследуемых языковых знаков,

также показал, что состав названных разрядов в текстах современного неофициального интернет-общения является более широким и разнообразным, чем в текстах официальной интернет-коммуникации. Причем отмеченная особенность касается всех типологических лексико-грамматических рядов исследуемых номинаций, включая не только собственно наименования лиц женского пола с выраженными семами женскости, в том числе феминитивы, коррелирующие с наименованиями лиц мужского пола (*подруга, спортсменка, учительница, гимнастка, богачка* и т.п.), и «изолированные» наименования лиц женского пола (*няня, сиделка, маникюрша, лесбиянка* и т.п.), но и «обобщающие» номинации, относящиеся к лицам и мужского, и женского пола (*секретарь, депутат, родитель* и др.). Однако причины указанного разнообразия, как представляется, связаны не только с широким использованием в неофициальной электронной речи давно известных русскому языку сниженных номинаций разных типов, но и с активным употреблением новейших лексических и лексико-фразеологических инноваций, в том числе инноваций иноязычного происхождения или основанных на использовании иноязычных элементов (*бэбиситтер, веб-программистка/веб-программистка*), а также построенных с использованием новых графических средств электронной коммуникации (*#яжемать*). В официальном же интернет-общении, как и следовало ожидать, было выявлено преобладание «обобщающих» номинации, обычно подкрепляемых глагольными формами, включающими словообразовательное значение женскости (*Депутат ответила; секретарь подготовила* и т.п.).

Шире представленными и более разнообразными оказались в неофициальном интернет-дискурсе также генетические и эмотивные разряды номинаций лиц женского пола, первые из которых предполагают объединение исследуемых наименований по времени возникновения в русском языке (давно известные – новейшие), источнику происхождения и способу образования (заимствованные – образованные из ресурсов русского языка), а вторые – объединение номинаций на основе наличия или отсутствия в их значениях выраженных эмоционально-оценочных сем. Так, было обнаружено, что в текстах неофициального интернет-общения используется значительное количество не только известных на прежних этапах развития русского языка обозначений лиц женского пола (в том числе актуализированных), но и множество инноваций, образованных самыми разными способами, включая собственно заимствование и калькирование, суффиксацию, префиксацию, сложение и др. (*гёрлфренд, женщина-чайлдфри, кёрлингистка, супермама* и др.). В текстах же официального интернет-общения количество новых заимствований и словообразовательных неологизмов оказалось несравненно меньшим прежде всего, как представляется, в силу того, что многие из них еще не получили закрепления в современных нормативных словарях русского языка. Что касается разнообразия эмоционально-оценочных характеристик, которые могут быть свойственны плану содержания наименований лиц женского пола в текстах неофициальной интернет-коммуникации (одобрительное, неодобрительное, презрительное и т.п.), то данная особенность, очевидно, объясняется уже отмеченной возможностью широкого использования в неофициальном интернет-общении единиц разговорной речи, семантика которых очень часто включает в себя выраженные эмоционально-оценочные семы.

Совершенно иная картина наблюдается при сравнении структурно-грамматических и частеречных разрядов номинаций лиц женского пола, используемых в текстах официальных и неофициальных жанров современной интернет-коммуникации. Как показывают наши исследования, более разнообразными оказываются названные разряды в текстах официального общения, где активно используются и номинации-лексемы, и номинации-словосочетания; при этом номинации-лексемы могут быть выражены и существительными, и прилагательными, и причастиями, в то время как в текстах неофициального интернет-общения превалируют цельнооформленные языковые знаки, выраженные, как правило, именами существительными. Ср., например, в официальной электронной коммуникации: *суррогатная мать*,

гражданская жена, возрастная модель, учащаяся; в неофициальной электронной коммуникации: *сурмать, баба, олдушка, ученица* и т.п. Очевидно, что отмеченные особенности (прежде всего первая) являются вполне закономерными и объясняются действием известного языкового закона экономии усилий, активно действующего в неофициальных сферах общения независимо от типа речи и ее статуса.

Особого внимания заслуживают различия в представленности в официальных и неофициальных жанрах современной русской электронной коммуникации различных функционально-стилистических и нормативно-стилистических группировок исследуемых номинаций, выделяемых на основе принадлежности лексических знаков: а) к разряду литературных (в том числе общелитературных или литературных разговорных), просторечных или жаргонных; б) к разряду принадлежащих традиционной русской письменной речи или электронной письменно-визуальной речи; в) к группе словесных знаков, соответствующих закреплённым в современных ортологических словарях нормам русского литературного словоупотребления или к группе лексических знаков, не соответствующих названным нормам. Как показывают исследования, указанные различия связаны не только с количественным преобладанием в неофициальной электронной коммуникации номинаций разной степени сниженности (что ожидаемо), но и с составом конкретных подгрупп обозначений лиц женского пола, обладающих теми или иными функционально-стилистическими и нормативно-стилистическими характеристиками (см. об этом: [17; 18; 19]). Так, например, одной из ярких отличительных особенностей типологических рядов исследуемых номинаций в современной неофициальной интернет-коммуникации является наличие в них значительного количества лексических знаков, относящихся к гендерному жаргону (*редакторка, авторка /авторесса, блогиня, фотографиня* и т.п.) и разным видам «тематических» женских жаргонов, функционирующих в современном интернет-пространстве (ср., например, «мамский»/«мамочкин» жаргон), а также языковых знаков, принадлежащих визуально-письменной речи (ср. приведенную выше лексему *#яжемать*). Очевидно, что подобные лексические знаки, в том числе образованные в электронном дискурсе, в официальных жанрах общения расцениваются как не соответствующие литературной норме традиционной письменной речи.

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что в официальных жанрах современного русскоязычного интернет-общения явно ощущается тенденция к разрушению функционально-стилистической и нормативно-стилистической однородности типологических рядов наименований лиц женского пола, требуемой традиционными нормами русской официальной речи. Данный вывод подтверждается не только все более активным использованием стилистически-сниженных (прежде всего разговорных) номинаций в новых электронных жанрах официального общения (*фермерша, губернаторша* и т.п.), о чем уже упоминалось в данной работе, но – что представляется особенно значимым – все более активным использованием подобных лексических единиц в традиционных официальных медийных текстах (ср., например, все более частотное употребление номинаций *руководительница, чиновница, экс-чиновница* в современной официальной электронной речи).

Последнее из указанных явлений дает основание для выводов о наличии в текстах современной русской интернет-коммуникации явной тенденции к повышению стилистического статуса многих наименований лиц женского пола и переходу некоторых из них: а) из разряда литературных разговорных (*руководительница, чиновница* и т.п.) или из разряда литературных, но не рекомендуемых для официального общения (*учительница*) в разряд стилистически нейтральных (общелитературных); б) из разряда нелитературных и ненормативных в разряд литературных разговорных (*дилерша*). Представляется, однако, что данный вывод должен быть подтвержден специальными корпусными и статистическими исследованиями, выполненными на значительном языковом материале. Применительно к номинациям лиц женского пола, представленным в современном русском интернет-дискурсе, подобные исследования в настоящее время проводятся в Региональном центре русского языка Воронеж-

ского государственного педагогического университета совместно с Лабораторией корпусной идиолектологии [20; 21; 22].

В целом, проведенные на данном этапе исследования состава и типологических разрядов представленных в современной русской интернет-коммуникации наименований лиц женского пола тематической группы «Социальные связи и отношения» подтверждают мнение ученых об усилении антропоцентричности русского языка и феминизации его лексики, в том числе идеи об укреплении тенденции к образованию коррелятивных пар существительных мужского и женского рода, обозначающих лицо, а также мнение о том, что современный этап развития русского языка следует рассматривать как «динамическую синхронию», которая характеризуется постоянными сдвигами в языковой системе и ее функционировании, в языковых и текстовых нормах русского дискурса.

Библиографический список

1. Васильева А.С. Наименование лиц женского пола в русском языке конца XX - начале XXI вв. : семантика, структура, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.
2. Бирюкова Е.Д. Актуализированные феминитивы в русском языке рубежа XX-XXI вв. и их стилистические характеристики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. №2. С. 234-237.
3. Яковлева А.В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: семантические особенности и пути формирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 22 с.
4. Чен Ч.В. Слова, называющие лицо женского пола, в русском языке и речи (словарь vs. ментальный лексикон говорящего) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.- 20 с.
5. Морозова И.А. Современная женщина в зеркале языка (на материале феминизмов конца XX - начала XXI вв.) //Записки Горного института. 2011. Т.193. С.76-78.
6. Гендер и язык / под ред. А. В. Кирилиной. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
7. Данькова Т. Н., Загоровская О.В. Проблемы современной терминологии. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. 219 с.
8. Челак Е.А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации //Международный научно-исследовательский журнал. №12. (78). Ч.2. С.197-200.
9. Гузаерова Р., Косова В. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. FILOLOGY AND CULTURE. 2017. №4(50). С.11-15.
10. Ёылмаз М. Комплексное описание речевого общения в русскоязычном интернет-пространстве: на материале женского блога «Бэбиблог»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 29 с.
11. Загоровская О.В. Типологические разновидности национального русского языка и формы его существования в начале XXI века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. №3 (268). С.96-101.
12. Загоровская О.В. Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и «зеркало» идиолекта его носителя // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. №2 (283). С. 202-206.
13. Загоровская О.В. Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. №4 (277). С. 168-172.
14. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Коллективная монография / Науч. ред. Т.Н.Колокольцева, О.В.Лутовинова. М.: Изд-во Наука, Изд-во Флинта, 2012. 323 с.

15. Загоровская О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака // Теоретические проблемы современного языкознания /под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2009. С.24-32.

16. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

17. Загоровская О.В. Стилистическая значимость русского слова как явление национальной культуры // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения. Материалы международной конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. С. 69-74.

18. Бирюкова Е. Д. Стилистический компонент значения русского слова и его составляющие // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 154-155.

19. Бирюкова Е. Д. Семантико-стилистические различия агентивов с общим значением «женщина» в современном русском языке //Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. №4 (269). С. 103-107.

20. Литвинова Т.А., Бирюкова Е.Д., Загоровская О.В. БД RusIdiolect и ее возможности для исследования влияния фактора «гендер» на междиалектное варьирование количественных параметров текста (на примере номинаций лиц женского пола) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва, ММА, 28-29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 113-114. (Abstracts of the Fours International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”, Moscow, MIA, November, 28-29 2019. P.113-114

21. Litvinova T., Litvinova O., Zagorovskaya O., Seredin P., Sboev A., Romanchenko O. Ruspersonality: A Russian corpus for authorship profiling and deception detection // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web. ISMW FRUCT, 2016. P. 1-7.

22. Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С., Бирюкова Е.Д., Середин П.В., Загоровская О.В. Исследование влияния пола и психологических характеристик автора на количественные параметры его текста с использованием программы Linguistic Inquiry and Word Count // Научный диалог. 2015. 2 (48). 101-109.

References

1. Vasilyeva A. S. Name of female persons in the Russian language of the late XX-early XXI centuries: semantics, structure, functioning: autoref. dis. ... kand. Philol. Sciences / A. S. Vasilyeva. Moscow, 2016. 25 p.

2. Biryukova E. D. Actualized feminitives in the Russian language of the turn of the XX-XXI centuries and their stylistic characteristics // Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2019. No. 2. P. 234-237.

3. Yakovleva A.V. the Category of persons by occupational category in the modern Russian language: semantic features and ways of development: avtoref. dis. ... kand. Philol. Sciences / A.V. Yakovleva. Yaroslavl, 2009. 22 p.

4. Chen CH. V. Words that name a female person in the Russian language and speech (dictionary vs. Mental lexicon of the speaker): autoref. dis. ... kand. Philol. Sciences / CH. V. Chen. SPb., 2010. 20 p.

5. Morozova I. A. Modern woman in the mirror of language (based on the material of feminisms of the late XX-early XXI centuries) // Notes of the Mining Institute. 2011. Vol. 193. P. 76-78.

6. Gender and language / edited by A.V. Kirilina. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 624 p.

7. Dankova T. N., Zagorovskaya O. V. Problems of modern terminology. FSBEI HE Voronezh SAU, 2018. 219 p.
8. Chelak E. A. Feminity in the discourse of online communication //International research journal. No. 12. (78). Part 2. P. 197-200.
9. Guzaerova R., Kosova V. Specificity of diminutives in the modern Russian media //Philology and culture. PHILOLOGY AND CULTURE. 2017. No. 4(50). P.11-15.
10. Yilmaz M. Complex description of speech communication in the Russian-language Internet space: on the material of the women's blog "Babyblog": autoref. dis. ... kand. Philol. Sciences / M. Yilmaz. Moscow, 2018. 29 p.
11. Zagorovskaya O. V. Typological varieties of the national Russian language and forms of its existence at the beginning of the XXI century //Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2015. No. 3 (268). P. 96-101.
12. Zagorovskaya O. V. Natural (non-professional) written speech as a mode of existence of the modern Russian language and a "mirror" of its native speaker's idiolect // Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2019. No. 2 (283). P. 202-206.
13. Zagorovsky O. V. Language norm in contemporary Russian visual-and-written language functioning in the Internet communication: statement of the problem // Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2017. No. 4 (277). P. 168-172.
14. Internet communication as a new speech formation: a Collective monograph / Nauch. edited by T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova. Moscow: Nauka Publishing House, flint Publishing house, 2012. 323 p.
15. Zagorovskaya O. V. Once again on the structure of the meaning of a word sign // Theoretical problems of modern linguistics / ed. by I. A. Sternin, M. A. Sternina. Voronezh: Istoki, 2009. P. 24-32.
16. Sternin I. A. Lexical meaning of the word in speech. Voronezh, Publishing house Voronezh. UN-TA, 1985. 170 p.
17. Zagorovskaya O. V. the Stylistic significance of the Russian word as a phenomenon of national culture // Russian national consciousness in its linguistic incarnation: the past, present, and future. XXX Raspopov readings. Materials of the international conference. Voronezh: Publishing and printing center of Voronezh state University, 2012. - P. 69-74.
18. Biryukova E. D. Stylistic component of the meaning of the Russian word and its components // Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2017. No. 1 (274). P. 154-155.
19. Biryukova E. D. Semantic and stylistic differences of agents with the General meaning of "woman" in modern Russian // Izvestiya Voronezh state pedagogical University. 2015. No. 4 (269). P. 103-107.
20. Litvinova T. A., Biryukova E. D., Zagorovskaya O. V. Rusidiolect database and its possibilities for studying the influence of the "gender" factor on the inter-dialect variation of the quantitative parameters of the text (on the example of female nominations) // Theses of the Fourth international conference "Gender: language, culture, communication", Moscow, MMA, November 28-29, 2019-Moscow: Moscow international Academy, 2019. P. 113-114. (Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication", Moscow, MIA, November, 28-29 2019. P.113-114
21. Litvinova T., Litvinova O., Zagorovskaya O., Seredin P., Sboev A., Romanchenko O. Ruspersonality: A Russian corpus for authorship profiling and deception detection // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web. ISMW FRUCT, 2016. P. 1-7.
22. Litvinova T. A., Litvinova O. A., Ryzhkova E. S., Biryukova E. D., Seredin P. V., zagorovskaya O. V. Study of the influence of gender and psychological characteristics of the author on the quantitative parameters of his text using the program Linguistic Inquiry and Word Count // Scientific dialogue. 2015. 2 (48). 101-109.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
д-р пед. наук, зав. кафедрой русского языка
для иностранных учащихся гуманитарных
факультетов, профессор,
Член-корреспондент Российской академии
образования
Клобукова Л.П.
Россия, г. Москва, тел. 8 (495) 939-15-92
e-mail: klobukov@list.ru*

*Lomonosov Moscow State University
Russian language department for foreign
students of humanitarian faculties, head of
department, professor, Grand PhD,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Education*

*Klobukova L.P.
Russia, Moscow, tel. 8 (495) 939-15-92
e-mail: klobukov@list.ru*

*Псковский государственный университет
канд. филол. наук
доцент кафедры филологии, коммуникаций
и русского языка как иностранного
Молчанова Н.С.
Россия, г. Псков, тел. 8 (8112) 29-70-74
e-mail: molcnatasha@yandex.ru*

*Pskov State University
Department of philology, communications and
Russian as a foreign language, associate
professor, PhD
Molchanova N.S.
Russia, Pskov, tel. 8 (8112) 29-70-74
e-mail: molcnatasha@yandex.ru*

*Псковский государственный университет
канд. филол. наук
зав. кафедрой теории и методики
начального и дошкольного образования
Головина Л.С.
Россия, г. Псков, тел. 8 (8112) 56-50-05
e-mail: golosfack@mail.ru*

*Pskov State University
Department of theory and methods of primary
and preschool education, head of department,
PhD
Golovina L.S.
Russia, Pskov, tel. 8 (8112) 56-50-05
e-mail: golosfack@mail.ru*

Л.П. Клобукова, Н.С. Молчанова, Л.С. Головина

ОТРАЖЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ К КОМПЛЕКСНОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ, ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (УРОВЕНЬ «ИНОСТРАННЫЙ РАБОТНИК»)

Статья посвящена проблеме создания лексического минимума, отражающего реальные коммуникативные потребности иностранных граждан, желающих получить в Российской Федерации разрешение на работу или патент. Авторы анализируют тексты, с которыми традиционно сталкивается данная категория иностранных граждан в рамках официально-деловой сферы общения. На материале текстов для чтения, связанных с ситуацией речевого общения инофонов в Управлении по вопросам миграции при подаче

ими документов на получение разрешения на работу или патент, демонстрируются основные принципы и методы отбора лексических единиц, актуальных для трудовых мигрантов в данной сфере коммуникации. Кроме того, представленный в статье лингводидактический материал наглядно показывает, что существенного дополнения требует раздел «Требований к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент» [1], связанный с презентацией содержания языковой компетенции указанного контингента инофонов. В целом практическая значимость проведенного авторами статьи исследования обусловлена необходимостью совершенствования и развития нормативно-методической базы проведения комплексного экзамена, что является весьма актуальной задачей российской теории и практики преподавания русского языка как иностранного и лингводидактического тестирования.

Ключевые слова: комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ, лексический минимум, официально-деловая сфера общения трудовых мигрантов.

L.P. Klobukova, N.S. Molchanova, L.S. Golovina

REPRESENTATION OF THE OFFICIAL AND BUSINESS SPHERE OF COMMUNICATION IN THE LEXIC MINIMUM TO THE “COMPREHENSIVE EXAM IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE, HISTORY OF RUSSIA AND THE BASIS OF LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION” (FOREIGN EMPLOYEE LEVEL)

The article is devoted to the problem of creating a Lexical minimum representing the real communicative needs of foreign citizens who wish to obtain a work permit or patent in the Russian Federation. The authors analyze the texts that this category of foreign citizens traditionally encounters in the official business sphere of communication. On the material of reading texts related to the situation of verbal communication of foreign learners at the Office for Migration when they submit documents for obtaining a work permit or patent, the basic principles and methods of selecting lexical units relevant for labor migrants in this field of communication are demonstrated. In addition, the linguodidactic material presented in the article clearly shows that the section “Requirements for the content of the comprehensive exam on Russian as a foreign language, the history of Russia and the fundamentals of the legislation of the Russian Federation requires a substantial addition. For foreign citizens applying for a work permit or patent” [1], related to the presentation of the contents of the language competence of the indicated contingent of foreign learners. In general, the practical significance of the study conducted by the authors of the article is due to the need to improve and develop the regulatory and methodological base for the Comprehensive Exam, which is a very urgent task of the Russian theory and practice of teaching the Russian language as a foreign and linguodidactic testing.

Key words: Comprehensive exam on Russian as a foreign language, Russian history and the basics of the legislation of the Russian Federation; Lexical minimum; official business sphere of communication of labor migrants.

Разработка «Лексических минимумов» к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, а также совершенствование созданных и опубликованных ранее «Требований...» [1] является актуальным направлением современной теории и практики преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) и лингводидактического тестирования [2,3,4]. Как известно, на Элементарном уровне общего владения РКИ официально-деловая сфера представлена весьма фрагментарно. Вместе с тем именно в рамках данной сферы общения реализуется основная часть коммуникативных потребностей иностранного гражданина, прибывающего в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности. Наблюдение за речевым поведением мигранта, а также анализ устных и письменных текстов, которые он должен уметь воспринимать и продуцировать в процессе официально-деловой коммуникации, позволяют выявить и методически описать тот лексический и грамматический минимум, который необходим инофону для эффективного общения именно в этой сфере.

Указанная выше технология была использована нами, в частности, при анализе речевой ситуации, с которой сталкивается любой трудовой мигрант, прибывший в Российскую

Федерацию, – подача документов в Управление по вопросам миграции на оформление разрешения на работу или патента. Следует отметить, что эта ситуация требует от мигранта комплексных умений осуществлять официально-деловое общение в таких видах речевой деятельности, как чтение, письмо, аудирование и говорение. При этом значительная часть речевых задач, возникающих у трудовых мигрантов, связана с процессом чтения. Это обусловлено тем, что иностранный гражданин, обратившись в Управление по вопросам миграции (например, в Управление по вопросам миграции УМВД России по Псковской области), должен, прежде всего, ознакомиться со следующими документами, расположенными на информационной доске:

1) «График приема граждан»,

2) «Памятка», в которой даны разъяснения относительно правил получения разрешения на работу или патент,

3) «Образцы заполнения бланков документов»,

4) «Выдержки из Федеральных законов», относящиеся к трудовым мигрантам,

5) «Информация о сроках предоставления государственной услуги».

Для подачи документов иностранному гражданину нужно также заполнить два бланка: заявление на получение разрешения на работу или патента и квитанцию об плате госпошлины. Кроме того, при подаче пакета необходимых документов иностранец должен вступить в устное общение с сотрудником Управления по вопросам миграции. И в этом случае ему потребуются умения инициировать диалог, отвечать на уточняющие вопросы сотрудника, понимать на слух информацию о дальнейших действиях, связанных с получением разрешения на работу.

Таким образом, как видим, ситуация подачи документов на осуществление в РФ трудовой деятельности требует от иностранного гражданина умений достаточно свободного общения в официально-деловой сфере. Именно поэтому мигранты предпочитают передавать эти функции организациям-посредникам или стараются общаться в данной ситуации с помощью третьих лиц. Корректное научно-методическое описание корпуса устных и письменных текстов, связанных с анализируемой в данной статье ситуацией, даст в руки методистов и преподавателей-практиков актуальный минимальный набор языковых единиц, овладение которыми позволит иностранцу осуществлять эффективное официально-деловое общение уже без посредников. Это, в свою очередь, позволит минимизировать проблему изоляции иностранных граждан от принимающего социума; см. об этом подробнее в [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

Рассмотрим корпус текстов, работа с которыми требует от трудового мигранта навыков чтения. В соответствии с «Требованиями к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент», иностранный гражданин должен уметь:

«- прочитать текст с установкой на общий охват его содержания;

- определить тему текста, понять его основную идею;

- понять как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой и точностью.

Вид чтения: чтение с общим охватом содержания, изучающее чтение.

Тип текста: сообщение, описание, а также тексты смешанного типа. Адаптированные аутентичные и специально составленные тексты, построенные на основе лексико-грамматического материала, соответствующего этому уровню.

Тематика текста актуальна для социально-бытовой, официально-деловой, профессиональной, социально-культурной и учебной сфер общения.

Объем текстового материала (в целом): 150-200 слов.

Количество незнакомых слов: 3-4 %» [1].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что все тексты, представленные на стенде в Управлении по вопросам миграции, ориентированы на изучающее чтение, в ходе которого инофону необходимо максимально полно понять всю информацию, содержащуюся в тексте. Это связано с тем, что текстам официально-делового стиля свойственен, как известно, повышенный коэффициент информативности, при котором важным оказывается понимание и основной, и дополнительной информации [12].

Памятка, разъясняющая правила получения разрешения на работу или патент, представляет собой полный список документов, которые необходимо предъявить сотруднику Управления по вопросам миграции. Проведенный нами анализ показал, что текст «Памятки» суммарно содержит 126 лексических единиц, из которых только 15 (всего 12% !) входят в Лексический минимум Элементарного уровня общего владения РКИ: *день, деятельность, документ, год, иностранный, история, их, образование, один, работа, Россия (РФ), сентябрь, следующий, человек, экзамен*. Абсолютно очевидно, что данные слова не могут создать достаточную основу для понимания содержания документа в целом. Так, из 111 незнакомых слов (88%) 14 являются причастиями – глагольными формами, рецептивное использование которых предусмотрено для инофонов, владеющих языком в объеме Первого сертификационного уровня [13]: *включающий, входивший, выданный, вызываемый, действующий, заключенный, находящийся, подтверждающий, предусмотренный, признаваемый, прошедший, созданный, удостоверяющий, утверждённый*.

Барьером в декодировании мигрантом текста «Памятки» становится и узкоспециальная медицинская лексика: *вирус, ВИЧ-инфекция, иммунодефицит, инфекционный, метаболит, психотропный, химико-токсикологический*. Избежать восприятия данных языковых единиц или заменить их более понятными инофону достаточно сложно. И, конечно, авторы «Памятки» (в известном смысле неформального документа) не ставили перед собой задачу каким-то образом упростить предлагаемый мигранту текст – он написан языком, характерным для официального стиля речи, активно используемого в рассматриваемой правовой сфере деятельности.

Так, здесь представлены и весьма распространенные предложения, включающие несколько десятков слов (например, пункты 3 и 4 – это два предложения, каждое из которых содержит 55 и 66 слов соответственно), и пассивные конструкции (*документ, выданный лицом; организация создана* и др.), и производный составной предлог «*в соответствии с...*». Абсолютно очевидно, что даже ознакомительное чтение данного текста – весьма непростая (а порой и непосильная) для трудового мигранта задача.

В то же время необходимо подчеркнуть, что даже знание инофоном значения той или иной лексической единицы, входящей в состав предложения, не всегда гарантирует ему правильное толкование высказывания, поскольку лексическое значение слова может быть осложнено грамматическим. Так, для инофона, владеющего языком в границах Элементарного уровня, большую сложность представляет восприятие предложно-падежной конструкции «*со дня въезда*», поскольку предлог «с/со» на этом уровне употребляется с формой творительного падежа только в значении совместности (например, *с другом*).

Аналогичная ситуация складывается у инофона с адекватным пониманием таких предложно-падежных конструкций, как «*по результатам медицинского осмотра*», «*один из следующих*», «*штраф за нарушение*», «*экзамен на владение*», «*за получением патента*» и др., что необходимо будет учесть авторам «Требований...» [1] при их переиздании, а также авторам соответствующих учебных пособий.

В состав Лексического минимума к Комплексному экзамену для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент, необходимо включить также целый ряд лексических единиц, связанных с деятельностью иностранного гражданина на территории РФ и необходимостью соблюдения им российского законодательства: *въезд, выдача,*

государство, гражданин, договор, заявитель, заявление, миграция, нарушение, образец, организация, осмотр, оформление, патент, полис, предоставление, результат, сертификат, срок, страхование, учет, цель, штраф и др. Следующим этапом в работе методистов должна стать сводная статистическая обработка данной лексики в актуальных для мигрантов текстах официально-деловой сферы общения с целью установления наиболее частотных и семантически значимых для коммуникации единиц.

На информационном стенде размещен также документ, разъясняющий способы подтверждения владения русским языком иностранными гражданами. Он предоставляет общую информацию об особенностях и сроках подтверждения мигрантом необходимого уровня владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации. Текст этого документа, основанного на статьях соответствующего Федерального закона, содержит только 21% знакомой инофону лексики (*виза, год, государство, день, деятельность, документ, ему, журналист, иностранный, институт, история, образование, один, пять, работа, русский, Россия, РФ, СССР, тридцать, университет, язык*), а также 9 лексических единиц, значение которых потенциально может быть понято мигрантом благодаря работе психофизиологического механизма антиципации (языковой догадки): *временное* – время, *знание* – знать, *лицо* – в значении не части тела, а субъекта действия, *обязан* – обязательно, *получение* – получить, *проживание* – жить, *профессиональный* – профессия, *Псковский* – Псков, *специалист* – специальность.

В то же время большую сложность для адекватного декодирования мигрантом текста о подтверждении владения русским языком создают, во-первых, 10 причастных форм (*выданный, входивший, имеющий, обучающийся, осуществляющий, подтверждающий, прибывший, прошедший, уполномоченный, учрежденный*), а во-вторых, обилие отглагольных синтаксических дериватов: *владение, выдача, выпуск, действие, обращение, обучение, подача, подтверждение, получение, разрешение, распространение*. Кроме того, дополнительные трудности могут вызывать производные предлоги (например, *в течение*), а также активно используемые в тексте языковые клише официально-делового стиля: *лица без гражданства, документ об образовании, осуществлять трудовую деятельность, в случае получения* и др. Представляется, что такие устойчивые сочетания обязательно должны быть включены в Лексический минимум к Комплексному экзамену для трудовых мигрантов отдельным списком.

Как и в тексте «Памятки», рассмотренной выше, в тексте, где представлены выдержки из Федерального закона, содержится значительное количество словосочетаний с предложно-падежными формами, которые не представлены в «Требованиях...»: *при обращении, при подаче, разрешение на работу / на временное проживание, одним из документов, входивший в состав, от подтверждения освобождаются, учрежденных для распространения*.

С учетом серьезных юридических последствий для мигрантов, нарушающих сроки подачи и оформления документов на территории РФ, не менее важным для инофонов оказывается адекватное понимание временных конструкций, активно используемых в текстах, размещенных на Информационной доске: *«с 01.01.2015, до 01.09.2015», «срок его действия составляет пять лет», «в течение тридцати календарных дней со дня выдачи»* и др.

Знание способов выражений темпоральных отношений в текстах официально-делового стиля необходимо мигранту и при восприятии документа, разъясняющего сроки предоставления государственной услуги. Следует отметить, что если рассматриваемые выше тексты («Памятка» и «Подтверждение владения русским языком иностранными гражданами») были специально адресованы именно инофонам, желающим оформить разрешение на трудоустройство на территории России, то данный документ содержит информацию как для иностранного работника, так и для российского работодателя.

Первые два абзаца текстового документа посвящены срокам принятия решения о выдаче разрешения на привлечение иностранных работников к трудовой деятельности на территории РФ, а два последующие – срокам принятия решения о выдаче разрешения на работу. Несложно заметить, что официальные номинации двух смежных процессов, встречающиеся в документе (*разрешение на привлечение иностранных работников* и *разрешение на работу иностранному гражданину*), с большой долей вероятности могут привести инофона в замешательство.

Но если даже иностранный работник сумел правильно вычленив из анализируемого документа нужную для себя информацию, то на этом его языковые трудности, к сожалению, не заканчиваются. Почти страница печатного текста включает 8 абзацев и, соответственно, 8 предложений – сложных, распространенных и осложненных причастными оборотами (которые, как уже отмечалось, не входят в содержание обучения трудовых мигрантов). Каждая из этих синтаксических единиц содержит сведения о сроках рассмотрения и предоставлении той или иной услуги. В пяти предложениях используется конструкция «*в течение ... дней со дня ...*», в двух – ограничительная конструкция «*не должен превышать ... дней со дня ...*» и в одном – «*продлен до ... дней*». Как было указано выше, данный языковой материал является предметом освоения на более высоких уровнях владения РКИ, чем это предусмотрено содержанием «Требований...» для иностранных граждан, желающих получить разрешение на работу в РФ [1] и Лексическим минимумом Элементарного уровня общего владения русским языком [14].

Важным для адекватного понимания инофоном смысла предложений с описываемыми темпоральными конструкциями является дифференциация значений прилагательных *рабочий* и *календарный*, которые присутствуют во всех предложениях. Принимая во внимание серьезные последствия в случае нарушения сроков в оформлении документов, иностранец должен уметь точно определить дату следующего обращения в Управление, ведь 14 рабочих и 14 календарных дней в реальности разнятся неделей. В Лексическом минимуме Элементарного уровня общего владения РКИ прилагательное *рабочий* отсутствует, однако наличие в словнике таких единиц, как *работа* и *работать*, делают возможным языковую догадку о значении данного прилагательного. В то же время в силу потенциальных различий культурно-страноведческого характера (например, наличие 5-дневной или 6-дневной рабочей недели в родной стране мигранта), догадка может оказаться неверной. Еще сложнее складывается ситуация с прилагательным *календарный*, поскольку однокоренные с ним слова в Лексический минимум Элементарного уровня не включены.

В целом 77% текста о сроках выдачи и действия документа представлено лексемами, отсутствующими в Лексическом минимуме Элементарного уровня общего владения РКИ. При этом данные лексические единицы используются в тексте неоднократно: *разрешение* (12 употреблений), *выдача* (11 употреблений), *срок* (9 употреблений), *отказ* (8 употреблений), *предоставление*, *услуга* (7 употреблений), *гражданин*, *рабочий*, *решение* (6 употреблений), *патент*, *принимается*, *продление* (5 употреблений). Связано это с тем, что формулировки каждого раздела документа имеют похожую структуру; меняются, главным образом, временные рамки предоставления той или иной услуги.

Не менее сложным для инофона оказывается и график приема граждан по вопросам приема документов и выдачи трудовых патентов, также размещенный на информационном стенде. Это небольшой по объему текст, включенный в таблицу, состоящую из шести граф, соответствующих дням рабочей недели. Таким образом, иностранному гражданину, прежде всего, обязательно нужно знать названия дней недели, расположенных в первой строке. Во второй строке размещены названия информационных столбцов: *окно*, *услуга*, *время*. Далее в таблице каждого дня представлено по 5 наименований услуг, среди которых иностранцу нужно найти услугу, актуальную для него: «Прием заявлений о выдаче патента». Таким

образом, набор лексем, которые должны быть хорошо известны иностранцу для понимания графика приема, достаточно узок: это 14 единиц, 8 из которых представлены в словнике Лексического минимума Элементарного уровня (*время, окно, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота*). Однако, как показало проведенное нами исследование, трудовой мигрант не всегда способен адекватно воспринять информацию, размещенную в графе «Время», где используется составная предложная конструкция «с ... до ...», уже охарактеризованная выше как сложная для инофона.

Обобщая проанализированный нами материал, отметим также, что во всех рассмотренных в данной статье документах, к сожалению, не используется буква ё, хотя, согласно правилам русской орфографии, написание этой буквы обязательно для иностранцев [15].

Подведем итоги. Проанализированный в статье текстовый материал убедительно свидетельствует о том, что подготовка и издание Лексического минимума к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент, а также существенное совершенствование раздела «Содержание языковой компетенции» в «Требованиях...» [1] являются весьма актуальными задачами российской теории и практики преподавания РКИ и лингводидактического тестирования. При этом богатый лексико-грамматический материал, необходимый для успешного решения указанных проблем, может быть получен методистами в результате тщательного лингводидактического анализа, в частности, текстов для чтения, актуальных в ситуациях официально-деловой сферы общения трудовых мигрантов. Данный языковой материал необходимо будет включить не только в перечисленные выше нормативно-методические документы, но и в соответствующие учебные пособия, а также в контрольно-измерительные материалы, используемые для проведения тренировочного и сертификационного тестирования.

Библиографический список

1. Требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент / Под ред. А.В. Должиковой, Л.П. Клобуковой, В.М. Козьменко, Е.В. Киселевой. 3-е изд. СПб: Златоуст, 2015. 46 с.

2. Должикова А.В., Киселева Е.В. Правовое и методическое обеспечение интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Вестник Таджикского национального университета. 2015. № 3-1. С. 39-43.

3. Клобукова Л.П., Молчанова Н.С., Головина Л.С. Лингвометодические проблемы отражения типичных ситуаций и форм общения в Лексических минимумах к Комплексному экзамену по русскому языку как Федерации // Русский тест: теория и практика. 2019. № 7. С. 25-30.

4. Клобукова Л.П. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ: концепция и научно-методическое сопровождение // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 72-76.

5. Биктеева Л.Р. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан // Актуальные проблемы обучения русскому языку, культуре речи и дисциплинам специализации. Тезисы докладов и статьи IX Международной научно-практической конференции Ниж. гос. сельхоз. Академии. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления, 2014. С. 8-9.

6. Воробьева И.А. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ как способ адаптации мигрантов в новой социокультурной обстановке // Социально-экономические проблемы в пространстве ШОС и пути их решения. Материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2018. С. 88-90.

7. Годенко А.Е., Тюменцева Е.В., Романюк Е.С., Габеева А.С. Комплексный экзамен для трудовых мигрантов // Актуальные вопросы профессионального образования. 2016. № 1 (2). С. 78-84.

8. Дронов В.В., Балыхина Т.М., Тарасов Е.Ф. Языковая подготовка как необходимое условие социализации новых соотечественников в России // Русский язык за рубежом. 2007. № 2. С. 94-97.

9. Кытина В.В. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ как эффективный инструмент интеграции иностранных граждан в российское общество // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 21-27.

10. Мосейкина М.Н. Разработка современных методологий подготовки и практик тестирования по истории России иностранных граждан в свете реализации концепции комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ // Проблемы управления качеством образования. Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.В. Шатовой. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2014. С. 67-70.

11. Подгорская А.В. Проблемы языковой интеграции иностранных граждан в российское общество // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2015. Т. 3. С. 40-43.

12. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 173 с.

13. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному / З.И. Есина, А.С. Иванова, М.М. Нахабина и др. М.: РУДН, 2010. 180 с.

14. Андриюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. СПб.: Златоуст, 2015. 80 с.

15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. Москва: АСТ, 2009. 125 с.

References

1. Requirements for the content of the comprehensive exam on the Russian language as a foreign language, the history of Russia and the basics of the legislation of the Russian Federation for foreign citizens who issue a work permit or patent. Edited by A.V. Dolzhikova, L.P. Klobukova, V.M. Kozmenko, E.V. Kiseleva. St. Petersburg: Zlatoust, 2015. 46 p.

2. Dolzhikova A.V., Kiseleva E.V. Legal and methodological support of the integration exam for foreign citizens in the Russian Federation. Scientific book of the Tajik state University. 2015. №3 (1). Tajikistan: Tajik national University. Pp. 39-43.

3. Klobukova L.P., Molchanova N.S., Golovina L.S. Linguistic and methodological problems of reflection of typical situations and forms of communication in Lexical minimums for the Complex exam in Russian as a Federation. Russian test: theory and practice. 2019. №7. Pp. 25-30.

4. Klobukova L.P. Comprehensive exam in the Russian language, Russian history and the basics of Russian legislation: concept and scientific and methodological support. Scientific Book of the Voronezh state University of architecture and construction. Series: Linguistics and intercultural communication. 2015. №4 (18). Pp. 72-76.

5. Bikteeva L.R. Comprehensive exam on the Russian language, Russian history and the basics of the legislation of the Russian Federation for foreign citizens. Actual problems of teaching Russian language, culture of speech and disciplines of specialization. Abstracts and articles of the IX international scientific and practical conference of Nizhny Novgorod state agricultural Academy. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of management. 2014. Pp. 8-9.

6. Vorobyova I.A. Comprehensive exam on the Russian language, Russian history and the basics of Russian legislation as a way to adapt migrants in a new socio-cultural environment. Socio-economic problems in the Shanghai cooperation Organization space and ways to solve them. Materials of the international scientific and practical conference. Khabarovsk: Khabarovsk state University of Economics and law. 2018. Pp. 88-90.

7. Godenko A.E., Tyumentseva E.V., Romanyuk E.S., Gabeeva A.S. Complex exam for labor migrants. Actual issues of professional education. 2016. №1 (2). Pp. 78-84.

8. Dronov.V. V., Balykhina T.M., Tarasov E.F. Language training as a necessary condition for socialization of new compatriots in Russia. Russian language abroad. 2007. № 2. Pp. 94-97.

9. Kytina V.V. Comprehensive exam on the Russian language, Russian history and the basics of Russian legislation as an effective tool for integrating foreign citizens into Russian society. Vestnik Of the Russian University of peoples ' friendship. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them. 2016. №1. Pp. 21-27.

10. Moseikina M.N. Development of modern methodologies of training and testing practices at the history of Russia of foreign citizens in the light of the implementation of the concept of the comprehensive exam on the Russian language, Russian history and fundamentals of legislation of the Russian Federation. Problems of education quality management. Collection of articles of the IX all-Russian scientific and practical conference. Edited by A.V. Shatova. 2014. Pp. 67-70. Penza: Penza state agrarian University.

11. Podgorskaya A.V. Problems of language integration of foreign citizens in Russian society. Actual problems of modern science, technology and education. 2015. Vol. 3. Pp. 40-43.

12. Valgina N.S. The theory of the text. Moscow: Logos, 2003. 173 p.

13. Linguodidactic program on Russian as a foreign language. Edited by Z.I. Esin, A.S. Ivanov, M.M. Nakhabin and others. Moscow: Peoples' friendship University of Russia. 2010. 180 p.

14. Andryushina N.P., Kozlova T.V. Lexical minimum in Russian as a foreign language. Elementary level. Common ownership. Saint Petersburg: Zlatoust. 2015. 80 p.

15. Rules of Russian spelling and punctuation. Full academic reference book. Edited By V.V. Lopatin. Moscow: AST. 2009. 125 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811. 161. 1'282. 2 (470324)

*Воронежский государственный университет
д-р филол. наук,
профессор, заведующий кафедрой
славянской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic philology,
Doctor of philology, full professor,
the head of the chair
Kovalev G.F.
Russia, Voronezh, tel. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

АВТОБИОГРАФИЗМ ОНОМАСТИКИ «ГОРЯ ОТ УМА» А.С. ГРИБОЕДОВА. К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА (1795-1829)

Портрет А.С. Грибоедова в гусарском мундире. Художник Д. Кардовский

Статья посвящена важной исследовательской проблеме литературной ономастики – связи творчества автора с его жизненным путем, а точнее – проявлению автобиографизма и биографизма в собственных именах,

входящих в художественный текст. Многие авторы не признают в своем творчестве элементов собственной биографии, однако анализ как ключевых ономастических единиц, так и единиц ономастики культурно-исторического фона с необходимостью доказывают наличие обязательных или косвенных элементов биографии в творчестве любого писателя, даже фантаста. А.С. Грибоедов известен практически лишь одной своей пьесой – комедией «Горе от ума», но эта пьеса открыла совершенно новый путь в русской драматургии, разойдясь по словам и выражениям. Большинство персонажей или просто упомянутых людей в пьесе были прекрасно известны кругу людей эпохи А.С. Грибоедова. Причем, автору пришлось изменять настоящие или придумывать новые именованья своих персонажей, однако эти номинации уже носили в себе образно закрепленные характеристики. Яркий эффект живописной насыщенности создается не только образами крупных представителей грибоедовской Москвы, но и всей этой образной массой. Пьеса дала мощный толчок для формирования новой русской литературы.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, ономастика, антропоним, прототип, персонаж, внесценический персонаж, автобиографизм, биографизм.

G.F. Kovalyov

**AUTOBIOGRAPHISM OF ONOMASTICS IN THE PLAY «WOE FROM WIT»
BY A.S. GRIBOEDOV.
ON THE 225TH BIRTHDAY OF THE GREAT RUSSIAN POET (1795-1829)**

The article is devoted to the important research problem of literature onomastics – the connection of the author's creativity with his life path, that is to autobiographism and biographism of proper names in the artistic text. Many authors do not completely recognize the elements of their own biography in their works but an analysis of key onomastic units and onomastics units of cultural and historical background strongly prove the presence of obligatory or indirect biography elements in the works of any writer, even science fiction. A.S. Griboedov is known for almost only one play, the comedy «Woe from Wit», but this play opened a completely new path in Russian playwriting being actively and widely quoted. Most of the characters or just mentioned people in the play were well known to the circle of people of A.S. Griboedov's epoch. Moreover, the author had to change the real names or make up new ones for his characters, though these nominations already carried figuratively fixed characteristics. The play had a powerful influence on the formation of new Russian literature.

Key words: A.S. Griboedov, onomastics, anthroponym, prototype, character, extra-stage character, autobiographism, biographism.

Если в ранних своих работах А.С. Грибоедов использовал в основном иностранные имена, такие, как *Аглая, Арист, Филон, Эльмира* и др., то в первой своей реалистической комедии он обращается к родному антропонимикону. «Горе от ума» – это не только резкий поворот в творчестве А.С. Грибоедова, но и поворот от классицистической драматургии в России к драматургии реалистической. Не зря В.Ф. Одоевский отметил: «До Грибоедова слог Комедий был слепком слога Французских; натянутые, выглаженные фразы, заключенные в шестистопных стихах, приправленные именами Милонов и Милен, заставляли почитать даже оригинальные комедии переводными; непринужденность была согнана с комической сцены; у одного Грибоедова мы находим непринужденный, легкий, совершенно такой язык, каким говорят у нас в обществах, у него одного в слоге мы находим колорит Русской» («Московский телеграф», 1825, ч. III, № 10, с. 11).

Да и сам А.С. Грибоедов, отдавая дань талантам французских авторов, признавался в оценке Корнеля, Расина и Мольера: «Да зачем они вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств? И не дали воли своему воображению расходиться по широкому полю?» [1; с. 45].

Конечно, и в знаменитой пьесе А.С. Грибоедова встречаются так называемые «говорящие» имена, но они органично связаны с характерами персонажей (*Репетилов, Тугоуховская, Молчалин, Скалозуб, Хлестова*). Эти имена уже не являются лишь масками, определяющими характер персонажей, как это было в классицистической традиции, а дополняют, уточняют контур персонажа.

Причем С.А. Фомичев полагает, что «почти все они соотнесены по значению со словами «говорить» – «слышать»: Фамусов (от «fama» – молва), Молчалин, Скалозуб, Тугоуховский, Репетиллов (от «repeater» – повторять), что <...> связано с одним из характернейших приемов драматургии Грибоедова, ведет в средоточие идейного смысла «Горя от ума» [2; с. 37].

Ю.Н. Тынянов же полагал: «Фамилии в «Горе от ума» смысловые, идущие от старой комедии: Молчалин, Скалозуб. Фамусов обычно объясняется, как фамилия, происходящая от латинского слова fama – молва. Однако произвести фамилию Фамусов от fama не так-то просто. Основа фамилии вовсе не от слова *fama*, что могло бы дать только Фамин. Фамилия Фамусов произведена от слова «фамус», то есть графической передачи английского слова *famous* – знаменитый, известный, пресловутый. «Известный» – это самый ходкий эпитет видного, выдающегося человека в фамусовском кругу. Так, Фамусов говорит Чацкому о Скалозубе: «Известный человек, солидный». В этом происхождении фамилии Фамусов – тот же нестершийся след. Вообще фамилии «Горя от ума» не только смысловые, но они являются равноправными словами, связанными с главной, характерной чертой персонажа» [3; с. 358].

Само действие пьесы, оказывается, весьма автобиографично. Так, Е.В. Новосильцева поведала о случае с А.С. Грибоедовым на одном из московских балов, который, видимо, и спровоцировал его на написание пьесы: «Возмутили дикие выходки тогдашнего общества, раболепное подражание всему иностранному, и наконец его нервная, желчная природа высказалась в порывистой речи, которой все были оскоблены. У кого-то сорвалось с языка, что «этот умник» сошел с ума, слово подхватили, и те же Загорецкие, Хлестаковы, гг. Н. и Д. разнесли его по всей Москве». Реакция драматурга была такова: «Я им докажу, что я в своем уме, я в них пушу комедией, внесу в нее целиком этот вечер: им не поздоровится! Весь план у меня уже в голове, и я чувствую, что ора будет хороша» (Русская Старина, 1878, март, с. 546).

А.С. Грибоедов признавался в письме к П.А. Катенину (1825 г.): «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека». Известно, что почти все герои А.С. Грибоедова имели своих прототипов, правда, не напрямую. Самый крупный исследователь творчества А.С. Грибоедова Н.К. Пиксанов писал: «Типичная индивидуальная портретность персонажей «Горя от ума» была так сильна, что в Москве 1820-х годов открылась целая охота за прототипами грибоедовских героев» [4; с. 279]. Писатель и критик П.Д. Боборыкин также писал по этому поводу: «Без живых лиц, даже со всеми их особенностями, творческая работа немислима. В нашей литературе есть образцовое, гениальное произведение, которое все состоит из таких личностей – это «Горе от ума». За исключением Чацкого (да и то только отчасти), все остальные люди – портреты, поднятые до значения типов только в силу огромного таланта Грибоедова. Но Москва 20-х годов знала этих людей» [5; с. 365, 570].

Более того, филолог и критик Н.К. Кульман настаивал не только на вполне конкретной портретности персонажей А.С. Грибоедова, но и на их типичности: «У современников интерес усиливался еще тем, что в действующих лицах узнавали живых людей. Поэтому Катенин и упрекал Грибоедова, что его характеры портретны. Грибоедов на это горячо и основательно возражал: «Портреты, и только портреты входят в состав комедии и трагедии; в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одну не найдешь» (Грибоедов – П.А. Катенину, первая половина января – 14 февраля 1825 г.).

Нельзя, конечно, отрицать, что многие из лиц комедии Грибоедова имели двойников в действительной жизни, но тот факт, что в отдельных персонажах комедии узнавали несколь-

ко лиц (даже в Чацком видели то самого Грибоедова, то Чаадаева), уже доказывал *типичность их*» [6; с. 54-55].

Скрытый смысл имени *Софья* автор закладывает, видимо, и для поддержки конфликта. В самом деле, *Софья* – в переводе с греческого ‘мудрая’, однако же, казалось бы, глупо влюблена в пустого и неискреннего Молчалина. Правда, думается, с позиции Софьи полюбить забитого, угнетенного человека и есть высшая мудрость (правда, Молчалин, хоть и из худородных, но все же тверской дворянин, Фамусов довел его до чиновника 10 разряда). Кроме того, М.О. Гершензон прямо называет в качестве ее прототипа Софью Алексеевну, кузину А.С. Грибоедова, «которую предание называет прототипом Софьи Фамусовой, как ее отца, дядю Грибоедова, – прототипом самого Фамусова» [7; с. 62]. А вот Ф.И. Буслаев, живший гораздо ближе к эпохе А.С. Грибоедова, писал, что профессор М.Н. Катков «жил на площади у Страстного монастыря, в доме Римской-Корсаковой, родной сестры Грибоедова, как говорят, послужившей ему оригиналом для Софьи, героини его комедии «Горе от ума» [8; с. 420].

М.О. Гершензон определяет в прототипы *Фамусова* не только московского дядю А.С. Грибоедова, но и другого реального человека – старого Офросимова, друга М.И. Римской-Корсаковой, которого хорошо знал и А.С. Грибоедов: «Он, как Фамусов, – Павел Афанасьевич, да и фамилия Фамусова (может быть, от лат. *fama* ‘пошлая молва’) отдаленно напоминает Афросимова, как писали и говорили тогда все. Он генерал-майор в отставке, богат и важен, один из директоров Дворянского Собрания, московский туз» [7; с. 81]. Е.В. Грекова не без веских оснований выводит образ Фамусова из персоны основателя и главы «Беседы любителей русского слова», известного всем академика и адмирала А.С. Шишкова [9; с. 6-7].

Интересно, что Ю.М. Нагибин, внимательно прочитав работу того же М.О. Гершензона, посчитал ее довольно слабой, но пришел именно на ее материалах к парадоксальному выводу: «По-настоящему интересны лишь отрывки из превосходных писем Марии Ивановны Корсаковой, с которой Грибоедов списал своего Фамусова. Да, прообраз Фамусова – женщина. Бывает и наоборот: прототип прустовской Альбертины – его шофер и сожитель. Мария Ивановна, ничуть не догадываясь о том, была настоящим художником. Чего стоит хотя бы фраза о ее детях, которые “все из одной квартиры”. Удивительные письма писала она в действующую армию своему непутевому и довольно противному сыну. Чудным, образным языком внушала она ему подлеишие правила лести, низкопоклонства, угодничества, без чего “не сделаешь карьер”» [10; с. 500].

Вообще не зря, видимо, Ю.И. Айхенвальд, анализируя «Горе от ума», провел водораздел в персонажах и сюжете по линии «слово – молчание» [11; с. 50-51]. Отсюда и символичность, и заостренность фамилии *Молчалин*. Ю. Айхенвальд так характеризует данный персонаж: «... спокойный, умеренный и аккуратный Молчалин не сделает никакой нелепости, практически рассудительный, своим молчанием он обеспечил себя от смешного и прекрасно держится в обществе. Правда, он потерпел неудачу и должен был уйти из фамусовского дома; но это произошло только потому, что он не предвидел случайности подслушанного разговора, и это произошло тогда, когда он дал волю своему, хотя и мелкому, увлечению Лизой. На гладкой дороге своей карьеры он *проговорился*, и это будет для него уроком. Теперь он уже никогда не сломит “безмолвия печати”» [11; с. 48-49].

Обозначение персонажей именами *Зизи*, *Мими* – это проявление неприятия автором галломании в русском обществе. Современники полагали, что шесть дочерей *Тугоуховских* – это те самые шесть из восьми княжон *Шаховских*, которых так же старательно «выводили в свет». Более того, Грибоедов в комедии называет сестер их действительными именами – *Катишь*, *Лили*, *Мими*, *Бабет*, *Марет*, *Зизи*, то есть по-домашнему, на французский манер. Правда, сестры Шаховские были совершенно не такими, какими их можно было бы представить по тексту комедии. Это были высокообразованные девушки, с весьма прогрессивными

взглядами, сближающими их с декабристами. Кстати, в этом доме часто и бывали некоторые из последних: А.Н. Муравьев, П.А. Муханов, И.Д. Якушкин и др. После расправы над декабристами три сестры сами отправились в Сибирь (Полина в качестве жены декабриста А.Н. Муравьева, а Екатерина и Варвара только собирались выйти замуж за осужденных).

Интересна как прототип *Мария Алексеевна* Толстая, урожденная княжна Голицына. Именно эту женщину имел в виду А.С. Грибоедов, вложивший в уста Фамусова фразу: «Ах! Боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» Ее имя, благодаря комедии Грибоедова, сразу же перешло в афоризм, стало символом светских сплетен и молвы. А. Глассе полагает даже, что именно героиня грибоедовского "Горя от ума", знаменитая княгиня Марья Алексеевна «является одним из прототипов старой графини, ее дочь прототипом княжны Полины, а зять – прототипом Томского» [12; с. 120].

Д.И. Завалишин, современник А.С. Грибоедова, писал о тексте рукописи «Горя от ума»: «Его стали читать публично в разных местах и прочли между прочим у кн. Зинаиды Волконской, за что и чтецам и мне порядочно-таки намылила голову та самая особа, которая в пьесе означена под именем кн. Марьи Алексеевны. Упомянувши о ней, скажу здесь кстати, что тогда под именем князя Григория все разумели кн. П.А. Вяземского», слывшего за англомана. Это знал и он сам и смеялся над этим, когда мы, бывало, собирались у Оржицкого, у которого он обедал иногда и где в его присутствии был также прочитан привезенный мною экземпляр «Горя от ума». Что же касается до Татьяны Юрьевны, то тут автор действительно разумел Прасковью Юрьевну К^оологривову», прославившуюся особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» [13; с. 132-133].

Даже такой персонаж, как служанка *Лиза*, оказался прототипичным. Так, А.А. Кизеветтер справедливо полагал: «Сколько раз Лизу провозглашали фигурой, взятой Грибоедовым напрокат прямо из французского водевиля. А взял он ее из того, известного нам, московского барского дома, где горничная Дуняшка высказывала свои суждения о новых гостях на французском языке и говорила о них снисходительно: «*charmante personne*», «*joli garçon*», и участвовала в качестве наперсницы своей барышни в ее кавалькадах» [14; с. 85].

А уж *Репетилов* явно сохранил качества болтуна и сплетника Н.А. Шатилова – офицера и сослуживца А.С. Грибоедова по Иркутскому гусарскому полку.

Считается, что *Платону Михайловичу Горичу* в жизни соответствовал Дмитрий Никитич Бегичев – друг и сослуживец А.С. Грибоедова по Иркутскому полку. Н.В. Шимановский в своих воспоминаниях приводит такой случай: «Ермолов (С.Н. Ермолов, родственник генерала А.П. Ермолова, также служивший на Кавказе. – Г.К.) хорошо знал по Москве Степана Никитича Б[егичев]а и спросил Грибоедова, как он мог с этим увальнем и тьюфяком так подружиться? Грибоедов с живостью отвечал:

– То потому, что Б[егичев] в первый стал меня уважать.

А потом он же вывел этого своего друга на сцену в «Горе от ума» в лице Платона Михайловича» [15; с. 85].

Однако автор примечаний к этой статье, Зин. Давыдов, ссылаясь на Записки Кс.Ал. Полевого, писал: «Сомнительно, чтобы прототипом Платона Михайловича мог быть Ст.Н. Бегичев. Есть большие основания полагать, что толчком для создания образа этого «московского жителя» послужила фигура Дм.Н. Бегичева» [16; с. 297]. Думается, что оба правы, потому что А.С. Грибоедов очень близко знал этих братьев еще с военной службы 1812 г., потому он мог использовать и коллективный их образ, да еще с должной долей иронии, как относился и М.Ю. Лермонтов к своим лучшим друзьям. Поэтому такой персонаж, как Платон Михайлович Горич, мог в равной степени вырасти и из образа известного лите-

ратора, губернатора Воронежа Дмитрия Никитича Бегичева, служившего в Иркутском гусарском полку вместе с А.С. Грибоедовым.

Не придуманы Грибоедовым ни портрет, ни фамилия полковника *Скалозуба*. Он и исторически верен. В частности, историк О.И. Елисеева так описывает приход украинской элиты в Москву: «Малороссийская знать стала активно родниться с погорелыми (московской знатью. – Г.К.) только после войны 1812 г. Скалозуб в «Горе от ума» как раз выходец из таких неродовитых малороссиян, которому Фамусов – московский старожил – старается подсунуть дочку» [17; с. 11]. Н.К. Пиксанов писал, что «прототипом полковника Скалозуба называли то полковника Фролова, то нескольких других лиц, а кое-кто утверждал, что Скалозуб скопирован с великого князя Николая Павловича, который в 1825 г. стал императором» [4; с. 279]. Интересно, что именно такую фамилию (Скалозуб) носила профессор Киевского университета, один из редакторов издания «Русское языкознание» в прошлом веке. Об украинском происхождении фамилии Скалозуб писал и С.А. Фомичев: «Слово «Скалозуб» – по-украински «насмешник», «зубоскал». Ср. также: «Всегдашние скалозубы бывают всем не любы» (Русские пословицы, собранные Богдановичем. СПб., 1785, с.54)» [18; с. 97]. Возможно, что Грибоедов узнал об этой фамилии, усиленно читая литературу по истории Малороссии во время подготовки к своей поездке на Украину (перед 1825 г.).

Для *Загорецкого* моделью послужил известный в эпоху А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина авантюрист и, возможно, доноситель Александр Львович Элькан, выдававший себя то за потомка какого-то Эль-хана, то за француза [19; с. 419-427]. Наилучшим образом его описал Т.Г. Шевченко в автобиографической повести «Художник»: «Странное явление этот Элькан! Нет языка, на котором бы он не говорил, нет общества, в котором он не встречался, начиная с нашей братии и кончая графами и князьями. Он, как сказочный волшебник, везде и нигде: и на Английской набережной, у конторы пароходства приятеля за границу провожает, и в конторе дилижансов... тоже провожает какого-нибудь задушевного москвича, и на свадьбе, и на крестинах, и на похоронах, и все это в продолжение одного дня, который он заключает присутствием во всех трех театрах».

Прототипом *Ипполита Маркельча Удушьева* послужил Федор Иванович Толстой, прозванный в обществе за свои «подвиги» Американцем [подробнее об этом см.: 20; с. 99-103]. Грибоедов буквально воспроизводит его биографию:

Ночной разбойникъ, дуелисть,
Въ камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крепко на руку нечистъ.

(Здесь и далее – орфография первого издания комедии – М., 1833, типография Августа Семена, с.143).

Дело в том, что, попав в кругосветное плавание под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, поручик Толстой так досадил руководству, что оно было вынуждено высадить его на Алеутских островах, откуда он вернулся в Россию пешком по льду Берингова пролива.

Сам Ф.И. Толстой полностью признавал за собою эту прототипность. Л.Н. Толстой, близкий его родственник, рассказывал своему сыну Сергею о том, как Толстой-Американец выговаривал А.С. Грибоедову:

«Зачем ты обо мне написал, что крепко на руку не чист? Подумают, что я взятки брал. Я взятки отродясь не брал.

– Но ты же играешь нечисто, – заметил Грибоедов.

– Только-то? – ответил Толстой, – ну, ты так бы и написал» [21; с. 83].

Граф Ф.И. Толстой послужил прототипом для таких персонажей русской литературы, как Турбин-старший в «Двух гусарах» и Долохов из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, а также Зарецкого из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Причем Пушкин использовал здесь еще и грибоедовскую фамилию *Загорецкий*.

Вполне справедлива мысль поэта Д. Самойлова по поводу натяжек, сделанных отечественными литературоведами и историками относительно *Чацкого*: «Нет оснований путать Чацкого с Грибоедовым, а Грибоедова отождествлять с декабристами» [22; с. 153]. Полагают, что главный герой комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» назван Чацким в честь русского мыслителя П.Я. Чаадаева [23; с. 182-183]. Так поначалу думал и современник Грибоедова А.С. Пушкин. С досадой и иронией он писал из Одессы П.А. Вяземскому: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны» (дек. 1823 г.).

А.М. Баженов, с учетом того, что Чаадаев был сокурсником Грибоедова по Московскому университету, слишком категорично полагал: «Приятелем», «демоном», «черным человеком» для Грибоедова был его Чацкий. С Чацким Грибоедов был знаком прекрасно. Знал он его и в Петре Яковлевиче Чаадаеве с его философической брызжущей нетерпимостью, и в молодых будущих декабристах с их наивным этикеточным славянофильством, и, конечно же, помнил в себе. Александр Чацкий – это во многом Александр Грибоедов в его семнадцать, восемнадцать, двадцать лет» [24; с. 73].

Раздавались и голоса, сближавшие Чацкого с мольеровским Альцестом. По духу и по схожим ситуациям Чацкого сопоставлял с Дон-Кихотом известный достоевсковед А.Л. Бем: «Еще одна черта сближает Чацкого с Дон-Кихотом. Черта эта – любовь к *сочиненной женщине*. Чацкий видит Софью Павловну такую, какою ему хочется ее видеть. Грибоедов очень тонко показывает, как Чацкий не видит совершенно явного предпочтения, которое Софья оказывает Молчалину. Чтобы только сохранить для себя ее образ, он придумывает себе разных соперников, только одного Молчалина упорно отвергает. Он, подобно Дон-Кихоту, создает свою Дульцинею и не видит Альдонсы» [25; с. 160].

Ю.Н. Тынянов, хотя и полагал, что в Чацком многое идет от П.Я. Чаадаева, однако не соглашался с его прототипностью: «Самая фамилия Чацкого имела связь именно с фамилией Чаадаева (в правописании Пушкина, отражавшем живую речь, – Чадаев); в первой редакции «Горя от ума» фамилия Чацкий писалась Грибоедовым как Чадский, что непосредственно связано с Чаадаевым. Эта совершенно ясная связь Чацкого с Чаадаевым заставляет на нем остановиться. Это тем любопытнее и значительнее, что характер, тип исторического Чаадаева вовсе не является прототипом Чацкого» [3; с. 341-342].

Интересно, что сам Чацкий в комедии свидетельствует о том, что он член Английского Клуба:

Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте: член Английского Клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

При этом показательны, что документы фиксируют фамилию *Чатский* именно в грибоедовскую эпоху. Так, о текущей жизни московского Английского клуба писалось: «1815. Марта 17-го дня, предложенный от члена г-на Сибилева из кандидатов в члены г-н Чатский, по баллотированию не избран...» (Русский Архив, 1889, ч. 2, с. 88).

Князь Д.И. Шаховской отмечал: «Трудно найти, помимо какой-то связи замысла автора с личностью Чаадаева, и удовлетворительное объяснение выбору им имени героя комедии. Ни «Чаадаев», ни «Чацкий» вовсе не столь ходовые имена, чтобы можно было признать чистой случайностью их созвучие, особенно если принять во внимание, что в старейшем из известных нам списков, в двух первых действиях почти всегда, а один раз и в третьем действии, имя данного персонажа пишется еще ближе к фамилии Чаадаева – не Чацкий, а Чадский; значит, постепенно *Чадский* вытесняется *Чацким*» [26; с. 20].

Проницательный и тонкий исследователь литературных текстов Ю.Н. Тынянов (со ссылкой на Н. Греча) намекнул, что к прототипу Чацкого можно было бы отнести и

В.К. Кюхельбекера [27; с. 154]. Далее Ю.Н. Тынянов развивает эту мысль: «Эта черта фотографически близка к Кюхельбекеру. Странность, притом смешная, грозный взгляд и резкий тон и даже «эти особенности» близки к Кюхельбекеру и толкам вокруг него» [27; с. 173]. Он же отмечает множество биографических совпадений у Кюхельбекера и Чацкого, например: «Кюхельбекер путешествовал по Западной Европе с сентября 1820 г. до августа 1821 г., а в сентябре уже принужден был уехать в Тифлис. Таким образом, свидетель создания и первый слушатель «Горя от ума» прибыл к Грибоедову из Европы, как прибывает Чацкий» [27; с. 175]. Ю.Н. Тынянов, конечно же, не столько настаивал на прототипности Кюхельбекера, сколько показывал типичность многих ситуаций и персонажей, отраженных в комедии А.С. Грибоедова. Однако многие текстовые факты комедии, как доказывает Ю.Н. Тынянов, говорят именно в пользу В. Кюхельбекера как одного из главных прототипов Чацкого. Так, приводя разговор Хлестовой и княгини:

Хлестова: И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их.
Да от ланкартачных взаимных обучений.
Княгиня: Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!

Ю.Н. Тынянов так поясняет его: «Здесь дан полный и точный список учебных заведений, в которых учился и преподавал Кюхельбекер, и названо общество, секретарем которого он был. Все это было жизненно с ним связано. Он окончил в 1817 г. Царскосельский лицей, был одним из главных профессоров Педагогического института и воспитателей его пансиона, должен был подать в отставку перед отъездом за границу; был одним из самых горячих деятелей, секретарем «С.-Петербургского общества учреждения училищ взаимного обучения по методу Бэля и Ланкастера», управлявшегося членами Союза благоденствия» [3; с. 353].

М.О. Гершензон, напротив, пишет: «В известном смысле «Горе от ума» – эпизод из жизни самого Грибоедова, и сам автор – прототип Чацкого» [7; с. 63]. Сравните такое же отождествление автора и его героя в анонимной лицейской эпиграмме на Ф.В. Булгарина:

Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с *Чацким* всех дружной.
Ах ты бесстыдник, ах злодей!
Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников морочишь (1830).

А вот Е.В. Грекова довольно доказательно предлагает в прототипы Чацкого племянника адмирала Шишкова – Александра Ардалионовича Шишкова [9; с. 6-9].

Поэтому в данном случае (да и чаще всего) необходимо автономно рассматривать проблемы прототипа и протоимени главного героя.

А.А. Кунарев, перечислив прошлые попытки семантизации и реконструкции фамилии грибоедовского героя, стойчески отверг все предыдущие этимологии (*чад* – дым, *чадо* – ребенок и т.д.). Он предложил весьма оригинальную версию фамилии, в которой якобы зашифрован эпитет Гамлета – принц *Датский* (фонетически – с разницей лишь в первом звуке: *Чацкий* – *Дацкий*) [28; с. 89-91]. Это решение очень заманчиво, но, естественно, что оно абсолютно абсурдно и никак не подтверждается ни материалом комедии, ни данными биографии А.С. Грибоедова.

Различия в структуре антропонимов *Чацкий* и *Чадский* (сформированный на базе *Чаадаев*) говорит не в пользу того, что фамилия *Чацкий* – русского происхождения, а в пользу отнесения фамилии *Чацкий* к заимствованиям из польского языка (точно так же, как фамилия *Pilsudski* не может быть признана польской) (Język Polski, 1926, N 1, s.61). Мы писали об этом много лет назад [29; с. 21-22].

Поэтому мы склоняемся к предложенному еще П.Я. Черных решению: «...Грибоедов переделал эту фамилию (Чаадаев – Г.К.) в окончательной редакции «Горя от ума» и замаскировал ее этимологию. С буквой *ц* эта фамилия получила польский облик» [30; с. 47].

Еще в первой половине XX века И. Тхоржевский заметил в эмигрантской печати: «Грибоедов принадлежал к русской знати. Он был в родстве с Одоевским, Паскевичем, Нарышкиными, Разумовским; в жилах его текла, кроме русской, далекая струя польской крови, может быть, оттуда шла стремительная горячность, роднящая Грибоедова с его Чацким (чуть польское имя)» [31; с. 165].

Е.Н. Цимбаева замечает по поводу связи Чацкого с Польшей, что он «имел польских предков, на это прямо указывает его фамилия, редкая, но известная в Польше. Он, конечно, русский дворянин, но происхождение ведет из Польши, как и сам Грибоедов» [32; с. 122].

Откуда же взялась «польская линия» у русского писателя? Конечно же, от того, что он и был по происхождению поляком. Ф. Булгарин писал об этом: «Род его ведет свое происхождение из Польши, от фамилии Грибовских, переселившихся в Россию, кажется, в начале царствования Романовых» [33; с. 9]. Б. Унбегаун по этому поводу сделал существенное уточнение: «Предок А.С. Грибоедова, Ян Гржибовский, в начале XVII в. переселился из Польши в Россию, его сын Федор Иванович стал писаться Грибоедовым; при царе Алексее Михайловиче он был разрядным дьяком и одним из пяти составителей «Уложения», т.е. свода законов ...» [34; с. 340]. Упоминание об этом есть и в Русской родословной книге (СПб., 1873, с.152).

О польском происхождении Грибоедова писал и его современник Николай Малиновский: «Он раньше небрежно относился к феодальным пережиткам, но, став послом, распорядился ткать позументы с гербами, рисовать их на каретах и т.д. Вся трудность была в том, что он не знал, какой герб он должен был использовать в доме под Москвой, и его мать требует документы, которые доказывали родовитость. Не разбираясь, Грибоедов отсылает их Булгарину. Каким же было наше удивление, когда мы нашли не только доказательства эмиграции его предка из Польши, но даже и герб, нарисованный красками на полотне, очевидно, в XVI веке: «Прус» или «Волчьи Косы». Назывался его предок Грибовский» [Цит. по: 35; с. 54].

Сам же А.С. Грибоедов вышел на «польскую» линию во время службы в Брест-Литовске (1813-1814 гг.), состоя адъютантом при генерале А.С. Кологривове. Исследователь биографии драматурга А.А. Шаховского А.А. Ярцев свидетельствует о пребывании А.С. Грибоедова в столице Польши Варшаве: «С Грибоедовым Шаховской встретился в Польше, где автор «Горя от ума» служил в гусарах. Это случилось в конце 1812 года» [36, с. 76]. Затем польская линия продолжилась и через П.А. Вяземского, с которым летом 1823 г. он сочинял водевиль «Кто брат, кто сестра» для бенефиса актрисы М.Д. Львовой-Синицкой. Вот как описал это впоследствии П.А. Вяземский: «Незадолго перед тем возвратился я из Варшавы. В память пребывания моего в Польше предложил я Грибоедову перенести место моего действия в Польшу и дать вообще лицам польский колорит» [37; с. 336-337]. И в Петербурге Грибоедов часто встречался с поляками, в частности, с А. Мицкевичем. Наиболее точное свидетельство их встречи находим в письме П.А. Вяземского (17 мая 1828 г.) писал: «Вчера Пушкин читал свою трагедию у Лаваль: в слушателях были две княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоедов, Мицкевич» [38; с. 79]. Да и другая весьма колоритная фигура – Тадеуш Булгарин – была связана с Грибоедовым узами дружбы, поскольку Фаддей Булгарин был природным поляком (*Фаддей* – русский вариант польского *Тадеуш*). Естественно, что в числе близких знакомых А.С. Грибоедова был и Адам Мицкевич.

Ко всему прочему, А.С. Грибоедов, по мнению С.В. Свердлиной, владел и польским языком. Свое мнение она подтверждает фрагментом из письма Грибоедова к А.Н. Верстовскому: «Да нельзя ли *бар* и *красавиц* приспособить к известной польской песне: «*Обещала даць, С собой поиграць*»» [39; с. 230]. Кстати, тот же Ф. Булгарин в фельетоне

«Литературные призраки» (1824 г.), пересказывая слова своего друга А.С. Грибоедова, через посредство персонажа под именем Талантин излагает его кредо: «Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько соплеменных славянских наречий, прочесть несколько славянских, русских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей» [цит. по: 4; с. 313].

Е.Н. Цимбаева уверенно считает, что А.С. Грибоедов еще с пребывания в Кобрине (Волинский уезд) настолько овладел польским языком, что генерал А.С. Кологривов не только по родственным связям взял его в штаб «для производства письменных дел», в особенности связанных с польским населением и донесениями польских агентов, а также в помощи закупки провианта [2; с. 130-134].

Именно поэтому не таким уж бесперспективным выглядит сближение «Горя от ума» с комедией польского автора Ю. Немцевича «Возвращение депутата» (Niemcewicz E. Powrót posła. Warszawa, 1790), приведенное в статье Н.М. Петровского (1917) и раскритикованное Н.К. Пиксановым [4; с. 215-217]. Сопоставлению сюжетных и образных линий этих произведений посвящена работа С.В. Свердлиной, которая пришла, в отличие от Н.К. Пиксанова, к положительному результату [39; с. 82-96].

При этом мы полагаем, что А.С. Грибоедов не просто полонизировал фамилию Чацкого, а взял за образец конкретную фамилию известного в его время польского и российского просветителя графа Фаддея (Тадеуша) Чацкого (1765-1813), который, кстати, по кругу своих интересов, особенно в области ориенталистики, во многом был близок самому А.С. Грибоедову (Encyklopedia powszechna PWN. Warszawa, 1973, t.I, s.515). Так, И. Булкина пишет: «Связь графа Чацкого с одноименным героем грибоедовской комедии кажется нам вероятной, хотя мы ни в коем случае не предполагаем в нем реального прототипа Александра Андреевича Чацкого» [40; с. 251].

О том, что Т. Чацкий был довольно известной фигурой в России того времени, говорит пояснение из пушкинской «Литературной газеты»: «Автор сего сочинения, Иосиф Корженёвский, учился в Волинском лицее, основанном знаменитым Чацким...» (Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига. 1830 год, № 1-13. М., 1988, с. 83). Интересно, что характеристика Чацкого, данная М. Зджеховским, в равной степени может быть отнесена и к Т. Чацкому. М. Зджеховский полагал, что Чацкий стоит на твердой почве, его идеалом было распространение образования и наук в России при необходимом условии уважения к этому образованию и наукам и непоколебимой вере в благотворное их влияние на общество [41; с. 240-258]. Тадеуш Чацкий в 1803 г. основал один из лучших лицеев Европы, в котором учились известные польские поэты Юлиуш Словацкий и Антоний Мальчевский. Да и внучка Т. Чацкого Мария Чацкая (1880-е – 1961) продолжила педагогический подвиг деда – организовала приют для незрячих детей (Новая Польша, 2004, № 3, с. 21-23).

Хотя возможно, что в качестве протономена послужила, правда, с меньшей достоверностью, фамилия другого человека, современника А.С. Грибоедова: Чацкого Феликса (1789-1862) – литератора, историка, изучавшего эпоху французской революции 1789 г. (Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1948, T.IV, zesz.2, s.142).

Кроме активно действующих 26 персонажей комедии Н.К. Пиксанов отметил: «В «Горе от ума» есть еще вереница образов, воссоздаваемых в беседах и монологах; без них не закончена была бы картина грибоедовской Москвы, не полон был бы идейный смысл пьесы, даже сценический состав ее не был бы так прочно цементирован.

Таковы: мадам Розье, ментор-гувернер, танцмейстер Гильоме, дядюшка Софьи, отпрыгавший свой век, тетушка Софьи, у которой сбежал француз, тетушка-Минерва, Максим Петрович и Кузьма Петрович, брат Скалозуба, московские «наши старички» и «наши дамы», «юноши-сынки и внуки», дочери-патриотки, богач-грабитель, «Нестор негодяев знатных», крепостник-театрал (или даже два), «турок или грек», побродяги-учителя, трое из бульвар-

ных лиц, чахоточный «книгам враг», княгиня Ласова, Прасковья Федоровна, вдова-докторша, Татьяна Юрьевна, ее муж, Фома Фомич, хилый старик-домосед (у которого Загорецкий отбивает билет в театр), химик-ботаник князь Федор, вечные французы с Кузнецкого Моста, французик из Бордо, две княжны-сестрицы, убежденные, что лучше Франции нет в мире края, мосье Кок, князь Григорий, Воркулов Евдоким, Левон и Боринька, Удушьев Ипполит Маркелыч, Лохмотьев Алексей, «ночной разбойник», вернувшийся алеутом, барон фон Клотц, жена Фамусова, наконец, княгиня Марья Алексеевна, Дрянские, Хворовы, Варляньские, Скачковы, «певец зимой погоды летней», арапка-девка – всего свыше сорока пяти лиц.

Для многих, вероятно, покажется неожиданным такой длинный список этих мимолетных образов, и в литературе о «Горе от ума» он никогда не устанавливался. Между тем его следует принять к учету в общей сумме художественных впечатлений от пьесы. Даже князь П.А. Вяземский, негативно оценивавший комедию А.С. Грибоедова, так характеризовал количественный состав персонажей пьесы: «Самые странности комедии Грибоедова достойны внимания: расширяя сцену, населяя ее народом действующих лиц, он, без сомнения, расширил и границы самого искусства» [42; с. 70]. Яркий эффект живописной насыщенности создается не только образами крупных представителей грибоедовской Москвы, но и всей этой образной массой. Иные из этих образов разработаны великолепно и своею значительностью превышают некоторых из «действующих», например: Максим Петрович, Татьяна Юрьевна, крепостник-театрал; значительна как символ и княгиня Марья Алексеевна, хотя о ней автор обмолвился одним только стихом.

Следует особо отметить этот прием драматургического мастерства. Грибоедов не загромождает сценарий такими образами, они не бременят интригу пьесы» [43; с. 294-295].

С помощью внесценических персонажей А.С. Грибоедов преодолевает классицистические рамки дома Фамусова. Поэт выходит на более широкие круги общества. Не зря, видимо, С.А. Фомичев утверждает: «Особого внимания заслуживают внесценические персонажи, активное введение которых в сюжет является новаторским завоеванием Грибоедова, хотя уже в догрибоедовской комедии можно обнаружить упоминаемых по ходу действия лиц, подчас довольно колоритных и запоминающихся... Однако только Грибоедов ввел их в таком неисчислимом количестве, создавая не ослабевающее на всем протяжении пьесы впечатление присутствия где-то рядом «тьмы и тьмы» знакомых незнакомцев, и тем самым как бы раздвинул стены фамусовского особняка, вынес действие на площадь, укрупняя основной конфликт пьесы: столкновение пылкого правдолюбца с косной общественной средой» [18; с. 35].

Что же касается ономастики пространства, то есть топонимии, то, несмотря на классицистически замкнутое пространство, ограниченное несколькими комнатами дома Фамусова, автор выходит за его рамки именно с помощью топонимов. Весь мир укладывается в характерные для дворян того времени образы двух столиц России – *Москвы* и *Петербурга*, которые детализируются через соответствующие микротопонимы *Кузнецкий мост* и *Фонтанка*. Остальная часть России показана через речь персонажей как жалкая провинция, например, Фамусов – Молчалину: «И будь не я, коптел бы ты в *Твери*»; он же Софье: «В деревню, к тетке, в глушь, в *Саратов*».

Весь остальной мир – это в основном Франция, которая, однако, иронически детализируется автором не через *Париж*, а через *Бордо* (и, видимо, в большей степени с изрядной коннотацией по известной марке красного вина – «бордо»).

Не зря А.С. Пушкин, прочитав «Горе от ума», сказал, что текст разойдется по словечкам и выражениям: «О стихах я не говорю: половина – должны войти в поговорку». Так и случилось. Веком позже А.В. Амфитеатров даже написал юмореску «Избитая вещь»: «Смотрела «Горе от ума» некоего Грибоедова. В общем, ничего себе вещичка, смотрится легко, но

только можно ли так безбожно заимствовать? Ведь половина пьесы – всем знакомые остро-ты. Цитаты, цитаты, цитаты без конца!» («Сатирикон», Париж, 1931, № 9, 30 мая).

Библиографический список

1. Бегичев С.А. Ответ рецензенту // Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. М., 2015. 394 с.
2. Цимбаева Е.Н. Грибоедов. М., 2011. 551 с.
3. Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. СПб., 2001. 505 с.
4. Из неопубликованного наследия Н.К. Пиксанова // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиция. Л., 1977. С. 263-281.
5. Боборыкин П.Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 2. 670 с.
6. Кульман Н.К. А.С. Грибоедов (К столетию со дня кончины) // Лицо и гений. Зарубежная Россия и Грибоедов. М., 2001. С. 23-27.
7. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. 398 с.
8. Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003. 604 с.
9. Грекова Е.В. Еще один прототип Чацкого? // Русская словесность. 1996. № 2. С. 6-10.
10. Нагибин Ю.М. Дневник. М., 2001. 698 с.
11. Айхенвальд Ю.А. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 1. 591 с.
12. Глассэ А. «Княгиня Марья Алексеевна» // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 119-140.
13. Завалишин Д.И. Воспоминания о Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 128-143.
14. Кизеветтер А.А. Грибоедов и его комедия // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов. М., 2001. С. 41-43.
15. Шимановский Н. Арест Грибоедова // Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. М., 2015. С. 85.
16. Полевой Кс.А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб: Издание А.С. Суворина, 1888 г.
17. Елисеева О.И. Имперский матриархат // Литературная газета. 2012. № 52.
18. Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. М., 1983. 208 с.
19. Лернер Н. С кого Пушкин списал Зарецкого // Русская старина. Т. 133. 1908.
20. Петрицкий В.А., Суетов Л.А. К истории одного прозвища (Ф.И. Толстой «американец») // Русская литература. 1987. № 2. С. 99-103.
21. Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М., 1926. 64 с.
22. Самойлов Д.С. Поденные записи. Т. 2. М., 2002. 414 с.
23. Эльзон М.Д. «Чад» или «чаять»? // Русская литература. 1981. № 2. С. 182-183.
24. Баженов А.М. К тайне «Горя» (А.С. Грибоедов и его бессмертная комедия). М., 2001. 94 с.
25. Бем А.Л. «Горе от ума» в творчестве Достоевского // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов М., 2001. С. 69-81.
26. Шаховской Д.И. Грибоедов и Чаадаев // Литература в школе. 1988. № 4. С. 20.
27. Тынянов Ю. Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. М., 1946. Т. 47-48. С. 147-188.
28. Кунарев А.А. «Фамилии известной...» (К вопросу о происхождении антропонима *Чацкий*) // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 89-91.

29. Ковалев Г.Ф. Роль ономастического материала в изучении русского языка студентами-славянами // Ономастика на уроке русского языка как иностранного. Волгоград, 1993. С. 17-24.
30. Черных П.Я. Заметки о фамилиях в «Горе от ума» // Докл. и сообщ. филологич. ф-та МГУ. 1948. Вып. 6. С. 47.
31. Тхоржевский И. Грибоедов (1795-1829) // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов. М., 2001. С. 98-102.
32. Цимбаева Е. Художественный образ в историческом контексте (Анализ биографий персонажей «Горя от ума») // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 98-139.
33. Булгарин Ф. Воспоминание о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // А.С. Грибоедов, его жизнь и гибель в воспоминаниях современников. Л., 1929. С. 185-198.
34. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995. 443 с.
35. Федута А.И. Грибоедов глазами Николая Малиновского // А.С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Вып.10. Смоленск, 2010.
36. Ярцев А.А. Князь Александр Александрович Шаховской. (Опыт биографии). СПб., 1896. 90 с.
37. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т.VII. СПб., 1882.
38. Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 79.
39. Свердлина С.В. Грибоедов и ссыльные поляки // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиция. Л., 1977. С. 212-234.
40. Булкина И. «Известная фамилья»: польский патриот граф Фаддей Чацкий // *Studia russica helsingiensia et tartuensia*. XII. Мифология культурного пространства. Tartu, 2011.
41. Zdziechowski M. Byron i jego wiek. *Studia porównawczo-literacki*. W Krakowie, 1897, t.II.
42. Вяземский П.А. Фон-Визин // Современник, 1837, т. 5.
43. Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. 333 с.

References

1. Begichev S.A. My answer to the reviewer // *Griboedov. His life and death in the memoirs of his contemporaries*. Moscow, 2015. P. 45.
2. Tsimbaeva E.N. *Griboedov*. Moscow, 2011. 551 с.
3. Туньянов Y.N. *The history of literature. Critical works*. St.-Petersburg, 2001. 505 с.
4. From unpublished heritage of N.K. Piksanov // *A.S. Griboedov. Creativity. Biography. Tradition*. Leningrad, 1977. P. 263-281.
5. Boborykin P.D. *Memoirs*. Moscow, 1965. Vol. 2. 670 p.
6. Kulman N.K. A.S. Griboedov (To the centenary of the writer's death) // *Person and Genius. Foreign Russia and Griboedov*. Moscow, 2001. P. 23-27.
7. Gershenson M.O. *Griboedov's Moscow*. P.Y. Chaadaev. *Sketches of the past*. Moscow, 1989. 398 с.
8. Buslaev F.I. *My free time. Memoirs. Atricles. Thoughts*. Moscow, 2003. 604 p.
9. Grekova E.V. One more prototype of Chatsky? // *Russian philology*. 1996. Vol. 2. P. 6-10.
10. Nagibin Y.M. *The diary*. Moscow, 2001. 698 p.
11. Aikhenwald Y.A. *The silhouettes of Russian writers*. Moscow, 1998. Vol. 591 p.
12. Glasse A. "Duchess Maria Alexeevna" // *New literature review*. 1996. Vol. 17. P. 119-140.
13. Zavalishin D.I. *Reminiscences about Griboedov* // *A.S. Griboedov in memoirs of his contemporaries*. Moscow, 1980. P. 128-143.

14. Kizewetter A.A. Griboedov and his comedy // Person and Genius. Foreign Russia and Griboedov. Moscow, 2001. P. 41-43.
15. Shimanovsky N. Griboedov's arrest // Griboedov. His life and death in the memoirs of his contemporaries. Moscow, 2015. P. 85.
16. Polevoy X.A. Sketches of Xenophont Aleksandrovich Polevoy. St.-Petersburg, 1988.
17. Eliseeva O.I. Imperial matriarchy // Literature paper. 2012. Iss. 52.
18. Fomichev S.A. The comedy "Woe from wit" by A.S. Griboedov. The comments. Moscow, 1983. 208 p.
19. Lerner N. Who did Pushkin copy Zaretsky from // Russian antiques. Vol. 133. 1908.
20. Petritsky V.A. Suetov L.A. To the history of one nickname (F.I. Tolstoy 'the American') // Russian literature. 1987. Vol. 2. P. 99-103.
21. Tolstoy S.L. Fedor Tolstoy the American. Moscow, 1926. 64 p.
22. Samoylov D.S. Daily notes. Vol. 2. Moscow, 2002. 414 p.
23. Elzon M.D. 'Chad' or 'chayati'? // Russian literature. 1981. Vol. 2. P. 182-183.
24. Bazhenov A.M. To the mystery of "Woe" (A.S. Griboedov and his immortal comedy). Moscow, 2001. 94 p.
25. Bem A.L. "Woe from wit" in Dostoevsky's creativity // Person and Genius. Foreign Russia and Griboedov. Moscow, 2001. P. 69-81.
26. Shakhovskoy D.I. Griboedov and Chaavaev // Literature at school. 1988. Vol. 4. P. 20.
27. Tynyanov Y.N. The plot of "Woe from wit" // Literature heritage. Moscow, 1946, Vol. 47-48. P. 147-188.
28. Kunarev A.A. "Of the well-known family..." (To the question of origin of the anthroponym *Chatsky*) // Russian language at school. 2000. Vol. 5. P. 89-91.
29. Kovalev G.F. The importance of onomastic material in learning of Russian language by Slavonic students // Onomastics at the lesson of Russian as a foreign language. Volgograd, 1993. P. 17-24.
30. Chernykh P.Y. Sketches about the surnames in "Woe from wit" // Reports of philological department of MSU. 1948. Iss. 6. P. 47.
31. Tkhorzhevsky I. Griboedov // Person and Genius. Foreign Russia and Griboedov. Moscow, 2001. P. 98-102.
32. Tsimbaeva E.N. Artistic image in historical context (The analysis of the characters' biographies in "Woe from wit") // The issues of literature. 2003. Vol. 4. P. 98-139.
33. Bulgarin F. Reminiscences about unforgettable Alexander Sergeevich Griboedov // A.S. Griboedov, his life and death in the memoirs of his contemporaries. Leningrad, 1929. P. 185-198.
34. Unbegown B.-O. Russian surnames. Moscow, 1995. 443 p.
35. Feduta A.I. Griboedov in Mikolay Malinovsky's view // A.S. Griboedov. Khmelitsky collection. Iss. 10. Smolensk, 2010.
36. Yartsev A.A. Duke Alexander Alexandrovich Shakhovskoy (The experience of biography). St.-Petersburg, 1869. 90 p.
37. Vyazemsky P.A. Completed works. Vol.7. St.-Petersburg, 1882.
38. Literature heritage. Vol. 58. Moscow, 1952. P. 79.
39. Sverdlina S.V. Griboedov and exiled Polish men // A.S. Griboedov. Creativity. Biography. Tradition. Leningrad, 1977. P. 212-234.
40. Bulkina I. "A well-known family": Faddey Chatsky, a Polish patriot // Studia russica helsingiensia et tartuensia. XII. The mythology of cultural space. Tartu, 2011.
41. Zdziechowski M. Byron i jego wiek. Studya porównawczo-literacki. W Krakowie, 1897, t.II.
42. Vyazemsky P.A. Fon-Visin // Sovremennik (Contemporary), 1837, vol. 5.
43. Pikanov N.K. Griboedov. Researches and characteristics. Leningrad, 1934. 333 p.

УДК 820: 821.161: 821.51: 82-1/-9

*Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
старший преподаватель
Хайруллина Р.Г.
Россия, г. Казань,
тел. +7 (903) 313-13-31
e-mail: gerina37@mail.ru*

*Kazan institute (branch) of the All-Russian
state university of justice
(RPA of the ministry of justice of Russia)
senior lecturer
Khairullina R.G.
Russia, Kazan,
tel. +7 (903) 313-13-31
e-mail: gerina37@mail.ru*

Р.Г. Хайруллина

ЧИТАТЕЛЬ КАК КАТЕГОРИЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Литературоведение и эстетика выявили историческую изменчивость национальных художественных ценностей и их конкретно-историческую обусловленность, поскольку художественный смысл и ценность не тождественны объективированной, знаковой форме произведений, их нельзя прояснить только путем имманентного анализа текста, не учитывая особенностей читательского восприятия. Установлено, что чтение - сложный процесс, включающий в себя такие элементы, как восприятие, понимание, интерпретация, оценка. На особенности осмысления содержания произведения влияют такие факторы, как этническая и религиозная принадлежность читателя. Поставленные задачи определили необходимость обращения к экспериментальному методу изучения художественной рецепции. В ходе исследования мы стараемся выявить формы взаимодействия читателя и текста. При этом значимым является то, какие структуры текста выделяет реципиент и каким смыслом он их наделяет. На этот процесс рецепции влияет принадлежность читателя к той или иной культуре. В статье представлен анализ жанрово-стилистических особенностей стихотворений А. Бальмонта и С. Рамиева, определяющих субъектную архитектуру межлитературного процесса. Устанавливаются закономерности их функционирования в сознании читателей-билингвов, обусловленные национальной и религиозной принадлежностью респондентов, уровнем их образования и другими факторами.

Ключевые слова: татарская литература, русская литература, читатель, понимание, автор, сопоставление, диалог, восприятие, интерпретация.

R.G. Khairullina

THE READER AS A SUBJECT OF THE INTER-LITERARY PROCESS

Literary studies and esthetics have revealed the historical variability of national artistic values and their specific historical conditionality since the artistic meaning and value are not identical to the objectified, symbolic form of works, they can't be found only by immanent analysis of the text, without taking into account the peculiarities of the reader's perception. It is established that reading is a complex process that includes elements such as perception, understanding, interpretation, and evaluation. Factors such as the reader's ethnic and religious affiliation influence how the content of the work is interpreted. The set tasks determined the need to use an experimental method for studying artistic reception. During the research, we try to identify the forms of interaction between the reader and the text. In this case, it is important what text structures the recipient allocates and what meaning he gives them. This reception process is influenced by the reader's cultural affiliation. The article presents the analysis of genre and stylistic features of the poems of A. Balmont and S. Ramiev which determine the subject architectonics of the inter-literary process. The regularities of their functioning in the minds of bilingual readers are established, due to the national and religious affiliation of respondents, their level of education, and other factors.

Key words: Tatar literature, Russian literature, reader, understanding, author, comparison, dialogue, perception,

interpretation.

В свете концепции межлитературного диалога, развиваемой литературоведами на современном этапе, значимой представляется категория читателя, который принимает непосредственное участие в межлитературном процессе. В этом процессе взаимодействуют две системы ценностей, два различных мировосприятия – автора и читателя.

На читателя – участника межлитературного процесса – распространяется принятая в теории литературы дифференциация данной категории на читателя реального, эмпирического (публику, реципиента) и читателя «идеального» (концепированного, воображаемого, имплицитного, внутреннего и т.д.), создаваемого эстетической реальностью межлитературного диалога.

Подсистема «произведение – читатель» и категория читателя выдвигаются на первый план в рецептивной эстетике, представители которой считают, что читательское восприятие обуславливает наполнение произведения теми или иными смыслами.

Р.Ингарден говорит о том, что произведение – это некий костяк, который облекается в некую материю благодаря читателю. И только после этого оно может стать объектом эстетического восприятия и наслаждения [1; с. 72-73]. Данный процесс назван исследователем конкретизацией литературного произведения. Конкретизация является результатом взаимодействия произведения и читателя, и характер данного взаимодействия зависит от многих факторов: особенности произведения, личности читателя, его предпочтений, интересов, в конечном итоге, умения читать. Немаловажную роль играют внешние обстоятельства, при которых происходит процесс знакомства с текстом. В итоге мы получаем не одну конкретизацию одного произведения, так как при каждом последующем прочтении этого же произведения будут возникать все новые конкретизации, на которые будут влиять не только субъективные факторы, но и предшествующие конкретизации.

В результате у читателя складывается определенное представление о произведении, своя оценка на основе той конкретизации, которую создал он сам же, его суждения зачастую бывают односторонними и несправедливым [1; с. 84].

С понятием «читатель» связано другое понятие – интенциональность. Р.Ингарден называет интенциональными ощущениями такие переживания, когда «когда что-то нравится, достойно удивления, восхищения» [1; с. 144], то есть ценность произведения признается в момент его восприятия. Реципиент только через «вчувствование» может сформировать интенционное отношение к литературному произведению. А оценка, которую он даст, будет иметь двуслойную структуру – первичный эмоциональный слой и вторичный интеллектуальный. Таким образом, произведение до интенционального восприятия остается в своей знаково-языковой форме, и наполняется различными смыслами в процессе чтения через продуцирование индивидуальных значений читателя.

Х.Р. Яусс в статье «К проблеме диалогического понимания», опираясь на взгляды М.М. Бахтина, за исходную точку берет понятие диалога. И что немаловажно, Яусс уточняет, что это равноправный диалог между двумя собеседниками, включающий «готовность познавать и признавать другого в его другости» [2; с. 98]. Каждый читатель имеет свой определенный горизонт ожидания, и это «собственное ожидание корректируется и расширяется посредством опыта исторического Другого» [2; с. 98].

Опираясь на принцип диалектики вопроса и ответа, Х.Р. Яусс делает вывод, что «необходимо превышать собственный горизонт, чтобы узнать горизонт другого и опять начать диалог с текстом, который сможет ответить вновь, только, если он снова будет спрошен» [2; с. 106]. У каждого читателя имеется свой горизонт ожиданий, обусловленный уровнем культуры и образования. При обращении к новому тексту они начинают активизироваться, привнося новые элементы в читательский горизонт.

В связи с этим Х.Р. Яусс выделил три способа, которые могут воздействовать на читателя, в результате которых автор получает ожидаемую рецепцию:

«во-первых, через знакомые правила или свойственную жанру поэтичность;

во-вторых, через имплицитные взаимоотношения с известными произведениями в историко-литературном контексте;

в-третьих, через контраст вымысла и реальности, поэтической и прагматической функции языка, которую читатель всегда осознает в процессе чтения. Третий способ включает в себя возможность того, что читатель нового произведения воспринимает его не только через узкий горизонт собственных литературных ожиданий, но и через более широкий горизонт своего жизненного опыта» [2; с. 106].

При самом процессе чтения произведение может полностью оправдать горизонт ожидания читателя, даже превзойти, или же, наоборот, читатель может обмануться в своих предположениях. Все это дает возможность для установления «эстетической ценности» текста.

Аналогичных взглядов придерживается другой исследователь. В. Изер выдвигает на первый план понятие «читатель» как критерий выявления смысла произведения. Это детерминировано тем, что только в читательском сознании текст пробуждается к жизни, а именно в тексте заложены определенные смыслы, установки. Читатель начинает их соотносить со своими собственными, в ходе этого возникают ответные действия. Это доказывает динамичность литературного произведения [3; с. 202].

В этом позиции В. Изера и Х.Р. Яусса противопоставляются. Если последний говорит о том, что произведение дает ответы на поставленные вопросы читателя, то В. Изер утверждает, что «литературное произведение должно быть выстроено так, чтобы вовлечь воображение читателя в самостоятельное решение вопросов, так как чтение становится наслаждением только тогда, когда оно активно и носит творческий характер [3; с. 204].

Возникает вопрос об опасности привнесения в текст тех смыслов, которые в нем и не подразумевались. В. Изер отмечает, что «написанный текст ограничивает то, что в нем может подразумеваться, чтобы эти подразумеваемые значения не становились слишком размытыми и смутными, но в то же время эти значения, обработанные читательским воображением, составляют фон для восприятия описываемой ситуации, и фон этот придает ей значительно больше важности, чем она обладает сама по себе» [3; с. 204].

Важно отметить, что восприятие произведения во время прочтения не тождественно восприятию прочитанного, так как «прочитанное может приобрести новое значение, которого у него не было в момент чтения» [3; с. 206]. Все это остается в нашей памяти с возможностью последующего восстановления, что уже будет происходить при иных обстоятельствах и будет способствовать выявлению новых связей в тексте, не обнаруженных ранее.

Любое литературное произведение направлено на то, чтобы читатели смогли воссоздать изображенную в нем картину, которая наделяется чертами реальности, то есть действительность текста. «Это измерение принадлежит не тексту и не воображению читателя: оно возникает в результате сопряжения текста и воображения» [3; с. 207]. Само произведение подсказывает читателю пути и способы его восприятия.

В. Изер, как и многие исследователи, говорит о неисчерпаемости текста. Он указывает и на то, что в любом тексте имеются пробелы, которые каждый читатель заполняет индивидуально соразмерно своим собственным представлениям и убеждениям – возникает работа воображения. Таким образом, в тексте заложен безграничный потенциал, и «читатель имплицитно признает неисчерпаемость текста; и та же самая неисчерпаемость заставляет его принимать решения [3; с. 209].

В. Изер делает заключение, что «чтение любого литературного текста – это процесс постоянного выбора, и потенциальный текст неизмеримо богаче, чем любая его индивидуальная реализация. Это подтверждается тем фактом, что впечатление от второго прочтения ли-

тературного произведения часто не совпадает с первым. Причиной может быть перемена в настроении или ситуации читателя, и все же в тексте должны быть заложены возможности такой вариативности. При втором прочтении уже знакомые события предстают в новом свете, иногда меняют значение, иногда в них проступают скрытые смыслы» [3; с. 204]. Личность читателя наносит отпечаток на то, как читатель переживает текст.

Изером были выявлены следующие уровни чтения: «чужое «я» и подлинное «я» - всегда сохраняют между собой какие-то связи. Больше того, чужие мысли могут стать для нас поглощающей темой, только если мы можем к ним приспособиться. Каждый прочитанный нами текст проводит другую границу внутри нашей личности, так что наше подлинное «я» видоизменяется в зависимости от текста. Это неизбежно хотя бы потому, что отношения между чужой темой и подлинным «я» есть база для понимания чужого» [3; с. 223].

Таким образом, представители Констанцкой школы рецептивной эстетики связывают рецепцию с процессом чтения и наделяют читателя способностью создавать из данного текста собственный.

Подход к категории читателя в свете теории автора как носителя концепции произведения обоснован Б.О. Корманом: «Носитель концепции предполагает читателя, который ее адекватно воспримет, на которого она и рассчитана. Этот читатель есть элемент не эмпирической, а особой, эстетической реальности. Он формируется произведением, создается, komponуется им» [4; с. 224].

Онтологический статус межлитературного диалога формируется именно в процессе восприятия читателем-билингвом произведений, принадлежащих разным национальным литературам.

Читателю как категории теории литературы посвящено множество исследований, гораздо меньше изучен читатель как участник межлитературного процесса и межлитературных диалогов.

Проблема межлитературных диалогов, содержание, структура и формы которых отражают глубинные тенденции и закономерности как мирового, так и национального художественно-эстетического развития, стала предметом исследования в диссертации Аминовой В.Р.

На современном этапе, как отмечает исследователь, важную роль играет понятие «интертекстуальность», которое способствует изменению функций компаративистики. Интертекстуальный анализ направлен на «поиск разнообразных «текстовых плоскостей», в том числе – и иноязычных, инокультурных» [5; с. 17].

Говоря о межлитературном процессе, мы используем такие термины, как «контактные взаимодействия» и «типологические схождения», которые, как отмечали В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, П.А. Гринцер, Д. Дюришин, И.Г. Неупокоева, обусловлены схожими историческими условиями.

Поставленные задачи определили необходимость обращения к экспериментальной форме изучения художественной рецепции. В ходе исследования мы стараемся выявить формы взаимодействия читателя и текста. При этом значимым является то, какие структуры текста выделяет реципиент и каким смыслом он их наделяет. На этот процесс рецепции влияет принадлежность читателя к той или иной культуре.

В наше время актуальным является изучение особенностей восприятия читателем-билингвом художественных текстов, написанных на неродном для него языке. На пути к пониманию смысла текста немало препятствий, в первую очередь – это языковой барьер. Только при высоком уровне владения неродным языком читатели-билингвы могут понять инокультурное пространство, выявлять ценностные и смысловые ориентиры, заложенные автором. Возможны разные формы понимания: повседневно-практическая, философско-теоретическая, диалогическая, религиозно-мистическая, мифо-символическая и др. В деятельности читателя-билингва актуализируется диалогическая форма понимания. Результатом

«включения текста в чужеродное смысловое окружение, т.е. в контекст, который устанавливается самим интерпретатором», является субъективное прочтение литературного памятника [6; с. 186].

Но именно в процессе восприятия читателем-билингвом произведений, принадлежащих разным национальным литературам, формируется онтологический статус межлитературного диалога. «Художественное восприятие - это взаимоотношение произведения искусства и реципиента, которое зависит от субъективных особенностей последнего и объективных качеств художественного текста, от художественной традиции, а также от общественного мнения и языково-семиотической условности, равно исповедуемой автором и воспринимающим субъектом. Все эти факторы исторически обусловлены эпохой, средой, воспитанием. Субъективные аспекты восприятия определяются индивидуальными особенностями, присущими данному человеку: дарованием, фантазией, памятью, личным опытом, запасом жизненных и художественных впечатлений, культурной подготовкой ума и чувств. Подготовленность реципиента к художественному восприятию зависит и от того, что он пережил лично и что узнал из книг или почерпнул из других областей искусства» [7; с. 32].

Для характеристики интерпретационной деятельности читателя-билингва значим экзистенциально-онтологический аспект трактовки категории понимания. «Хайдеггер описывает круг так, что предвосхищающее движение предпонимания постоянно определяет понимание текста. Круг целого и части находит в законченном понимании не свое разрешение, но, напротив, свое подлиннейшее осуществление, воплощение» [8; с. 348]. С этой точки зрения герменевтический круг – это взаимодействие традиции и истолкования. Антиципация смысла определяется при этом из связи с преданием. Круг описывает онтологический структурный момент понимания.

По Г.-Г. Гадамеру, понимание выступает как универсальный способ существования действующего человека, как его непосредственный (жизненные проявления, экзистенция), так и опосредствованный (история, культура) опыт. Таким образом, пониманию придается онтологическое значение. «Само понимание следует мыслить скорее не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего [8; с. 345].

Для изучения интерпретационной деятельности читателя-билингва были использованы экспериментальные методы исследования. В эксперименте участвовали студенты 1 курса отделения переводоведения и межкультурной коммуникации, обучающиеся по направлению подготовки 032700 – Филология, профилю «Отечественная филология: русский язык и литература; татарский язык и литература», студенты 1 курса отделения татарской филологии, обучающиеся по направлению подготовки 032700 – Филология, профилю «Отечественная филология: татарский язык и литература» и студенты 5 курса специализаций «Русский язык и литература»; «Русский язык и литература в межнациональном общении». Респондентам были предложены для сопоставления стихотворения К. Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...» и С. Рамиева «Мин» («Я»). Обоснование отбора материала обусловлено наличием типологических аналогий между творчеством русского и татарского поэтов, установленных, в частности, в работе Ч.А. Зариповой-Четин [9; с. 4,14,15].

Объектом осмысления при сопоставлении двух произведений становится организация субъектной сферы в произведениях русского и татарского поэтов. «Наивный читатель склонен отождествлять субъекта речи с самим автором» [10; с. 310]. Респонденты именно с этой позиции и анализировали представленные произведения.

Творчество К. Бальмонта и С. Рамиева пришлось на начало XX века, богатого на переломные исторические моменты. Этот период был ознаменован торжеством хаоса, крушением системы ценностей, подавлением личности каждого человека.

К. Бальмонт принадлежал к старшему поколению символистов. В его сборнике «Будем как солнце» отразилась идейно-эстетическая концепция поэта. Значимой для всего творчества К. Бальмонта является мифологема «солнце». Н.А. Молчанова пишет, что «<...> в романтическом мировосприятии Бальмонта огонь (Солнце) воплощает мужское начало» [11; с. 90].

Все стихотворение Бальмонта построено на контрастах:

синий кругозор – горы,
море – долина,
страдание – любовь,
солнце – день погас,
буду петь – предсмертный час.

Через весь текст проходит антитеза «жизнь – смерть».

Произведение наполнено излюбленными образами поэта. В статье «О космическом начале в творчестве К. Бальмонта» Н.П. Крохина отмечает: «Любимые образы природных стихий у Бальмонта – Солнце, ветер, море – символы горения и света, движения и свободы» [12; с. 52].

К. Бальмонт также использует прием психологического параллелизма. Он проводит параллель между душевной жизнью человека и природой. В тексте прослеживаются черты пантеизма.

В субъектной организации заложен синтез: я + другое. М.В. Марьева отметила двойственность субъектной структуры стихотворения: «истинный субъект сверхреален, абстрактен, а конкретный я – способы реализации» этого субъекта [13; с. 225]. Н.А. Молчанова делает следующий вывод: «Жизнетворящая сила природы всечеловечна, поэт – «сын Солнца» нераздельно слит с нею, образуя органический сплав субъективного и объективного. Поэтому лирический герой Бальмонта «в человеческом нечеловек», он – эхо «стозвучных песен» стихий природы [11; с. 91].

Таким образом, в центре лирического произведения стоит «я» лирического героя. Л. Озеров: «<...> «Я» - тема и смысл, магистральный образ и цель всех стихотворений Бальмонта. Эгоцентризм во всем его творчестве» [14; с. 19].

Поэтика стихотворения завораживает своей музыкальностью. Рефреном проходит строчка «я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце», которая обладает некоей притягивающей функцией. Строчка несет в себе всю смысловую нагрузку, в ней заложена идея. Через звучность, напевность, благодаря обилию сонорных, «хорошо передавалась атмосфера, настроение, но страдал рисунок, пластика образов, туманились и расплывались очертания изображенного предмета [15; с. 4-6].

События начала века нашли отражение и в татарской литературе. В связи с этим Г. Халит писал: «<...> Рамиев, будучи поэтом-романтиком, в высшей степени обостренно воспринял тяжесть времени, реакции, душивших человеческую личность, резко выразив драматизм «я» в космическом пафосе. Этот момент отразился на его идейно-эстетической платформе, особенно на лирическом герое. И как раз в этом отношении стиль поэта насыщен экспрессионистическими акцентами [16; с. 325-326].

Примечательно в этом плане стихотворение «Мин» («Я»), в котором ярко выразился индивидуализм лирического героя. С первых строчек он заявляет о своем величии, могуществе:

«Мин!» димен мин, «мин» дидисем,
Миңа бер зур көч керә,
Аллалар, шаһлар, кануннар
Булалар бер чүп кенә [17; с. 135].

«Я» - говорю я убежденно, -
И силу чувствую в душе,

Цари, и боги, и законы
Мне сором кажутся уже [18; с. 169].

Лирический герой бросает вызов всему миру в целом. Он ставит себя на одну ступень с богом, возвышается над всем. Это становится своеобразным способом самоутверждения лирического героя, утверждения человека как личности, его ценности. «У С. Рамиева все начинается с «я» поэта, с него точка отсчета всего. В понимании поэта его «я» должно быть цельным, не раздираемым противоречиями, и сильным» [19; с. 158]. Здесь отчетливо выражена идея пантеизма, которая имеет схожие черты с суфийской философией: «сближение или тождество «я» и «бог» [16; с. 144].

Но лирический герой не ощущает гармонии, полноты жизни, так как отчужден от народа. «Герой С. Рамиева, как и Бальмонт, готов проклясть мир, в котором он тоже “вечно одинок”» [19; с. 188]. Лирический герой противоречив в своем отношении к миру. Он испытывает ненависть к действительности, но в это же время он присваивает себе все земные богатства, «без «я» поэта нет неба, земли, нет природы, человечества» [19; с. 158].

В лирическом герое переплетены два начала – созидательное и разрушительное. С одной стороны, он жаждет гармонии, мира, с другой – отрешается от всего. «Разрушительная сила в герое Рамиева <...> - выражение созидательного начала» [9; с. 27].

В творчестве С. Рамиева пролеживают идеи гисьянизма. Лирический герой восстает против всего мира ради духовной свободы, которая ставится во главу угла. Возникает конфликт с обществом, от которого вынужден бежать лирический герой. Он отвергает ограничения во всех проявлениях – общественные и религиозные порядки, становится выше этого. Это достигается путем не отрицания Бога, а обожествления человека, ощущением себя личностью. Все это вызвано неудовлетворенностью реальной действительности. С. Рамиев поднимает проблему человека с общечеловеческого до космического уровня.

Лирический герой С. Рамиева является воплощением мировосприятия самого поэта, его мыслей. В лирическом герое заключен обобщенный образ татарского народа. А.М. Саяпова пишет, что «<...> в стихотворении «Я» С. Рамиев выражает соотношение личного с общим: вглядываясь в себя, поэт стремится к познанию человека вообще. Лирическое «я» в стихотворении – выражение обобщенного «я» своего народа, своей нации» [19; с. 66].

Можно сделать вывод, что в произведении каждого поэта на первый план выходит «Я» лирического героя. Но если у К. Бальмонта «я» тождественно миру в целом и имеет место идея Богочеловека, то «Я» С. Рамиева ставит себя выше не только мира, но и бога, то есть «я» заявляет свои права на звание Сверхчеловека.

Есть отличия и в организации субъектной сферы. У К. Бальмонта это синтез субъективного и объективного, у С. Рамиева – взаимно-однозначные соответствия субъективного и общественного.

Г. Халит в своей монографии пишет: «<...> русские символисты своего времени предлагали считать «я» самым ценным объектом мира, считали, что ничто не близко искусству без внутреннего мира «я». Они твердили о любви к себе как к богу, о «я» как боге таинственного мира. Это дает основание говорить о некоторой близости Рамиева к символистике, к бытовавшим в России литературным течениям» [16; с. 147].

Ситуацию непонимания у студентов отделения татарской филологии вызывает характерная для русской литературы серебряного века в целом субъектная ситуация, связанная не просто с актуализацией в лирическом герое его индивидуальной личностной позиции, но и его особым статусом: «Отношения поэта к действительности строятся по типу: Я и Мир, где «Я» мыслится равновеликим миру. В поэзии символистов мы видим выражение претензий личности поднять себя к высшей, Божественной сущности мироздания и уверенной в прямых соответствиях своего «Я» и тайн Вселенной» [20; с. 62].

Нетрадиционной для татарской литературы является и организация субъектного пространства в стихотворении С. Рамиева – поэта, творчество которого связано с особым течением в татарской модернистской литературе – гисьянизмом. «Гисьяническое-демоническое в его творчестве – явление субъективное, личностное, выражающее его мироощущение, отношение к миру, жизни, человеку, человечеству» [9; с. 4]. В литературоведении установлено, что в центре художественно-эстетической системы гисьянизма – герой-бунтарь, индивидуалист, свободная личность, поднявшая свой голос против земных законов, Бога и религиозных канонов во имя утверждения своего «я». Как заметила А.М. Саяпова, «в стихотворении «Я» С. Рамиев выражает соотношение личного с общим: вглядываясь в себя, поэт стремится к познанию человека вообще. Лирическое «я» в стихотворении – выражение обобщенного «я» своего народа, своей нации» [19; с. 66]. Лирическим героем К. Бальмонта овладевает жажда жизни, интенсивности всех ощущений бытия. Это сильная и свободная личность, которая стремится слиться с четырьмя стихиями природы.

Активно заявленная героями К. Бальмонта и С. Рамиева жизненная позиция становится предметом критической рефлексии реципиентов: она принимается или отвергается в зависимости от детерминированности читательского восприятия культурными ценностями. При сопоставлении стихотворений С. Рамиева «Мин» и К. Бальмонта «Я в этот мир пришел...» проявилась традиционность взглядов респондентов-студентов отделения татарской филологии. При этом существенным является то, что студенты владеют русским языком на низком уровне: испытывают затруднения в речи на неродном языке, не обладают широким словарным запасом.

Стихотворение С. Рамиева как написанное на родном для читателей языке получило более высокую оценку среди опрашиваемых, чем стихотворение русского поэта. Не имея первоначальных представлений о творчестве С. Рамиева, студенты смогли понять содержание произведения. «"Мин" сүзен эйтүчә ук кешегә ниндидер зур көч керә» [Имамова Гулия]. Высказывались следующие суждения: «великие мира сего начинают казаться герою стихотворения чем-то ничтожным». «С. Рамиев пишет о своей любви к природе, земле. Только произнося слово «мин», человек может воспарить, начинает чувствовать себя самым счастливым. Каждый должен открыть в себе внутренние силы, любить мир, людей». В отношении стихотворения К. Бальмонта даны скудные замечания, отражающие непонимание идейно-художественной системы русского поэта-символиста.

Однако у студентов отделения татарской филологии ярко выражено стремление понять произведение К. Бальмонта. Препятствием к этому становится уровень владения русским языком и небольшой объем знаний по литературе. Но главная трудность – это замкнутость опрашиваемых в своем культурном пространстве и восприятие «чужого» с точки зрения своих критериев ценности, что становится серьезным препятствием на пути к адекватному прочтению и истолкованию стихотворения русского поэта.

Размышления студентов 5 курса носят более абстрактный характер. У опрашиваемых не сложилось единого мнения при анализе произведений. Различия возникли уже при самом восприятии стихотворений. Для одних структурно-содержательные особенности стихотворения К. Бальмонта труднее поддавались пониманию, чем идейно-художественное своеобразие стихотворения С. Рамиева, и наоборот. Интересна трактовка текста, предложенная Файзрахмановой Гузель, студенткой специализаций «Русский язык и литература»; «Русский язык и литература в межнациональном общении»: она пишет, что «после прочтения стихотворения К. Бальмонта душу переполняет чувство восторга, радости, уверенности в себе, возникают мысли, что мы не зря пришли в этот мир, у каждого есть своя цель. Стихотворение овеяно атмосферой оптимизма. Его можно даже положить на музыку. А текст С. Рамиева сложнее воспринять, понять его смысл, в нем нет динамики. Произведение читается медленно, «как будто что-то сдерживает». Разногласия имеются и в трактовке содержания сопоставляемых произведений. В стихотворении русского поэта некоторые участники экспери-

мента пытались выявить философский подтекст. Предлагается также и характеристика лирического «Я» К. Бальмонта.

Предпринимались попытки осмыслить и жизненную позицию героя стихотворения С. Рамиева: «он живет в своем мире, это одинокий человек, пытающийся найти себя, утвердить свою личность. Он больше сосредоточен на себе. «Я» С. Рамиева равнозначно Богу и, кроме этого «я», на свете для него никого не существует». «Переживания татарского поэта носят более интимный характер». Предлагались и другие интерпретации сопоставляемых текстов: «у С. Рамиева присутствует мотив поэтического вдохновения, описывается момент его утраты, а это равнозначно смерти, когда герой не слышит своего «я». Но в финале он опять обретает поэтический голос. К. Бальмонт пишет, что поэтический дар – вечная сила, это нечто постоянное».

Студенты 5 курса более корректны в суждениях. Они стараются представить объективный литературоведческий анализ произведений с учетом понятийной базы русской литературы, отодвигая на второй план субъективные размышления.

Студентами отделения переводоведения и межкультурной коммуникации, являющимися билингвами, но знающими татарский язык лишь пассивно, были даны в целом схожие ответы. Типичными являются следующие суждения: «В стихотворениях описывается сила человеческой власти, герои говорят о величии своего “Я”. Лирические герои заявляют о своей уникальности». Студенты обладают некоторыми навыками филологического анализа. Ими использованы понятия “тема”, “мотив”, “характер”.

В каждой группе студентов имелись исключения. Галимова Резеда (студентка отделения татарской филологии) предпочла стихотворение К. Бальмонта. На наш взгляд, это обусловлено высоким уровнем знания русского языка и возможностью принять чужое, понять и трансформировать в “свое”. Таким образом, наблюдается “открытость” по отношению к тексту инонациональной литературы.

Фахрутдинова Лиля (студентка отделения переводоведения и межкультурной коммуникации) пишет, что ей ближе произведение татарского поэта. Студентка в равной степени владеет и русским и татарским языками. Но для полного филологического анализа обоих стихотворений не хватает уровня подготовленности.

Итак, межлитературный диалог актуализирует национальные стереотипы в отношении к иной культуре. Студенты отделения татарской филологии наиболее открыты к восприятию инонациональных ценностей и способны к диалогу, но принять они могут лишь то, что не противоречит традициям их собственной культуры. Важный фактор – подготовленность к восприятию нового, «чужого». Однако «чужое» трансформируется с точки зрения своей системы ценностей. Иными словами, стремление к пониманию инонационального текста становится экзистенциально-психологическим состоянием сознания субъекта межлитературного диалога. Студенты 1 курса отделения переводоведения и межкультурной коммуникации в меньшей степени подготовлены к диалогу. Анализ проводился с опорой на систему понятий русской литературы, которую они переносят на татарскую. Татарская, т.е. родная, литература остается для них «чужой», вызывает непонимание как особое состояние сознания.

В современном литературоведении категория читателя определяется как субъект восприятия или субъект чтения. На современном этапе, когда доминирующее положение начинает занимать коммуникация, обращение к понятию читатель становится наиболее актуальным. Только наличие читателя обуславливает коммуникативный процесс в системе «литература». В процессе художественного восприятия читатель открывает в произведении новые смыслы, различные у каждого субъекта чтения в силу ряда причин. Каждый реципиент наделяет слова своим смыслом, именуя вещами и упорядочивающим мир своим взглядом.

Библиографический список

1. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М. Изд. иностр. литературы. М. 1962. 571с.
2. Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания / Пер. с немецкого Е. А. Богатыревой, Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97-106.
3. Современная литературная теория. Антология. М. Изд. «Флинта», «Наука». 2004, 341с.
4. Корман Б.О. Соотношение понятий «автор» и «читатель» // Образцы изучения текста художественного произведения в трудах отечественных литературоведов. Вып. 1. Эпическое произведение. Ижевск, 1995. С. 223 - 228.
5. Аминова В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами: (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени д.филол.н.: специальность 10.01.02: специальность 10.01.08; [Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования "Казан. (Приволж.) федер. ун-т"]. Казань, 2010. 51 с.
6. Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. М.: Наука, 1985. С.3-68.
7. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ.ст. Б.Н.Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704с.
8. Зарипова-Четин Ч.А. Проблема демонизма в творчестве С.Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики. Казань: Мастер Лайн, 2003. 175с. Библиогр.: с.159-174.
9. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: Учеб.пособие. 2-е изд.перераб. и доп. М.: Высш.шк., 2006. 680с.
10. Молчанова Н.А. «Всю жизнь хочу создать из света, звука...»: Вопросы поэтики лирики К.Д.Бальмонта. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 168с.
11. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 томах. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1.1994.831 с.
12. Марьева М.В. Книга К.Д. Бальмонта «Будем как Солнце»: эклектика, ставшая гармонией. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2008. 280с.
13. Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения, переводы, статьи. М.: Худ. лит., 1983. - С.19.
14. Банников Н.В. Жизнь и поэзия Бальмонта // К.Д.Бальмонт Солнечная пряжа: Стихи, очерки / Сост., предисл. и примеч. Н.В.Банников. М.:Детская литература, 1989. 239с.
15. Халит Гали. Портреты и проблемы: Избр. ст. разных лет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 344 с.
16. Ил корабын жил сөрә: XX йөз башы татар поэзиясе. Казан: Мәгариф, 2001. 208 б.
17. Антология татарской поэзии / [сост. Михаил Львов]. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 605 с.
18. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань: Изд-во «Алма-Ата», 2006. 246с.
19. Колобаева Л.А. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.

References

1. Ingarden, R. Studies on the aesthetics. M. Ed. foreign. literatures. M. 1962. 571p.
2. Yauss H. R. On the problem of dialogical understanding / Translated from German by E. A. Bogatyreva, Questions of philosophy. 1994. No. 12. Pp. 97-106.
3. Modern literary theory. Anthology. M. Ed. "Flint", "Science". 2004, 341p.

4. Korman B. O. Correlation of the concepts "author" and "reader"// Samples of studying the text of a work of art in the works of domestic literary critics. Vol. 1. Epic work. Izhevsk, 1995. Pp. 223-228.
5. Amineva V.R. Types of Dialogic relations between national literatures: (based on the works of Russian writers of the second half of the XIX century and Tatar prose writers of the first third of the XX century): abstract of the thesis for the degree of D. Philol.PhD: specialty 10.01.02: specialty 10.01.08; [Feder. state auth. education. establishment of the University. Prof. of education "Kazan. (Privolzh.) fader. UN-t"]. Kazan, 2010. 51 p.
6. Smirnov I. P. the Place of the "mythopoetic" approach to a literary work among other interpretations of the text// Myth-folklore-literature: Collection of articles. L.: Science. Leningr. otd-nie, 1978 . 251 p.
7. Borev Yuri B. Theory of artistic perception and receptive aesthetics, methodology of criticism and hermeneutics // Theories, schools, concepts (Critical analyses). Artistic reception and hermeneutics. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 3-68.
8. Gadamer H.-G. Truth and method: Foundations of philosophical Sciences. hermeneutics: TRANS./ General ed. and introduction.art. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
9. Zaripova-Cetin H and A. the Problem of the demonic in the work of S. Ramiev in the context of Eastern European aesthetics. Kazan: The Master Line, 2003. 175 p.
10. Chernets L.V. Introduction to literary studies: Studies.manua. - 2nd ed.Rev. and extra. M.: Higher.SHK., 2006. 680 p.
11. Molchanova N. A. " All my life I want to create from light, sound...": Questions of poetics of lyrics by K. D. Balmont. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2011. 168 p.
12. Balmont K.D. Collected works: in 2 volumes. Mozhaisk: Mozhaisk-Terra, 1994. Vol. 1. 1994. 831 p.
13. Mar'eva M.V. Book by K. D. Balmont "Let's be like the Sun": eclecticism that became harmony. Ivanovo: Publisher Episheva O. V., 2008. 280 p.
14. Balmont K. D. Favorites. Poems, translations, articles. M.: Hood. lit., 1983. P. 19.
15. Bannikov N.V. Life and poetry of Balmont // K. D. Balmont Solar yarn: Poems, essays/ Comp., Preface. and note. N. V. Bannikov. Moscow: Children's literature, 1989. 239 p.
16. Halit Gali. Portraits and problems: Elected. art. different years. Kazan: Tatar. kn. ed., 1985. 344 p.
17. Il Corbin Il SR: XX is Bashy Tatars poesias. Kazan: Magarif, 2001. 208 p.
18. Anthology of Tatar poetry / [comp. Mikhail Lviv]. Kazan: Tatknigoizdat, 1957. 605 p.
19. Sayapova A.M. Dardmend and the problem of symbolism in the Tatar literature. Kazan: Alma-ATA publishing House, 2006. 246 p.
20. Kolobaeva L.A. Russian symbolism. Moscow: Mosk publishing House. UN-TA, 2000. 296 p.

УДК 801.3

*Воронежский государственный технический университет
д-р филол. наук,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79107498716
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
Doctor of philology,
the head of the chair
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. +79107498716
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ВЪЕЗД В ПАРИЖ»

Данная статья посвящена исследованию одного из рассказов писателя русского зарубежья И.С. Шмелева «Въезд в Париж». Главная цель писателя – передать исторические события, последовавшие после гражданской войны, когда русская интеллигенция и офицеры Белой армии покидали родину и искали на чужбине прибежище. Главный герой рассказа – бывший офицер императорской русской армии Бураев - после многих скитаний по разным странам попадает в Париж. Рассказ построен на лексических контрастах, которые использованы автором для более глубокого проникновения во внутренние переживания героя. Проходя по улицам и площадям французской столицы, Бураев восхищается красотой Парижа. В то же время он вспоминает войну и хаос, царивший на его родине. Описывая переживания героя, автор представляет два мира. С одной стороны - яркий свет мирной весенней жизни, с другой - разруха, нищета, хаос. Для репрезентации контрастов в рассказе используются такие речевые средства, как сложные эпитеты с позитивной коннотацией (*румяно-серебристый, неуловимо-тонкий, солнечно-весенний, весенне-звучный*), которым противопоставлены негативно окрашенные эпитеты, например, *черно-оранжевый*. Владение богатством родной русской речи позволяет автору использовать метафорические сочетания: *снежный золотой нарцисс, сладкая бархатная фиалка, говорившие сердцу ветки сирени*. Изображая богатую жизнь парижан, писатель использует эпитеты *элегантный, надушенный, почтенный*; описывая внешний вид русского эмигранта, автор употребляет следующие словосочетания: *грубая английская фуфайка, голое тело, штиблеты, заплатки, тряпки* и т.д. Лексические средства, репрезентирующие контрасты, оказывают воздействие на читателя с целью создания реалистической картины повествования.

Ключевые слова: русский эмигрант, лексические контрасты, война, весенний Париж, хаос, картина повествования, переживания героя.

L.V. Kovaleva

LEXICAL MEANS USED FOR EXPRESSION OF CONTRASTS IN I.S. SHMELYOV'S STORY "ENTRANCE TO PARIS"

This article is devoted to the story "Entrance to Paris" by I.S. Shmelyov, the representative of Russian literature in foreign lands. The writer's aim is to portrait the historical events which took place after Russian civil war when Russian intellectuals and the officers of White army were forced to leave Russia and seek for refuge in aboard. Buraev, the main hero of the story, is a former officer of Russian empire army who gets to Paris after wandering many countries. The story is based on lexical contrasts which the writer uses for penetration into the hero's inner world. Passing through the streets and squares of Paris, Buraev admires by its beauty. At the same time, he remembers the war and chaos in his own country. Describing the hero's emotions, the writer presents two worlds: the bright light of peaceful spring life on one hand and destruction, poverty and chaos on the other. To represent these contrasts, the author uses such lexical

meanings as complex epithets with positive connotation (*rouge-and-silver, elusively subtle, sunny-and-spring, spring-and-sonorous*) which are opposed by negative ones (*black-and-orange*). The richness of Russian language lets the author use metaphorical expressions: *snowy golden daffodil, sweet velvet violet, lilac branches talking to the heart*. To portrait Parisian rich life, the writer uses such epithets as *elegant, perfumed, honourable*; the look of a Russian immigrant is described by the following expressions: *rough English sweatshirt, bare body, boots, patches, rags* etc. These lexical meanings represent life contrasts and affects the reader in order to make the narrative picture more realistic.

Key words: Russian immigrants, lexical contrasts, war, Paris in spring, chaos, narrative picture, the hero's emotions.

И.С. Шмелев – известный писатель русского зарубежья, один из представителей реалистического направления литературы начала XX столетия, современник таких выдающихся писателей, как И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.Н. Сергеев-Ценский, ставших продолжателями классической русской традиции. Несмотря на значительное количество произведений, созданных И.С. Шмелевым в дореволюционное время и в период революции, в полном объеме его писательский талант раскрылся именно в эмигрантский период, а его творчество дошло до отечественного читателя только в последние десятилетия XX века. Произведения И.С. Шмелева вызывают все больший научный интерес у литературоведов - М.М. Дунаева, И.А. Есаулова [1], А.М. Любомудрова [2], Н.М. Солнцевой [3] и др. О небывалой популярности творчества И.С. Шмелева свидетельствует хотя бы тот факт, что в последние годы стремительно растет число ученых, занимающихся исследованием его творчества. Прежде всего необходимо отметить серийное издание семнадцати томов «Крымских международных Шмелевских чтений», опубликованное в Алуште по итогам ежегодных международных конференций, посвященных творчеству писателя.

Ф.Ф. Кузнецов писал: «В “Историю русской литературы XX века” органически и естественно входит и литература русского зарубежья, всё гуманистически и эстетически ценное в ней. Это целый материк духовной культуры, противоречивой, большей частью (и это понятно) чуждой нам политически и одновременно источающий непреходящую боль и любовь к своей родной, когда-то вынужденно покинутой стране» [4].

Основная идея творчества И.С. Шмелева – поиск духовно-нравственных ориентиров в традициях русской культуры, размышления о русском народе, о русской духовности. Главной темой произведений И.С. Шмелева является судьба России, участие страны в первой мировой войне, революция, вынужденная эмиграция. В 1920-1930-е годы русские писатели, покинувшие родину, во многих своих произведениях размышляли о трагической судьбе России, о ее прошлом. Тоска по утраченной родине объединяла всех писателей-эмигрантов, мечтавших вернуться. Эта мечта нашла отражение в творчестве многих представителей русского литературного зарубежья.

Рассказ И.С. Шмелева «Въезд в Париж» повествует о русских эмигрантах, которые, покинув Россию, приезжали в 1918-1923 гг. в Париж. В рассказе автор затрагивает одну из важнейших проблем русской эмиграции 20-30-х годов XX века – жизнь в изгнании, на чужбине. Мотив трагического отрыва от родины, переживаемого героем рассказа Бураевым, его неясного будущего в Париже, пронизывает весь рассказ.

Писатель создает образ изгнанника, вынужденного покинуть родину и волею судьбы оказавшегося за пределами России, пережившего первую мировую войну, революцию, потерявшего все: семью, работу, нормальную жизнь, однако пытающегося выжить на чужбине. О.Н. Сорокина пишет: «По эмоциональной глубине и художественной тонкости рассказы Шмелева эмигрантского периода – новый, более высокий этап в его творческом движении, трагедия «бывшего» человека, пережившего революцию, утратившего семью, работу, отторгнутого от нормальной жизни, ненужного советской России, незащищенного, однако пытающегося не только выжить, преодолеть зло, но и вернуть себе разоренный уклад» [5].

Скитания по разным странам приводят наконец героя рассказа в Париж, где он предполагает обрести новую жизнь и получить работу. Проходя через весь Париж к месту своей работы, Бураев восхищается красотой французской столицы: «Бураев шел, оглядывая силу, красоту, богатство» [6].

Одновременно описывая переживания героя об утраченной Родине и красоту Парижа, автор представляет читателю два мира. Рассказ построен на использовании лексических средств, выражающих контрасты, что является излюбленным приемом автора. Так, например, в произведениях «Лето Господне» и «Богомолье» представлены контрасты во всем их многообразии: с одной стороны, яркий свет жизни, с другой, – тьма, потусторонний мир, как выразился один из героев: «И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все мы, встретимся ТАМ...» [7].

Один из центральных мотивов творчества И.С. Шмелева в эмигрантские годы – противопоставление старого мира и нового, честности и обмана, святости и преступности, корыстолюбия и бескорыстия.

Так, в рассказе «Въезд в Париж» автор противопоставляет два мира: один мир – это мир красоты, прелести жизни, достатка. Картины парижской жизни, нарисованные им, бесконечно разнообразны, часто являются прекрасными зарисовками текущего момента. Бытовые явления, детальное описание парижских улиц, сменяя друг друга во время движения главного героя к месту работы, создают впечатление насыщенности повествования конкретными приметам успешной каждодневной жизни французской столицы.

Бураев прибывает в Париж теплым апрельским утром. Словесное мастерство позволяет писателю во всей полноте передать картину просыпающегося города: роскошное утро, ошеломленный светом проспект, великолепие улиц. В Париже *светло, солнечно-весенне*. Весь Париж пронизан светом. Автор использует слова *блеск, свет, сияние, солнце*, которые употребляются как в прямом, так и переносном значении. Солнечными рисуются бытовые реалии, свет преобладает в описаниях весенней апрельской природы. Обращает на себя внимание изобразительное мастерство писателя, использующего в рассказе следующие речевые средства: сложные эпитеты (*румяно-серебристый, неуловимо-тонкий, солнечно-весенний, весенне-звучный, черно-оразжевый*), метафорические сочетания (*снежный золотой нарцисс, сладкая бархатная фиалка, говорившие сердцу ветки сирени*). Бытовая лексика, используемая автором при описании весеннего Парижа, сочетается с религиозной. Такие слова и выражения, как *церковь, колокольни, церковь вся в стрелках как бы глядела из-за угла*, указывают на то, что вдохновляет Бураева идти дальше по вымытому, дымящемуся теплым паром асфальту.

Вот и площадь Согласия, сверкающая красотой, богатством, великолепием. Бураев видит темную фигуру, «в короне, с жезлом в одной руке, с ключом в другой, прямая, крепкая» [6; с. 359]. Это статуя Страсбурга. По всем восьми углам площади в 1836 году были возведены мраморные статуи, своим стилем напоминающие античный. Они символизировали восемь важнейших городов Франции, располагающихся в разных направлениях от площади Согласия. На северо-западе это статуи Бреста и Руана, на набережной Тюильри – Лиона и Марселя, северо-восточное направление украсили статуи Лилля и Страсбурга, а на юго-западе расположились Нант и Бордо.

Бураев вспомнил, что статуя Страсбурга находится на Востоке (статуя Страсбурга, для которой в своё время позировала Жюльетта Друе, супруга Виктора Гюго, весь период немецкой оккупации немцами французских провинций Эльзаса и Лотарингии была накрыта чёрной вуалью и считалась местом паломничества французских патриотов). Именно на нее обратил внимание Бураев. «О Востоке помни», – таковы его мысли в этот момент. Он вспоминает о родине.

И.С. Шмелев не дает подробного описания другого мира, который находится на востоке от Франции, но в воспоминаниях Бураева о родине вскользь упоминается мир хаоса, мир

войны. В голове Бураева всплывают картины военных действий. Он вспоминает себя, бывшего офицера императорской российской армии, сражавшегося в четырнадцатом году в Восточной Пруссии, вспоминает, что Россия не заключала мир с Германией, вспоминает, как месил грязь в Приднестровье, в солончаках Сиваша и воевал на Перекопе. Затем эмиграция: сначала Константинополь, затем болгарские горы, работа забойщиком в шахте, нары в земляной казарме, и вот теперь – он бродяга в Париже.

Образы персонажей рассказа, французов и белого офицера Бураева, И.С. Шмелев рисует, пользуясь приемом контрастов. Так автор описывает внешний вид французов: *розовые лица, покрытые пудрой, котелки, усы, солдаты голубые, молодчики у лавок, черноусые румыные красавцы*, – все это являет читателю образ хорошей, благополучной жизни: «Так было светло, так упоительно ласкало».

Автор переходит к описанию внешнего облика героя. Вот Бураев увидел в витрине свое отражение. На голове – кубанка, оттеняющая бледное, серое лицо с поджатыми губами, глаза, усталые, с накальцем от ночей бессонных, острый нос с горбинкой, проваленные небритые щеки, – вид не по месту дикий.

Подчеркивая разницу во внешнем облике эмигранта Бураева и жителей Парижа, И.С. Шмелев противопоставляет головные уборы французов и Бураева: котелок – кубанка. Котелок – «мужская шляпа с маленькими полями и округлым верхом», используется как вид одежды интеллигенции, часть униформы банковских служащих и офицеров Гвардии Королевы, их носят юристы и буржуазия [8]. На Бураеве была порванная кубанка. Кубанка – расширяющаяся кверху барашковая шапка с плоским матерчатым или кожаным верхом. Кубанка – это первоначально головной убор кубанских казаков, откуда он и получил своё название. В Первую мировую войну кубанки получили распространение в русской кавалерии и прочих казачьих войсках. Особенно часто кубанки стали использоваться во время Гражданской войны в России [9].

Далее автор противопоставляет бедность – и достаток, богатство. Мотив бедности сопровождает образ бывшего белого офицера Бураева с первых строк рассказа. Бураев не богатый буржуа, не чиновник, а белый русский офицер, который прошел с боями мировую войну, Гражданскую войну, воевал в Крыму. Путем многих скитаний, как подчеркивает И.С. Шмелев, бедняга добрался наконец до Парижа без узелка, то есть без вещей. На Руси вещи чаще всего перевозились в узлах. Само значение слова «узел» – сплетение, соединение чего-либо. Автор подчеркивает не только бедность эмигранта, который уехал из России, не имея даже необходимых вещей, но и отсутствие связей с родиной. Одет он был в черкеску – одежду кавказских горцев или казаков (узкий длинный кафтан, затянутый в талии, без ворота и с клинообразным вырезом на груди); на нем были побитые краги – плотные кожаные накладки, охватывающие икры ног и голени, тужурка – двубортная домашняя или форменная куртка (от французского *Toujourstupur*, то есть повседневная, будничная одежда); фуфайка была надета на голое тело. Единственное, что у него осталось от скитаний – это чемоданчик с несессером, то есть специальный футлярчик для размещения набора мелких предметов, необходимых для туалета, который он отдал инженеру-болгарину, не желающему отпускать его до окончания контракта. Как видим, через использование лексем, обозначающих одежду, автор стремится подчеркнуть бедность эмигранта, покинувшего Россию.

Эта бедность русской одежды контрастирует, например, с одеждой почтенного господина, который встретился Бураеву: «Медленно, ступая, шаг за шагом, как на прогулке, шел перед ним почтенный господин, покойный, элегантный, в котелке весеннем, новом, в свежем пальто, в обтяжку, в палевых перчатках, с тростью в серебряных потеках» [6]. Лексика, которую выбирает для описания автор, подчеркивает изящество и благополучие встреченного прохожего, более того – благополучие это истинно французское, что также отражено на лексическом уровне. *Элегантный* – «изысканный, изящный»: французское слово, известное с

XII века (elegant – разборчивый, утонченный). *Палевые* перчатки, *палевый* цвет в одежде – светлый (как и кремовый), с небольшим содержанием серого и белого (само слово *paille* в переводе с французского языка означает ‘солома’, а лексема английского языка *pale-yellow* еще точнее определяет цвет). Данный цвет в одежде указывает на то, что ее обладатель далек от грязного физического труда.

Обращает на себя внимание и такая деталь, как трость – знак различия, иногда используемый как ортопедический инструмент для создания дополнительной опоры при ходьбе. Изначально функцию опоры выполняла палка, затем – посох. Слово *трость* появилось примерно в XVI веке. Кроме медицинской функции, трость также выполняет декоративную – используется как аксессуар, дополняющий образ элегантного человека.

И.С. Шмелев передает внутренний мир своего героя. На протяжении всего рассказа, идя по улицам Парижа, Бураев постоянно размышляет, сопоставляет, сравнивает мирное, богатое, солнечное спокойствие Парижа с трагедией своей страны. Встретив почтенного господина, который кормил в парке птиц, Бураев вспомнил свое детство, мирное время, когда он сам гулял по Невскому проспекту, сидел в Летнем саду и так же, как этот французский господин, кидал крошки воробьям. Передавая размышления героя, И.С. Шмелев задевает самые тонкие струны души и сердца читателя, полностью погружая его в атмосферу рассказа.

Отвлекаясь от красоты и прелести французской столицы, Бураев вдруг вспоминает о том, что он идет устраиваться на работу сторожем гаража, расположенном где-то на окраине Парижа, идет к такому же русскому эмигранту, полковнику, как и он. Остановившись у витрины с целой горой банок с вареньем, Бураев внезапно почувствовал прикосновение реальности. Что ему до красоты этого города? Он шахтер, который увидел вдруг свои руки, все в копоти, и свое чернеющее от едкой пыли лицо. Он обернулся. Статуя Страсбурга померкла, ее темная фигура «едва виднелась».

Рассказ очень реалистичен, что достигается с помощью приемов, нацеленных на глубокое проникновение во внутренний мир персонажа. История офицера Бураева подобна историям многих русских эмигрантов, покинувших Россию после гражданской войны; сам И.С. Шмелев – не исключение, однако «Въезд в Париж» – практически единственный его рассказ, в котором затронута эта тема.

Впрочем, можно сказать, что рассказ заканчивается оптимистически. Герой понимает, что в жизни он видел все и ничего ему теперь не страшно. Он начинает новую жизнь на чужбине.

Библиографический список

1. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
2. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
3. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. М: Эллис Лак, 2007. 544 с.
4. Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. С. 38.
5. Сорокина О.Н. Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., Московский рабочий, 2000. 404 с.
6. Шмелев Иван. Въезд в Париж. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
7. Шмелев И.С. Лето Господне. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 480 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990. С. 301.
9. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М.: Легпромбытиздат, 1996.

References

1. Esaulov I.A. The category of conciliarity in Russian literature. Petrozavodsk, 1995.
2. Lubomudrov A.M. Spiritual realism of Russian 'literature in foreign lands': B.K. Zaitsev, I.S. Shmelyov. St.-Petersburg, 2003.
3. Solntseva N.M. Ivan Shmelyov. Life and creativity. Moscow, 2007. 544 p.
4. Liberation from dogmas. The history of Russian literature: condition and methods of study. Vol. 1. Moscow, 1997. P. 38.
5. Sorokina O.N. Moskoviana. Life and creativity of Ivan Shmelyov. Moscow, 2000. 404 p.
6. Shmelyov I.S. Entrance to Paris. Moscow, 2003.
7. Shmelyov I.S. The year of the Lord. Moscow, 2012. 480 p.
8. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 1990. P. 301.
9. Orlenko L.V. Terminological vocabulary of clothes. Moscow, 1996.

УДК 821.512.145

*Академия наук Республики Татарстан,
вице-президент,
д-р филол. наук, профессор
Загидуллина Д.Ф.
Россия, г. Казань,
тел. +7-9196285057
e-mail: zagik63@mail.ru*

*Tatarstan academy of sciences,
vice president,
doctor of philology. professor
Zagidullina D.F.
Russia, Kazan,
tel. +7-9196285057,
e-mail: zagik63@mail.ru*

Д.Ф. Загидуллина

«МЯГКОСТЬ» МОДЕРНИЗМА В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена изучению особенностей модернизма в татарской литературе. Методологически мы исходили из того, что главной отличительной чертой модернизма является поэтизация и постижение хаоса как универсальной формы человеческого бытия. Каждая национальная литература обрела в модернизме не только бесценный эстетический опыт, но и особые приемы и средства, которые впоследствии стали восприниматься традиционно «своими». В татарской литературе такой традицией стала «мягкость» модернизма, которая, в свою очередь, оказала влияние на весь литературный процесс XX века, и продолжает оказывать в XXI веке, наложив свой отпечаток на особенности постмодернизма. Развитие татарской литературы в начале XX века, в частности, было обусловлено возникновением такого сложного явления, как диалог культур Востока и Запада, который обернулся плюрализмом эстетических концепций различных художественных направлений, форм, жанров и стилей, диалогом литературы и философии. Вместе с тем, в модернизме исконные восточно-тюркские традиции обеспечили наличие катарсиса, который, в свою очередь, создавал условия для сохранения эмоциональной привлекательности, несмотря на присутствие в структуре художественного текста сложных философских вопросов и концепций, просветительских идей. Таким образом, «мягкость» модернизма в татарской литературе является результатом невыделенности «новых явлений» и интегрированности с элементами других художественных систем в художественных текстах. Это хорошо прослеживается в проявлениях синкретизма и эклектики как в содержательном, так и формальном планах. Особый интерес представляет синтетизм как высшая форма взаимосвязи и интегрированности разных элементов в целое, который дал толчок образованию таких специальных жанров, как нэсер, формированию диалога видов искусств и особенностей западного и восточного типов культур. Благодаря синтетизму, по нашему мнению, модернизм в начале XX века был сформирован как единое движение, художественное явление в татарской культуре, со своими национальными особенностями, но на единой волне с модернистскими процессами в мировой культуре.

Ключевые слова: татарская литература, модернизм, синтетизм, «мягкий модернизм», хаос, особенности художественно-эстетических поисков.

D.F. Zagidullina

«SOFTNESS» OF MODERNISM IN THE TATAR LITERATURE

Our article is devoted to the study of peculiarities of modernism in the Tatar literature. Methodologically we assumed that the main hallmark of modernism is poetization and understanding of chaos as universal form of human being. Every national literature has gained in modernism not only invaluable aesthetic experience but also special techniques and means which later began to be perceived traditionally-own. In the Tatar literature such tradition became the «softness» of modernism, which, in turn, influenced the entire literary process of the 20th century and continues - in the 21st century, putting its mark on the peculiarities of postmodernism. The development of the Tatar literature in the early 20th century was due to the emergence of such complex phenomenon as the dialogue of cultures of the East and the West, which resulted in the pluralism of aesthetic concepts of various artistic directions, forms, genres and styles, the dialogue of literature and philosophy. At the same time, in modernism, the native East Turkic traditions ensured the presence of catharsis, which in turn created conditions for maintaining emotional attractiveness, despite the presence in

the structure of the artistic text of complex philosophical questions and concepts, educational ideas. Thus, the «softness» of modernism in the Tatar literature is the result of the failure of «new phenomena» and the integration with elements of other artistic systems in artistic texts. This is well seen in manifestations of syncretism and eclectics in both meaningful and formal plans. Particular interest is syncretism as the highest form of interconnection and integration of different elements into the whole, which gave impetus to the formation of special genres as a nasser, the formation of dialogue of types of arts and features of western and eastern types of cultures. Thanks to syncretism, in our opinion, modernism in the early 20th century was formed as a single movement, an artistic phenomenon in Tatar culture with its national peculiarities, but in a single wave with modernist processes in world culture.

Key words: Tatar literature, modernism, syncretism, «soft modernism», chaos, national peculiarities of art and esthetic searches.

А был ли модернизм в татарской литературе начала XX века? Хотя начало XX века рассматривается как время смены художественных парадигм, однозначный ответ на этот вопрос еще не прозвучал. Поэтому необходимо относительно современной татарской культуры (и многих других постсоветских культур), с одной стороны, констатировать смену дискурса и возникновение новой художественной парадигмы на фоне одновременного сосуществования традиционного классического и неклассического (модернизма) типов культур. С другой стороны, пришло время осознания того, что в каждом конкретном обществе ситуация формирования и существования этих типов культур характеризуется своими историко-культурными особенностями. Их в татарской культуре мы предлагаем обозначить термином «мягкость», так как относительно западного модернизма принято использовать термин «твердый модернизм» [1]. Британский ученый З. Бауман причиной твердости называет вмешательство центра, власти, иерархии, которое приводит к «разрыву» с традицией в сознании этнического сообщества. В татарской культуре мы априори можем указать на отсутствие такого вмешательства.

Методологическую основу статьи составили труды ученых, разрабатывающих проблему смены типов культур. Главное различие между классическим и неклассическим типами культуры обозначил Н.Л. Лейдерман. По его мнению, модернизм «рожден глубочайшим разочарованием и сомнением в достижимости мировой гармонии вообще» и ориентирован «не на преодоление хаоса космосом, а на поэтизацию и постижение хаоса как универсальной и неодолимой формы человеческого бытия» [2; с. 13].

Юрген Хабермас определил еще один признак, назвав его «расколом культуры на специальные дискурсы» [3; с. 350]. Слова немецкого философа указывают на то, что предложенная модернизмом картина мира состоит из различных, зачастую дискутирующих друг с другом точек зрения. В татарской культуре подобная полифоническая картина приходит на замену традиционному культурному монологу: религиозному и просветительскому.

Модернистские эксперименты в татарской литературе впервые появились в начале XX века. Это время стало этапом возрождения для татарской культуры: на рубеже XX-XXI веков происходит отказ от религиозной парадигмы в пользу просветительской; практически сразу же начинает формироваться романтизм европейского типа. Так же, как просветительство и романтизм, модернистские поиски опираются на национальную идею, имеют общечеловеческую направленность.

Практически синхронный выход на литературную арену различных художественных парадигм становится причиной сохранения синкретизма, который обладал «большой силой этического воздействия» [4; с. 987]. Мы не беремся утверждать, что проявление синкретизма в татарской литературе начала XX века было связано с культурным сценарием, специально придуманным представителями татарской творческой интеллигенции. Но необходимо указать на то, что для татарского общества это было «пограничным этапом»: вре-

менем смены идейных ориентиров; поиска ответов на вопрос, что такое бытие и где место человека в нем; определения сути нравственной цельности личности.

В исламе, как и в других религиях, смысл жизни сводится к формуле достижения совершенства ради познания Бога. Начало процесса секуляризации в татарском обществе совпало с движением просветительства (последняя треть XIX века), в котором в качестве смысла предлагались идеи прогресса путем популяризации светских знаний. Однако к началу XX века наступил период, когда бесконечная вера в разум перестала удовлетворять. «Смысл исчез», и в новой татарской литературе начались поиски его в «пограничной ситуации». Именно в таких произведениях отчетливо наблюдается разрушение традиционной мусульманской картины мира [См.: 5]. Синкретичные по форме, по сути, они являются философскими трактатами.

Одним из первых таких произведений стал рассказ Г. Рахима «Среди фиалок». В нем описывается встреча двух друзей, один из них – Рашид рассказывает о своей любви к жене брата, Зулейхе. Хаотичность его психологического состояния объясняется отсутствием возможного разрешения этого «любовного треугольника».

Имя женщины ассоциируется с главной героиней поэмы «Кыйссаи Йусуф» (1233) Кул Гали. Кроме того, автор подчеркивает, что полное имя Рашида – Гарун ар-Рашид. Имя арабского халифа (786-809) из «Тысячи и одной ночи», имеющего прозвище «справедливый», уводит читателя к средневековому жанру сказки, в конце которой слушателя ждал сокрытый смысл, вывод, мудрость. По жанру «Тысяча и одна ночь», как и поэма Кул Гали, «кыйсса» с любовной завязкой. Рассказ Г. Рахима написан как стилизация под средневековый жанр «кыйсса», что в целом стало характерной чертой татарской литературы начала XX века.

Сюжет рассказа предваряет пространное описание готовящегося к ледоходу озера Кабан. Детально описанная картина озера на фоне окружающих его домов, ледяного плена, собравшихся на берегу глазеть на движение льдин людей вызывает у рассказчика ассоциации с закованным в кандалы воином. В связке с эпиграфом (*«Если всмотреться, есть, наверное, поэтичность в озере»* (Г. Тукай)) образ весеннего озера заставляет читателя искать сокрытые смыслы. Одним из вариантов символического значения весеннего половодья становится пробуждение национального самосознания татар в начале XX века.

Философская концепция строится на основе диалога двух противоположных позиций. На это указывают и психологические характеристики, данные рассказчиком, о том, что он сам *«был материалистом»*, а его друг – *«идеалистом»* [6; с. 136]. Рассказывая о своей любви к жене брата, Рашид подчеркивает, что это – духовная, платоническая любовь, которая не требует ничего взамен. Объясняя свои чувства, Рашид сравнивает влюбленности, которые он переживал раньше, – с любовью к фиалкам: их бесконечное множество на берегу озера; а единственную любовь – с любовью к розе. Использование суфийского символа розы, обозначающего любовь ко Всевышнему, создает определенные ассоциации, в результате любовь к Богу и платоническая любовь к женщине воспринимаются явлениями одного ряда.

Из этой концепции также вытекает и конкретно-историческое содержание. В «моменты пробуждения» национального самосознания человек может оказаться в одиночестве, в отверженном состоянии. Но вера в достижимость своей цели, вера в свой идеал, как любовь к розе, способна дать силы для противостояния, для сокрушения кандалов. Так художественное творчество становится ареной для разработки национальной философии. Ситуация в татарском обществе, как и состояние главного героя, оценивается как хаос, проявляется стремление писателя «заменить» в этническом сознании любовь к Всевышнему любовью к нации.

Герой трактата «В поисках попутчика» (1916) Г. Газиза, как и Рашид, не соответствует канонам мусульманской философии. Ильяс *«потерял Бога»* – веру. Его монолог пестрит такими обращениями как: *«Где ты, где ты? Куда ты исчез, тот мягкий отзвук, который в те далекие времена, когда не удавалось заснуть, – дарил сон, когда страшились смерти – приносил успокоение?»*. *«Где ты, мой священный Тенгри? Где ты, смешанный с духами предков,*

украшенный духом Чингиза, сопровождавший нас с края земли до Адриатики Тенгри? Где ты, символизирующий силу святости, неизвестный элемент доброты, успокоивший нас и давший нам храбрость перед лицом врагов объект поклонения? Где ты, смягчающий сердце камень, дающий исцеление нашим душам?» [7; с. 283]. Эта утрата вызывает хаос в его душе, несчастья. Герой, вспоминая свою молодость, винит книги, которые лишили его веры в Аллаха. В отличие от автора первого рассказа, Г. Газиз не находит другого источника смысла бытия.

Трактат М. Ханафи «Откуда? Куда?» (1916) представляет три типа людей, которым казалось, что они нашли смысл жизни. Первый – в силе; второй – в знаниях; третий – в отсутствии всякого смысла. Описывающий все три истории рассказчик предстает человеком, который нашел смысл жизни – в смерти.

Таким образом, ряд произведений татарских прозаиков начала XX века был написан на стыке философии и литературы. Художественные по форме и содержанию, они затрагивали актуальные философские проблемы, на примере историй современников, рассказывали о хаотичности жизни в татарском обществе, о хаосе в сознании и чувствах людей, живущих в период общественно-культурных перемен.

В отдельных произведениях художественная и философская концепция соединялись в символах или мифологических образах. Например, содержание рассказа «Девушка-булгарка Айсылу» (1910) М. Гафури ассоциируется со знаменитой антиутопией Г. Исхаки «Исчезновение через 200 лет» (1902-1904). В обоих произведениях символом исчезающей нации становится «*последняя из булгар*» - Сююмбике и Айсылу. Тем не менее, Г. Исхаки, предостерегающий о возможном исчезновении через 200 лет, в отличие от М. Гафури, оставляет надежду, что при условии изменения мировоззрения людей подобной катастрофы можно избежать. Сравнение двух текстов указывает на наличие в татарской литературе еще одного свойства, связанного с синкретизмом, – эклектики. Под этим явлением мы понимаем соединение разнородных, внутренне не связанных, скорее всего, несовместимых взглядов, идей, стилей и т.д.

Согласно философии, несостоятельная в качестве «приема описания действительности», эклектика иногда «выступает в качестве неизбежного момента в развитии» мировоззрения отдельных этносов, групп людей, особенно «в период формирования теории, концептуальных взглядов, когда осваивается новая проблематика» [8; с. 1014]. Именно такая социокультурная ситуация возникает в татарской литературе в связи с формированием нового взгляда на национальную действительность и перспективу этнического развития. Во многих произведениях писателей начала XX века объектом критики и причиной экзистенции становятся традиции, господствующие в татарском обществе и препятствующие его развитию.

Примером произведения, в котором есть элементы эклектизма, тяготеющего к синтезу, выступает рассказ Ф. Амирхана «Татарка» (1909). Рассказ написан в русле эстетики символизма [9; с. 81], но в нем выделяются и просветительские, и романтические тенденции, и религиозные мотивы: он «синтезирует в себе различные приемы модернистской литературы» [10; с. 94].

Воссозданный в рассказе образ татарки символизирует татарских женщин-мусульманок, а также их Надежду, Красоту и Жизнь вообще. Традиционные законы шариата, названные автором Темной Силой, по сути, обрекают каждую татарку на духовную смерть: до 6 лет девочки живут свободно, с 7 – узница в отцовском доме, а потом – в доме мужа.

Параллельно писатель упоминает 81 суру Корана о закопанных живо в раскаленный песок девочках-арабках. В финале изображаются ученики медресе в Египте, чтецы Корана в стамбульской мечети, мусульмане Индии, паломники среди развалин города Булгары и паломники всего земного шара, собравшиеся в Мекке. Все они повторяют стих из Корана:

«День страшного суда – это день, когда заживо погребенную девушку спросят, за совершение какого греха она умерщвлена...» [11; с. 56]. Так наряду с общечеловеческим в тексте демонстрируется два противоположных взгляда на «женскую проблему»: коранический и бытовавшее в обществе «живое погребение».

Ситуация, которая могла бы возникнуть только в татарском обществе, воссоздается в рассказах Г. Рахима «В печали» (1913), А. Тангатарова «Нет сил» (1914), Ш. Камала «Тревожно» (1912) и др. Нэсер М. Ханафи «Моя нация» (1913) стал произведением, в какой-то мере обобщающим эти многочисленные рассказы и объединяющим их под единым углом зрения. Он задуман как риторическое обращение к нации, в отношении к которой переплетаются чувства сожаления и любви. Как и другие авторы, Ханафи указывает на исчезновение надежд, называя нацию «могилой мечты». Каждый раз звучит рефреном: «*Несмотря на это, люблю тебя, несчастная моя нация!*», «*Но, несмотря на это, я тебя, горестная моя нация, люблю!*», и рассказ заканчивается также словами: «*Я тебя люблю, скорбная моя нация!*».

По сравнению с немногочисленными проявлениями синкретизма и эклектики, которые в художественных текстах, скорее всего, воспринимаются как недостаток мастерства, основным свойством формирующейся татарской неклассической литературы необходимо назвать художественный синтез во всех его проявлениях, который стал новым механизмом образотворчества.

Например, нэсер Ф. Амирхана «Восток спит... (относительно рисунка)» (1912) был опубликован в журнале «Сознание» с иллюстрацией к картине Леконта де Нойля «Сон Востока». В рассказе Ф. Валеева «Поют» (1917) произошедшая во времена Первой мировой войны история и песня стали двумя элементами единой картины; песня же – и символом, и идейной основой, и указателем на другие возможные варианты прочтения. В его же рассказе «Намаз» (1916) мусульманская молитва выполняла такие же функции. В рассказах из цикла «Татарские девушки» Ф. Амирхана (1913) народные мифы и легенды стали причиной возникновения внешнего синтетизма.

Смещение жанров, синтез приемов поэтики различных художественных стилей стали характерными особенностями произведений Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и Г. Исхаки [См.: 12]. Глубокий лиризм и музыкальность; содержание, передаваемое через эмоциональный слой произведения; символы и детали, воссоздающие подтекст, и др. стали теми признаками, которые перешли из лирики – в лиро-эпiku. Формирование нового лиро-эпического жанра нэсер стало возможно благодаря взаимовлиянию средств и приемов эпики и лирики. При этом использовался художественный потенциал, скрытый внутри каждого из родов литературы.

К примеру, нэсер «Из-за неразумности» (1914) М. Ханафи написан как диалог двух друзей. Один из них интересуется причиной беспокойства, печали у своего друга. Второй отвечает, и его ответ разделен на четыре части. В первой причиной указывается желание «*быть как облако*». Монолог раскрывает стремление человека быть сильным, достичь – невозможного, стать – «*всем*»: центром мира. Второй рассказ посвящен желанию быть талантливым: «*как ястреб бросаться ввысь*», «*как сокол быть зорким*», «*как лебедь – храбрым*», «*как соловей – певцом*». Третий показывает сокровенное желание стать свободным, как ветер, как волны. В завершающей рассказ четвертой части подчеркивается ограниченность человеческой плоти физическими параметрами, утверждается его желание, как дух, парить над вселенной.

Причиной душевной дисгармонии человека, по Ханафи, становится невозможность человеком познать бытие и стать частью бытия, тем самым реализовать свои желания и мечты. Нэсер объясняет происхождение стремления к познанию – человеческой природой «стать всем», однако ограниченность человеческих возможностей становится причиной стеснения, неудовлетворенности, беспокойства, хаотического внутреннего состояния личности. Фило-

софское содержание углубляется эмоциональным содержанием, возникающим путем движения, смены чувств и переживаний.

Среди наиболее важных причин, способствовавших возникновению символизма, А. Пайман указывает на ослабевание веры [13; с. 9]. Подобное состояние души в суфийской системе символов называется «трусобы» («хэрабэ»). В начале XX века и в романтических, и в модернистских произведениях данная лексема часто используется в сильной позиции (например, нэсер Ф. Амирхана «Среди трусобо...» (1913)). В подобных произведениях ставится под сомнение наличие любви (и веры) вообще, и это сомнение раздирает душу героя. Татарская модернистская литература приближается к позиции агностицизма, который считает невозможным познание истины в вопросах существования Всевышнего и других проявлений «иной жизни», но не исключает принципиальной возможности существования чего-то высшего, запредельного («Возлюбленная» (1913) М. Ханафи).

Одно из направлений поиска смысла жизни связано с осознанием конечности бытия как опознанной философской категории, подобное отношение заметно отличается от традиционного, связанного с религиозным мировоззрением. Ислам рассматривает и жизнь, и смерть человека как дар: смерть - конец его земной и переход к вечной жизни, и от того, как человек прожил свою жизнь, зависит дальнейшее, вечное. В новой литературе начала XX века сформировался и постепенно менялся несколько иной взгляд. Как знак конечности бытия, он появился в поэзии Дардеменда, был активен в нэсерах А. Тангатарова, М. Ханафи, в которых присутствует ощущение иллюзорности жизни.

Таким образом, развитие татарского модернизма было обусловлено ситуацией секуляризации и возникновением такого сложного поэтического явления, как художественный синтез. Он позволяет презентовать взамен «единственно правильного» монолога различные, зачастую противоречащие друг другу модели жизнеустройства. Благодаря синкретизму и синтетизму, даже эклектике произведения обретают «мягкость» по сравнению с русско-европейской модернистской литературой.

В затрагивающих онтологические проблемы произведениях более выпукло и ярко проявились разрушение традиционной картины мира и демонстрация неизбежности хаоса. В них были репрезентованы новые, непривычные для татарской литературы мотивы, однако форма их воплощения, приемы и интонации казались традиционными, исконно восточными, прежде всего, благодаря наличию катарсиса в противовес бескатарсичной картине мира в «жестком» варианте модернизма. Катарсис как эмоциональный контакт читателя с героями в момент их катастрофы (прозрения, постижения какой-то истины), создающий смысловую границу произведения и его художественную завершенность, позволял изображенное переживать и пропускать через себя чрезвычайно глубоко и эмоционально ярко. Поэтому мы считаем возможным назвать это течение «литературой стенания» («сызлану әдәбияты»), подчеркнув его нетождественность экзистенциализму.

Противоположное по своему содержанию течение в татарской литературе получило название «гисьянизма». Он складывался как синтез восходящих к средневековой суфийской философии представлений о человеке, и концепций, сформировавшихся в европейской философии на рубеже XIX-XX вв. Через все творчество гисьянистов (С. Рамеев, Н. Думави, Ш. Бабич и др.) красной нитью проходит призыв к абсолютному совершенству. Божественное начало, которое присутствует в каждом человеке, возвеличивает его, дает право на преобразование себя и окружающего мира, констатируют поэты. Прежде всего, оно проявляется в способности человека найти в себе силы восстать против зла. Идеализация человека становится одним из основных принципов нового течения. При любом исходе как одно из самых лучших человеческих качеств выдвигается способность быть творцом – равным Богу.

В заключение, необходимо отметить, что в научных кругах на рубеже XX-XXI сложилось мнение об «особости» модернизма [14], прежде всего, в результате анализа особенно-

стей постмодернизма у татар и некоторых тюркоязычных народов бывшего СССР. Отсутствие или нивелированность некоторых важных признаков постмодернизма заставили констатировать его «мягкость», в отличие от постмодернизма «европейского». Поиски причин данного явления привели к экстраполяции данной проблематики в сферу модернизма.

Необходимо отметить, что мы исходим из того, что инвариантным свойством модернизма выступает описание хаоса. Но и в содержательном, и в формальном плане это описание может быть «твердым» или «мягким», иметь свои этнические сценарии развития, в зависимости от социокультурных условий, особенностей развития той или иной литературы, целей и средств «модернизации» художественного процесса.

По нашему мнению, в формировании «мягкости» модернизма сыграли свою роль восточно-тюркские традиции: мифологические, архетипические образы и мотивы, традиционные символы выступали «культурным донором» и обеспечивали глубокую связь с «первобытным мышлением», тюрко-татарским фольклором. Они же и обеспечили, в отличие от «жесткого модернизма», сохранения катарсиса, структурирующего смысловые границы произведения и его художественную цельность. Наличие катарсиса создавало эмоциональную привлекательность, позволяло сохранить в единой структуре литературного текста философские размышления и концепции, конфликт идей и взглядов, просветительские, романтические и иные тенденции, не выходя за пределы художественности.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Лейдерман Н.Л. Мировые образы Космоса и Хаоса в русской литературе XX века // Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 т. Т.1. М.: Изд-ский центр «Академия», 2006. С.12-18.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
4. Гусев В.Е. Синкретизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. И сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 987.
5. Загидуллина Д.Ф. Экзистенциальный мотив существования человека без Бога в татарской прозе начала XX века // Филология и культура. 2012. № 1. С.105-108.
6. Рахим Г. Вокруг фиалок (на татар.яз.). // Сознание. 1915. № 7. С. 136-145.
7. Газиз Г. В поисках попутчика (на татар.яз.). // Сознание.1916. № 18. С. 282-283.
8. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. / Под ред. А.А. Ивина. 1072 с.
9. Толымбай Г. Фатих Амирхан (на татар.яз.) Казань: Татгосиздат, 1936. 81 б.
10. Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 268 с.
11. Амирхан Ф. Татарка (на татар.яз.) // Произведения. В 4 тт. Т.1. Казань: Татар. кн.изд-во, 1984. 47-56 с.
12. Загидуллина Д.Ф. Внутрилитературный синтетизм (первая треть XX века) // Научный Татарстан. 2012. № 3. С.163-175.
13. Пайман А. История русского символизма / авториз. пер. с англ. В. В. Исакович. М.: Республика, 2002. 415 с.
14. Амантай Д. Казахская литература: классика, модерн и постмодерн // Литературная газета. 2015. № 23.

References

1. Zygmunt Bauman. The individualized society. M.: Logos, 2005. 390 p.

2. Leiderman N.L. The world cosmos and chaos in russian literature of XX century // Modern russian literature: 1950-1990 years. T.1. M., 2006. p. 12-18.
3. Jurgen Habermas. The Philosophie the diskurs of modernism. M., 2003. 416 p.
4. Gusev V.E. Syncretism // Literary encyclopedia of terms and concepts. M., 2001. p. 987.
5. Zagidullina D.F. Existential motive for human existence without god in tatar prose in the early XX century // Philology and culture. 2012. № 1. p.105-108.
6. Rahim G. Around violets. // Consciousness. 1915. №. 7. p. 136-145.
7. Gaziz G. In search of a companion. // Consciousness. 1916. №. 18. p. 282-283.
8. The Philosophie: *encyclopedic dictionary*. M., 2004. 1072 p.
9. Tolimbai G. Fatih Amirhan. Kazan, 1936. 81 p.
10. Ganieva R.K. Tatar literature: traditions, relationships. Kazan, 2002. 268 p.
11. Fatih Amirhan. Tartar // Fatih Amirhan. Work. V.1. Kazan, 1984. p. 47-56.
12. Zagidullina D.F. Implied synthétisme (first third XX century) // Sciences of Tatarstan. 2012. № 3. p.163-175.
13. Avril Pyman. A history of Russian Symbolism. M., 2002. p.9.
14. Amantay D. Kazah literature: classic, modern and postmodern // literary newspaper. 2015. № 23.

УДК 801.313.1

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

В настоящей работе представлена дискуссия исследователей о терминологии литературной ономастики (данного названия науки придерживаются представители Воронежской ономастической школы). Несмотря на то, что терминологический словарь отечественной ономастики вышел более 40 лет назад, до сих пор существуют варианты употребления некоторых терминов. Ученые-ономасты (или ученые-ономатологи) для позиционирования отрасли науки, занимающейся спецификой функционирования имен собственных в художественном тексте, используют разные термины: *литературная ономастика*, *художественная ономастика*, *поэтонимология*, *поэтика онима* и др. В связи с этим наблюдается отсутствие устоявшегося термина для обозначения предмета исследования: *литературный оним* (*антропоним*, *топоним*, *зооним* и т.п.), *поэтоним*, «*имя-в-тексте*» и т.д. Терминологический разлад обусловлен рядом причин, среди которых сравнительная «молодость» литературной ономастики, отсутствие регулярного взаимодействия между современными ономастическими школами в области терминографии, «стыковое» положение дисциплины (изначально ономастика мыслилась как раздел лингвистики, но обращение к художественным текстам придало исследованиям имени собственного в художественном тексте литературоведческий флер). Одновременное использование лингвистических и литературоведческих методов предопределяет глубину и серьезность работ, выполненных в русле литературной ономастики. С точки зрения исследователей Воронежской ономастической школы, имя собственное в художественном тексте предопределяется взаимодействием следующих факторов: авторским сознанием, системностью имени, социальными характеристиками, хронотопностью (Г.Ф. Ковалев), а также способностью имени участвовать в создании мифопоэтического контекста.

Ключевые слова: ономастика, литературная ономастика, терминология, ономастический хронотоп, ономастическое пространство художественного текста, Воронежская ономастическая школа, автобиографизм.

S.A. Skuridina

TERMINOLOGICAL SPECIFICITY OF LITERATURE ONOMASTICS

The given article presents the discussion of the researches about the terminology of literature onomastics (the term supported by the representatives of Voronezh onomastics school). Though the terminological vocabulary of Russian onomastics was published more than 40 years ago, the variants of some terms still exist. In order to distinguish the branch of science which studies the functioning of proper names in artistic texts, specialists in onomastics (or onomatology) use different terms: *literature onomastics*, *artistic onomastics*, *poetonymology*, *poetics of the onym* etc. Consequently, we notice the absence of the fixed term for the object of study: *literature onym* (*antroponym*, *toponym*, *zoonym* etc.), *poetonym*, «*name-in-the-text*» etc. Terminological ambiguity has a set of reasons including quite a “young” age of literature onomastics, the absence of regular interaction between modern onomastics schools in the sphere of terminological issues, transitional status of the discipline itself (initially onomastics was thought to be a branch of linguistics but the application to artistic texts made a sort of mixture with literature studies). Simultaneous usage of double methodology makes the works on literature onomastics deeper and more serious. From the point of view of Voronezh onomastics school, proper name in artistic texts is determined by the following factors: the author’s consciousness, the consistency of name complex, social characteristics, the connection with the chronotope (G.F. Kovalev) and the ability

of names to create a mythological and poetic context.

Key words: onomastics, literature onomastics, terminology, onomastic chronotope, onomastic sphere of artictic text, Voronezh onomastics school, autobiographism.

Проблема функционирования имени собственного в художественном тексте имеет давнюю историю: уже в Древнем Египте, Древней Греции и Древнем Риме начали обращаться к вопросу о происхождении и значении имени.

В диалоге Сократа «Кратил» встречаем рассуждения о том, использовал ли Гомер имена реальные или давал своим героям имена, соответствующие их роли в тексте. Сократ указывает на важность того факта, кто озвучивает имя, какую номинацию использует: «А знаешь, Гомер говорит, что троянцы зовут Гекторова мальчика Астианактом; отсюда ясно, что Скамандрием зовут его женщины, раз мужчины его звали Астианактом» [...]. Далее следуют размышления Сократа о семантике имени и о роли автора в выборе имен собственных для своих сочинений: «Однако, добрый мой друг, имя Гектора тоже установил сам Гомер? <...> мне кажется, оно чем-то близко имени Астианакта, и оба этих имени похожи на эллинские. Слова «владыка» и «держатель» значат почти одно и то же, имена эти – царские. Ведь над чем кто владыка, того же он и держатель. Ясно ведь, что он вместе и властвует, и обладает, и держит. Или тебе кажется, что я говорю вздор и обманываю себя, думая, что напал на след Гомерова представления о правильности имен? [1].

Ученик Сократа Платон считал, что «давать имена нужно так, как в соответствии с природой, с помощью того, что для этого природой предназначено, а не так, как нам заблагорассудится, – если, конечно, мы хотим, чтобы это согласовалось с нашим прежним рассуждением» [2; с. 75]. По определению Аристотеля, «имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [3; с. 94].

В трудах стоиков, в частности, в сочинении Хрисиппа «Об именах собственных», усматривается стремление выявить различие между именем собственным (δνομα) и именем нарицательным (προσηγορία), а в сочинении Диогена Вавилонского содержится попытка дать определение данным понятиям: «имя нарицательное (προσηγορία) – часть речи, обозначающая общую качественность (κοινήν ποιότητα), например, «человек», «конь», а «имя собственное (δνομα) – часть речи, указывающая на особенную качественность (ιδίαν ποιότητα), например, Диоген, Сократ».

А.А. Фомин приводит пример семантически маркированного имени из сочинений Горация: «упомянув в своей сатире (I, 6) вольноотпущенника, стремящегося к общественно-политической карьере, он присваивает ему имя *Новий* (*Novius*), образованное от латинского прилагательного *novus* ‘новый’; homo novus’ом во времена Горация называли (часто с отрицательной оценкой) выходца из семьи, где до него никто не занимал высоких должностей. Вполне адекватным смысловым переводом было бы русское слово *выскачка* [4; с. 109].

В настоящее время изучение специфики имен собственных осуществляется в рамках науки *ономастики* (от др.-греч. δνομαστική), постепенное выделение которой из лингвистики происходило в течение длительного времени. В 1930 г. во Франции состоялся I Международный ономастический конгресс, с момента которого ономастика официально признана наукой. В 1949 году создан Ономастический комитет при ЮНЕСКО, печатным органом которого стал научный журнал «Онома», а первый специализированный журнал «Onomastica», основанный в 1947 году А.Дозой, был переименован «Revue Internationale d'Onomastique» (с 1983 года «Nouvelle Revue d'Onomastique») и издавался в Париже, с 1955 года в Польше издается журнал «Onomastica» (Вроцлав – Краков – Варшава).

У истоков отечественной ономастики стояли М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Е. Болховитинов [5], [6], [7]. В предисловии к изданию трудов С.Б. Веселовского (1974 г.) В.И. Буганов называет ономастику «вспомогательной исторической дисциплиной» и одновременно «составной частью лингвистики» и, отмечая, что ей уделялось мало внимания, упоминает несколько работ исследовательского и справочного характера, среди которых «Словарь древнерусских личных собственных имен Н.М. Тупикова. [8], статья А.М. Селищева о происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ [9] и еще несколько работ [10]. Как об области прикладных исследований об ономастике говорит А.В. Суперанская, отмечая востребованность ономастических фактов историками, географами и литературоведами [11, с. 8].

В настоящее время термин *ономастика* (др.-греч. *ὀνομαστική* 'искусство давать имена') представлен двумя значениями. Во-первых, это раздел современного языкознания, пользующийся своим разработанным терминологическим аппаратом для обозначения круга проблем и вопросов, имеющих уже сложившуюся историю изучения, а также располагающий собственными методами исследования. Ономастика – это наука об именах собственных всех типов, среди которых выделяют *антропонимы* (имена людей), *зоонимы* (клички животных), *этнонимы* (названия племен и народов), *топонимы* (названия стран, рек, гор, людских поселений), *мифонимы* (имена, встречающиеся в мифах) и др., изучающая имена собственные в диахроническом и синхроническом аспектах. Обращаясь к истории имени, ономастика рассматривает процесс его возникновения и трансформации в результате функционирования в языке, исследует факты заимствования имен собственных из иностранных языков, устанавливает закономерности, характерные для данной лексической категории. Во-вторых, *ономастика* (*онимия*) – это совокупность всех имен собственных..

Терминология отечественной ономастики была представлена в 1978 году Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», включившим в себя около 700 дефиниций, где в предисловии объяснялась необходимость подобного издания тем, что вышедшие в то время словари лингвистических терминов «совсем или почти совсем игнорировали ономастику» [12]. К моменту выхода в свет данного словаря были опубликованы словари ономастических терминов в других странах: Т. Witkowski «Grundbegriffe der Namenkunde» (Berlin, 1964)[13], E.C. Smith «Treasury of Name Lore» (N.Y., Evanston; London, 1967) [14], J. Svoboda, V. Šmilauer, L. Olivová-Nezbedová, K. Oliva, T. Witkowski «Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky» (1973) [15], E. Kiviniemi, R.L. Pitkänen, K. Zilliacus «Nimistöntutkimuksen terminologia. Terminologinimnämnsforskningen» (Helsinki, 1974) [16], H. Dorion, J.Poirier «Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux» (Quebec, 1975) [17].

Несмотря на то, что терминологический словарь отечественной ономастики вышел более 40 лет назад, до сих пор существуют варианты употребления некоторых терминов. В первую очередь, нужно отметить, что некоторыми исследователями для обозначения науки об именах собственных (и для разведения двух значений термина *ономастика*) используется название *ономатология* [18].

Другая проблема – это использование авторами работ об именах собственных в качестве синонимичных и равнозначных понятий терминов *ономастика* и *онимия*, в связи с чем интересно исследование А.К. Матвеева, считающего, что современное состояние науки требует однозначных дефиниций, поэтому от термина *онимия* следует отказаться, оставив термин *ономастика* для обозначения совокупности имен собственных [19; с. 9]. В другой своей работе исследователь предлагает вместо термина ономастика использовать более общий термин *ономатология*, эмблематично вынесенный автором в заглавие книги [18]. Наиболее убедительным, на наш взгляд, доводом, приводимым исследователем для обоснования предложенной концепции, является указание на коррелирующие ряды терминов: «*ономастика* – *ономатология* – *ономатография* – *ономастикон* точно соответствует ряду *лексика* – *лекси-*

кология – лексикография – лексикон» [19; с. 9]. По мнению А.К. Матвеева, «путь к преодолению терминологического разнобоя – использование демократического принципа соревновательности терминов и их серьезное обсуждение» [19; с. 9]. Исследователь указывает на различия между русскими и зарубежными ономастическими терминами: «Так, в известных журналах «Онома» и «Namenkündliche Informationen» наряду с *Onomastik* обычны такие термины, как *Antroponomastik*, *Toponomastik*, *Hydronomastik* и т. п.» [19; с. 5]. Указанные А.К. Матвеевым термины получили свое определение уже в 1963 году в работе В. Шмиляуера: «ономастика – наука о собственных именах», «антропономастика – наука о собственных именах людей», «топономастика – наука о собственных именах мест» [20, с. 5-6].

На отсутствие единой ономастической терминологии, используемой для обозначения одного и того же явления, указывает М. Гарвалик [21].

У. Брайт в своей работе «What IS a Name? Reflections on Onomastics» утверждает, что ономастика признана наукой в европейских странах и особенно развита в Германии (достаточно вспомнить работы таких немецких исследователей литературной ономастики, как Д. Лампинга, Х. Бируса, Ф. Дебуса, И. Собанского, Ф. Кольхайма [22], [23], [24], [25], [26]), тогда как в США едва ли считается научной областью в связи с тем, что лексема *name* может использоваться для обозначения любого апеллятива, например: «Banana is the *name* of a fruit» или «Murder is the *name* of a crime» [27; с. 670].

В связи с тем, что нет унифицированного термина для названия науки, изучающей имена собственные, нет и определенного названия для исследователя, занимающегося данной наукой, поэтому до сих пор используются варианты *ономаст* и *ономатолог*. Например, в уже упоминаемом словаре «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской в качестве основного употреблен термин *ономаст* («*Ономаст (ономатолог)* – Исследователь, занимающийся ономастикой»), а в статье к термину *ономатолог* указано «см. ономаст» [12, с. 97], но несмотря на это в предваряющей словарь статье «Опыт отраслевого лингвистического словаря» автор упоминает «советских *ономатологов*», из чего следует вывод, что для автора словаря понятия *ономаст* и *ономатолог* являются равнозначными и синонимичными. На сайте «Ономастика России» (<http://www.onomastika.ru/>) [13], созданном представителем Воронежской ономастической школы С.А. Поповым [29] в 2002 году, представлен раздел «Ученые-ономасты», в статье исследователя Донецкой ономастической школы В.Н. Калинкина Е.С. Отин также назван *ономастом* [30], а в авторитетном отечественном научном издании «Вопросы ономастики» существует рубрика «Трибуна ономатолога» [31].

В особый раздел ономастики входят исследования, посвященные функционированию имен собственных в художественном тексте. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской для обозначения «имени в художественной литературе, имеющем в языке художественного произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции», используется термин *поэтическое имя*, а в примечаниях к данной словарной статье указано, что вместо данного термина употребляются описательные словосочетания: «*имена в художественной литературе*», «*имена в таком-то произведении*», а также «подчиненные» термины: *литературный антропоним*, *литературный топоним*, *литературный зооним*, а также *имя-характеристика* [12; с. 126]. Как указывает О.И. Фонякова, номинация в литературных произведениях – это «отражение элементов реальной и вымышленной ономастики», их «преломление и применение» в художественном тексте [32, с. 8].

В 2004 году, спустя 26 лет с момента выхода «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, А.А. Фомин отмечает отсутствие устоявшегося термина для обозначения раздела ономастики, исследующего имена собственные в художественном тексте:

«Речь идет о литературной ономастике, или, как еще ее называют, поэтической ономастике, или литературно-художественной ономастике, или поэтике онама, или именовологии – этот ряд наименований одной и той же дисциплины можно было бы и продолжить», – отмечает А.А. Фомин [4; с. 108]. К числу указанных терминов можно добавить такие, как *поэтическая ономастика*, *ономапоэтика*, *стилистическая ономастика*, *ономастилистика*. Вопрос о соответствии терминов исследователь выносит в заглавие более поздней своей работе: «Всегда ли *литературная ономастика* тождественна *поэтической ономастике*?» [33]. В свое время Э.Б. Магазаник и Л.И. Ройзензон предлагали разграничивать «ономапоэтику» (литературоведческая характеристика собственных имен в художественных текстах) и «ономастилистику» (лингвистическая характеристика собственных имен в художественных текстах) [34].

Терминологический разнобой обусловлен рядом причин, среди которых сравнительная «молодость» и «периферийное положение литературной ономастики в общем корпусе ономастических исследований», нескоординированная деятельность ученых-ономатологов, являющихся представителями разных ономастических школ [33; с. 59]. По мнению А.А. Фомина, термин *литературная ономастика* указывает на пограничное положение данной дисциплины в лингвистической и общепилологической парадигме, в связи с чем является «одинаково удобным» как для лингвистов, так и для литературоведов, использующих разную методологию при исследовании ономастической системы художественного текста, термин *литературно-художественная ономастика*, использовавшийся В.Н. Михайловым, малоупотребителен «из-за громоздкости», термин *художественная ономастика* проигрывает из-за проекции на широко понимаемую категорию художественности, а термин *стилистическая ономастика* неверен «проблематика стилистики нередко совершенно не связана с литературой вообще и художественной литературой в частности» [33; с. 60]. Обращаясь к терминам *поэтика онама* и *поэтонимология*, предложенным В.М. Калинин, А.А. Фомин отмечает что их использование влечет за собой уход данной области исследований за пределы ономастики, что пока неоправданно, так как нет четкого «отграничения поэтонимов от проприальных элементов» [33; с. 63]. Подводя итог своим размышлениям, А.А. Фомин признает, что рассмотренные термины «невзаимозаменяемы и не исключают друг друга», главное – соответствие проблематики исследования избираемому термину [33; с. 63].

Через 7 лет после публикации статьи А.А. Фомина Н.В. Васильева, обращаясь к терминологии литературной ономастики, указывает, что в настоящее время «термин *литературная ономастика* стал привычным и интернациональным», о чем свидетельствует активное использование указанного термина для обозначения данной отрасли науки в других странах (*literarische Onomastik* (нем.), *literary onomastics* (англ.), *onomastique littéraire* (фр.)), тем не менее, «альтернативы названию по-прежнему появляются, поэтонимология (В.М. Калинин) или «имя-в-тексте» (через дефисы) (Т.М. Николаева)» [35; с. 504]. Нельзя не согласиться с исследователем, что термин имя-в-тексте довольно удачен «поскольку в нем отражены и объект, и предмет, и пространство исследования» [35; с. 505]. Резюмируя, Н.В. Васильева отмечает, что в «Список ключевых ономастических терминов» (List of Key Onomastic Terms) на сайте ICOS – Международного совета по ономастическим наукам (International Council of Onomastic Sciences) можно внести только «интернациональный термин поэтоним», активно используемый для обозначения имени собственного в художественном тексте [35; с. 506].

Нужно заметить, что В.М. Калинин рассматривает поэтонимологию «не только как преемницу литературной ономастики, но и как новый этап в ее развитии» [36; с. 18], а к вариантам наименования исследователя имен собственных, ономаст и ономатолог В.М. Калинин добавляет свой термин – исследователи-поэтонимологи, выделяя в отдельную группу ученых, обращающихся к поэтической ономастике. По мнению ученого, предметом поэтической ономастики являются «вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы» [37], которыми «обозначают не реальные, а существующие в творческом сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем

сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных собственными именами» [36; с.22].

Оставаясь в рамках литературной ономастики, и А.А. Фомин [38], и Н.В. Васильева [35] размышляют о ее статусе стыковой (или пограничной) дисциплины, только, по выражению А.А. Фомина, неясным является само выражение находится на стыке: «идет ли речь о составной части лингвистики, которая в своих целях использует аппарат литературоведения, или о специфической области литературоведения, где наряду с традиционными лингвистическими применяются лингвистические методы, или же, наконец, об «общей территории» лингвистики и литературоведения, в пределах которой в равной мере допустимы как лингвистические, так и литературоведческие подходы» [38; с. 271]. А.А. Фомин, выделяя особенности лингвистического и литературоведческого подходов, высказывает очень важную для понимания специфики литературной ономастики мысль: «В сущности, литературная ономастика выступает в таком ее понимании в качестве комплексной герменевтической дисциплины, главная цель которой состоит в экспликации структуры смыслов поэтонима» [38; с. 273].

Проблемам ономастической терминологии представителями Воронежской ономастической школы, в рамках которой разрабатываются 12 направлений (включая литературную ономастику) [39], нужно признать, уделяется небольшое внимание, что обусловлено практической направленностью исследований, тем не менее, в работах учеников профессора Г.Ф. Ковалева, с научной деятельностью которого связано активное развитие ономастики на современном этапе, можно выделить общие тенденции.

Во-первых, нужно сказать, что изучение специфики имени собственного в художественном тексте ведется в рамках литературной ономастики, под которой понимается наука об особенностях функционирования имен собственных в художественном тексте, представленных следующими разрядами: *литературный антропоним* – личное имя действующего лица, рассматриваемое с точки зрения выражения индивидуально-эмоциональной, психологической, типологической, социальной и других значимых характеристик, *литературный топоним* – вымышленное или реальное название места действия (макротопонимы, микротопонимы) в художественном тексте, *литературный гидроним* – вымышленное или реальное название водоема, упоминаемое в художественном произведении, *литературный зооним* – клички животных в художественном тексте. Несомненно, что разряды имен собственных, изучаемых в рамках литературной ономастики, не ограничиваются перечисленными, так как во многих произведениях встречаются эргонимы, прагматонимы и другие семантически активные наименования. Для обозначения всех перечисленных разрядов имен собственных может быть использован более общий термин – *литературный оним* – любое имя собственное в художественном тексте. Совокупность ономастических единиц (литературных онимов), используемых автором в конкретном произведении, представляет собой *ономастическое пространство художественного текста*. При исследовании корпуса имен собственных, характерных для текстов определенного писателя, можно говорить об ономастическом пространстве его художественного творчества. Совокупность приемов, используемых автором при создании имен собственных в художественных произведениях, называется ономастической лабораторией.

Во-вторых, имя собственное в художественном тексте, по мнению Г.Ф. Ковалева, предопределяется взаимодействием четырех факторов: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, хронотопностью [40; с. 10-11]. Продуктивный комплексный анализ ономастического пространства художественного текста возможен при рассмотрении указанных факторов в совокупности.

Автор всегда находится в условиях выбора имени для своего героя, то есть авторское сознание – это, бесспорно, источник художественного произведения, в связи с чем рассмот-

рение имени собственного в художественном тексте немислимо без обращения к биографии автора. Как верно замечает Б.О. Корман, «соотнесение автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которой является художественное произведение <...>, как правило, тождественно соотнесению жизненного материала и художественного произведения вообще» [41; с. 120]. Соответственно, при подходе, заключающемся в рассмотрении автобиографии как отправной точки при создании художественного текста, понимание ономастических предпочтений писателя становится более полным и правильным. Литературный оним может быть рассмотрен как результат внутреннего импульса писателя, обусловленного переосмыслением любого жизненного события, к числу которых, на наш взгляд, можно отнести и увиденное во сне, как часть «жизненного текста» (термин Т.А. Касаткиной [42; с. 46]), отсутствие которого могло стать основанием для выбора другого имени персонажу. По мнению Г.Ф. Ковалева, все тексты автора, порожденные его жизнью, его начитанностью, его наблюдательностью, входят в понятие *автобиографизм* [43]. Каждое имя собственное, рассмотренное обособленно, не соответствует этому же имени, вплетенному в авторский жизненный текст, интерпретация которого невозможна без обращения к окружению исследуемого автора, без изучения его переписки, дневниковых записей, черновиков, заметок, воспоминаний. Таким образом, *автобиографизм ономастического пространства художественного текста* – это обусловленность литературных онимов жизненными событиями автора.

Социальная обусловленность собственного имени в художественном тексте, которую уже отмечали исследователи, стоявшие у истоков литературной ономастики, например, А. Бем [44], – это его соответствие персонажу с точки зрения отражения принадлежности к определенной общности, в связи с чем можно говорить об аристократических, купеческих, мещанских, крестьянских антропонимах. Имя в художественном тексте может быть показателем возраста (или наоборот, показателем неопределенного возраста), пола (или наоборот, показателем отсутствия половой идентификации, когда, например, имя, вынесенное в название, оставляет неясной половую принадлежность героя).

Ономастическое пространство художественного текста – это подсистема языка образной системы художественного произведения. Соответственно, с одной стороны, системность именника – это его соответствие всем уровням художественного произведения (идейно-образному, жанровому, концептуальному и др.). Кроме этого, как указывает В.Н. Михайлов, «на употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления, классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям» [45; с. 54]. С другой стороны, системность – это взаимообусловленность ономастических единиц, введенных автором в текст. Кроме того, системность можно рассматривать как категорию, проецируемую за пределы текста, понимая под ней соответствие именника художественного произведения изображаемой эпохе и рассматривая оним как индикатор хронотопа.

Хронотоп – понятие, введенное в литературоведение М.М. Бахтиным, в литературной ономастике рассматривается как «определенный и образный показатель времени и места, зачастую как бы случайно, а иногда и нарочито, выраженный онимами, характерными для эпохи, отраженной в произведении» [46; с. 50]. Как отмечает С.А. Заболотная, «имена собственные как выражение хронотопа, помимо прямого обозначения лиц и мест действия, представляют в тексте точки роста, ключевые точки понимания, ассоциативные стимулы – или называют ассоциаты, соответствующие другим ключевым словам-стимулам в том же тексте» [47; с. 218]. Например, достаточно упомянуть в художественном произведении имя Наполеона, как для русского человека с определенной четкостью будет обозначен хронотоп Отечественной войны 1812 года. Для создания провинциального хронотопа будут использоваться микротопонимы, отражающие специфику маленького городка (*Грязный переулок, Большая улица* и т.д.) и вписывающие его в ряд таких же незаметных провинциальных городков, название которых нередко скрывается от читателя с целью типизации или шифруется, превращаясь в город N. По верному наблюдению А. Белоусова, «отсутствие имени («минус-имя») – обычно

«дурной знак»: это – знак провинциальности города» [48]. Остеротипности провинциальных городков, представляющих собой некоторую общность однородных объектов, писал А.П. Чехов: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч», или: «Гомска описывать не буду. В России все города одинаковы» [49]. Несомненно, что микротопонимы, приведенные выше, можно найти и в столице, но для создания столичного хронотопа автор вводит в текст названия крупных городских объектов, зачастую преследуя цель топографической достоверности (названия мостов в Санкт-Петербурге, известные гидронимы, являющиеся визитной карточкой столицы и т.д.).

Таким образом, можно говорить об ономастическом хронотопе – пространственно-временном единстве, организованном в художественном тексте именами собственными. Например, хронотоп каменного города, Петербурга, в художественных текстах Ф.М. Достоевского организуется не только введением реальных топонимов, но и использованием в тексте имени собственного Петр в разных вариантах (в виде личного имени или в виде отчества), причем, персонажей, наиболее важных для понимания глубинного смысла произведения, писатель наделяет антропонимом с удвоенным именем: *Петр Петрович Лу-жгин*.

Ономастические единицы, участвующие в создании хронотопа, нередко относятся к так называемому историко-культурному (культурно-историческому) фону, включающему они-мы разных разрядов (антропонимы, топонимы, зоонимы, урбанонимы, эргонимы и т.д.). Нельзя не согласиться с Е.Л. Березович, что «понятие культурно-исторической информации само по себе неоднородно и включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре» [50; с. 128].

На наш взгляд, имя собственное в художественном тексте, вступая в связь – этимологическую, ассоциативную – с мифологемой или само являясь мифологемой, может участвовать в создании мифопоэтического контекста произведения, что позволяет рассматривать заявленную проблематику во вселенских масштабах. Например, слишком распространенные, с точки зрения П.М. Бицилли, «птичьи» фамилии [51], введенные в ономастическое пространство художественного текста, в первую очередь, участвуют в создании эффекта реальности происходящих событий, но, с другой стороны, данные фамилии можно рассматривать как способ соотнесения героев с мифологемой неба и противопоставления носителям зооморфных антропонимов, связанных с мифологемой земли. Воспроизведение автором мифа не всегда происходит осознанно, более того, «зачастую, когда писатель сознательно стремится сконструировать миф, мифологический образ или сюжет, результат бывает весьма неудачным» [52].

Как видим, смыслообразующий потенциал имени собственного в художественном тексте безмерно велик. Эта «неизмеримость» обусловлена рядом причин, одной из которых является возможность проецирования семантики имени собственного за пределы художественного текста, его содержащего. Последний факт дает возможность осуществлять исследование имени собственного как с лингвистических, так и с литературоведческих позиций. Главная задача ономаста (ономатолога) – распознать тайный код, используемый автором-творцом ономастического пространства художественного текста, так как это расширит границы читательского восприятия и понимания произведения.

Библиографический список

1. Сократ «Кратил». URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/krati.htm> (дата обращения – 15.01.2020).

2. Платон. Диалоги. М.: Наука, 1986. 547 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 530 с.
4. Фомин А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.
5. Ломоносов М.В. О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 469–473.
6. Востоков А.Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. СПб., 1812.
7. Болховитинов Е. О личных собственных именах славяноросов // Вестник Европы. 1813. Ч. 60. С. 16-20.
8. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
9. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Ученые записки МГУ, вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1. М., 1948. С. 128 – 152.
10. Веселовский С.В. Ономастикон. URL: https://vk.com/doc-22926171_186921295 (дата обращения – 15.01.2020).
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. Москва: URSS, 2007. 366 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
13. Witkowski T. Grundbegriffe der Namenkunde. Berlin, 1964.
14. Smith E.C. Treasury of Name Lore. Sketches and Observations On the Names We Bear. N. Y.; Evanston; London, 1967.
15. Svoboda J., Šmilauer V., Olivová-Nezbedová L., Oliva K., Witkowski T. Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik // Zpravodaj Místopisnékomise ČSAV XIV. 1973. S. 1–280.
16. Kiviniemi E., Pitkänen R.L., Zilliacus K. Nimistöntutkimuksenterminologia. Terminologinimnämnsforskningen. Helsinki, 1974.
17. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec, 1975.
18. Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006. 290 с.
19. Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5-10.
20. Šmilauer V. Úvod do toponomastiky. Praha, 1963.
21. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5-13.
22. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983.
23. Birus H. Vorschlag zu einer Typologie literarischer Namen // LiLi: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1987. No. 17 (67). S. 38 –51.
24. Debus F. Namen in literarischen Werken. (Er-)Findung – Form – Funktion. Stuttgart : Steiner, 2002.
25. Sobanski I. Die Eigennamen in Detektivgeschichten Gilbert Keith Chestertons. Ein Beitrag zur Theorie und Praxis der literarischen Onomastik. Frankfurt am Main et al. : Lang, 2000.
26. Kohlheim V. Der Name in der Literatur / V. Kohlheim, unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019. 371 S.
27. Bright W. What IS a Name? Reflections on Onomastics // Language and linguistics. 2003. № 4 (4). P. 669-681.
28. Ономастика России. URL: <http://www.onomastika.ru/> (дата обращения – 15.01.2020).

29. Попов С.А. Сайт «Ономастика России» как интерактивный образовательный ресурс // *Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна*. 2012. С. 401-403.
30. Калинин В.М. Евгений Степанович Отин – ономаст: попытка научной популяризации в миноре // *Вопросы ономастики*. 2015. № 1 (18). С. 234-246.
31. Трибуна ономатолога // *Вопросы ономастики*. 2015. № 1 (18). С. 5.
32. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
33. Фомин А.А. Всегда ли *литературная ономастика* тождественна *поэтической ономастике*? // *Вопросы ономастики*. 2009. №7. С. 57-67.
34. Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И. Ономастистика и ономапэтика // *Труды Самаркандского ун-та*. Самарканд, 1974. Вып. 264. С. 7–10.
35. Васильева Н.В. Терминография пограничных дисциплин (на примере литературной ономастики) // *Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции*. Нижний Новгород, 2016. С. 503-507.
36. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Филологические науки и культурология»*. 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 18-27.
37. Калинин В.М. Несколько предварительных замечаний к теории поэтонима // *Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: Філологічні науки*. Донецьк: ДонДУ, 1997. С. 114-116.
38. Фомин А.А. О различии лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8-12 сент. 2009 г.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 271-273.
39. Попов С.А. Основные направления Воронежской ономастической школы // *Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика»*. 2018. № 4. С 69-74.
40. Ковалёв Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // *Избранное. Литературная ономастика*. Воронеж: Изд.-полигр. Центр «Новая книга», 2014. С. 3-27.
41. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992.
42. Касаткина Т.А. Что считать событием биографии? // *Вопросы литературы*. 2016. № 2. С. 44-78.
43. Ковалев Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018. № 4 (31). С. 10-19.
44. Бем А.Л. Личные имена у Достоевского // *Сборникъ въ честь на проф. П. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863-1933)*. София, 1933.
45. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // *Филологические науки*. 1966. № 2. С. 54 – 66.
46. Ковалев Г.Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов // *Русистика без границ*. 2017. № 2. С. 30-40.
47. Заболотная С.А. Имя как хронотоп: о ключевых точках понимания текста // *Filko. Сборник на трудови / Прва меѓународна научна конференција филологија, култура и образование*, 18-19 март 2016. Штип: Универзитет “Гоце Делчев”, 2016. С. 217-223.
48. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 457-483.

49. Чехов А. П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г., Екатеринбург // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 70-73.
50. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987-1998 гг.) // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 128-141.
51. Бицилли П.М. О птичьих фамилиях // Голос. София. 1929 г. от 04.02.
52. Телегин С.М. Русский мифологический роман. М.: Компания Спутник+, 2008. 351 с. URL: <https://www.proza.ru/2019/07/11/908> (дата обращения – 10.01.2020).

References

1. Socratus. “Cratylus”. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/krati.htm> (date of application – 15.01.2020).
2. Plato. The dialogues. Moscow, 1986. 547 с.
3. Aristotle. Writings: in 4 vol. Moscow, 1978. Vol. 2. 530 p.
4. Fomin A.A. Literature onomastics in Russia: results and prospects // The issues of onomastics. 2004. Vol. 1. P. 108–120.
5. Lomonosov M.V. On the origin of possessives, domestic names, patronimics and female names derived from male ones // Lomonosov M.V. Completed works. Vol. 7. Works on philology. Moscow-Leningrad: AS of USSR, 1952. P. 469–473.
6. Vostokov A.K. A task for etymology lovers // The bulletin of St.-Petersburg. 1812.
7. Bolkhovitinov E. On proper names of the Slavorosses // The bulletin of Europe. 1813. Part 60. P. 16-20.
8. Tupikov N.M. The vocabulary of Old-Russian proper names. St.-Petersburg, 1903.
9. Selishchev A.M. The origin of Russian surnames, proper names and nicknames // Academic notes of MSU, iss. 128. The works of the chair of Russian language, vol. 1. Moscow, 1948. С. 128 – 152.
10. Veselovsky S.V. Onomastic complex. URL: https://vk.com/doc-22926171_186921295 (date of application – 15.01.2020).
11. Superanskaya A.V. General theory of the proper name. 2nd ed. Moscow, 2007. 366 p.
12. Podolskaya N.V. The vocabulary of Russian onomastic terms. Moscow, 1978. 199 с.
13. Witkowski T. Grundbegriffe der Namenskunde. Berlin, 1964.
14. Smith E. C. Treasury of Name Lore. Sketches and Observations On the Names We Bear. N. Y.; Evanston; London, 1967.
15. Svoboda J., Šmilauer V., Olivová-Nezbedová L., Oliva K., Witkowski T. Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV XIV. 1973. S. 1–280.
16. Kiviniemi E., Pitkänen R. L., Zilliacus K. Nimistöntutkimuksen terminologia. Terminologin omnamnforskningen. Helsinki, 1974.
17. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec, 1975.
18. Matveev A.K. Onomatology. Moscow, 2006. 290 p.
19. Matveev A.K. Onomastics and onomatology: terminology sketch // The issues of onomastics. 2005. Vol. 2. P. 5-10.
20. Šmilauer V. Úvod do toponomastiky. Praha, 1963.
21. Garvalik M. The the question of modern onomastics terminology // The issues of onomastics. 2007. Vol. 4. P. 5-13.
22. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983.
23. Birus H. Vorschlag zu einer Typologie literarischer Namen // LiLi: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1987. No. 17 (67). S. 38 –51.

24. Debus F. *Namen in literarischen Werken. (Er-)Findung – Form – Funktion.* Stuttgart: Steiner, 2002.
25. Sobanski I. *Die Eigennamen in Detektivgeschichten Gilbert Keith Chestertons. Ein Beitrag zur Theorie und Praxis der literarischen Onomastik.* Frankfurt am Main et al. : Lang, 2000.
26. Kohlheim V. *Der Name in der Literatur / V. Kohlheim, unter Mitarbeit von R. Kohlheim.* Heidelberg : Winter, 2019. 371 S.
27. Bright W. What IS a Name? Reflections on Onomastics // *Language and linguistics*, 2003, № 4 (4). P. 669-681.
28. The onomastics of Russia. URL: <http://www.onomastika.ru/> (date of application – 15.01.2020).
29. Popov S.A. Web-site “The onomastics of Russia” as an interactive educational resource // *The onomastics of Volga region.* 2012. P. 401-403.
30. Kalinkin V.M. Eugeny Stepanovich Otin, a specialist in onomastics: an attempt of scientific popularization in the minor // *The issues of onomastics.* 2015. Vol. 1 (18). P. 234-246.
31. The tribune of onomatologists // *The issues of onomastics.* 2015. Vol. 1 (18). P. 5.
32. Fonyakova O.I. *Proper name in artistic text.* Leningrad State University, 1990. 103 p.
33. Fomin A.A. Are *literature onomastics* always equal to *poetic onomastics*? // *The issues of onomastics.* 2009. Vol. 7. P. 57-67.
34. Magazanik E.B., Roisenon L.I. *Onomastylistics and onomapoetics // The works of Samarkand university.* Samarkand, 1974. Iss. 264. P. 7–10.
35. Vasilieva N.V. *Terminography of transitional disciplines (on the example of literature onomastics) // Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of relevant problems of modern linguistics.* Nizhny Novgorod, 2016. P. 503-507.
36. Kalinkin V.M. *Meet poetonymology // The bulletin of Tambov university. Series “Philological sciences and culture studies”.* 2016. Vol. 2, iss. 4 (8). P. 18-27.
37. Kalinkin V.M. *Some preliminary notes to the theory of poetonym // The materials of the university scientific conference of professors and lecturers: Philological sciences.* Donetsk, 1997. P. 114-116.
38. Fomin A.A. *On the difference between linguistic and literature approaches to literature onomastics and its study // Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology.* Ekaterinburg, 2009. P. 271-273.
39. Popov S.A. *The main branches of Voronezh onomastics school // The bulletin of VSU. Series “Philology. Journalism”.* 2018. Vol. 4. P. 69-74.
40. Kovalev G.F. *The aspects of study of proper names in literature pieces // Selected works. Literature onomastics.* Voronezh, 2014. P. 3-27.
41. Korman B.O. *Selected works on theory and history of literature.* Izhevsk, 1992.
42. Kasatkina T.A. *What can be considered a biography event? // The issues of literature.* 2016. Vol. 2. P. 44-78.
43. Kovalev G.F. *To the understanding of autobiographism in literature onomastics // The relevant issues of modern philology and journalism.* 2018. Vol. 4 (31). P. 10-19.
44. Bem A.L. *Proper names in Dostoevsky’s books // The anthology in honour of prof. P. Miletich (1863-1933).* Sofia, 1933.
45. Mikhailov V.N. *Expressive qualities and functions of proper names in Russian literature // Philological sciences.* 1966. № 2. С. 54 – 66.
46. Kovalev G.F. *Literature onomastics as a field of mutual linguistics and literature studies // Russian philology without boundaries.* 2017. Vol. 2. P. 30-40.
47. Zabolotnaya S.A. *The name as the chronotope: on the key moments of text understanding // Filko. Shtip,* 2016. P. 217-223.

48. Belousiv A.F. The symbols of godforsaken province (the marking of Russian provincial towns) // The geopanorama of Russian culture: The province and its local texts. Moscow, 2004. P. 457-483.

49. Chekhov A.P. A letter to the Chekhovs, April 29th, 1890. Ekaterinburg // Chekhov A.P. Completed works and letters: in 30 vol. Letters: in 12 vol. Vol. 4. Letters: January, 1890 – February, 1892. Moscow, 1975. P. 70-73.

50. Berezovich E.L. Ethnolinguistic problems in the works on toponymics (1987-1998) // The bulletin of the Urals State University. 1999. Vol. 13. P. 128-141.

51. Bizzilli P.M. On birdish surnames // Voice (Golos). Sofia. 1929, February 4th.

52. Telegin S.M. Russian mythological novel. Moscow, 2008. 351 p. URL: <https://www.proza.ru/2019/07/11/908> (date of application – 10.01.2020).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'373.23(470.324)

*Воронежский государственный университет
аспирант кафедры славянской филологии
филологического факультета
Чэнь Цзыди
Россия, г. Воронеж, тел. +7 910-347-62-93
e-mail: zidichen@yandex.ru*

*Voronezh State University
Philological department
The chair of Slavonic philology
Post-graduate student
Chen Zidi
Russia, Voronezh, tel. +7 910-347-62-93
e-mail: zidichen@yandex.ru*

Цзыди Чэнь

ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ПОЧВ В МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В данной статье рассмотрены варианты наименования почвы в региональной культуре, перечислены микротопонимы, отражающие качество или тип почв в Воронежской области, и объяснено применение данных почв в крестьянской жизни. Почвы всегда играли важную роль в деятельности славян, их качества и характеристики влияют на жизнь человека, занимающегося сельским хозяйством, тем более в Воронежской области. В этом регионе распространены разнообразные типы почвы, широко применяющиеся в различных сферах. Прежде всего, это знаменитый чернозем – плодородная почва. Песок и глина постоянно используется в строительстве, а мел необходим в обрабатывающей промышленности. Не каждая почва подходит для производства сельскохозяйственной продукции: например, засоленная почва снижает плодородие и отрицательно влияет на рост и развитие большинства растений. Названия почв довольно прозрачно отражают региональную картину мира воронежского крестьянина, а микротопонимы, в составе которых есть эти названия, свидетельствуют о распространении тех или других типов почв на территории Воронежской области, в связи с чем уже по микротопониму можно судить, плодородна данная местность или нет.

Ключевые слова: топоним, микротопоним, производные онимы, значение онима, региональная ономастика, региональная картина мира.

Zidi Chen

THE SPECIFICITY OF SOILS AND ITS REFLECTION IN THE MICROTOPYNYMY OF THE VORONEZH REGION AS ONE OF THE ELEMENTS OF THE REGIONAL PICTURE OF THE WORLD

In the given article different versions of soil names in regional culture are considered, microtoponyms that reflect the quality or type of soils in Voronezh region are listed and the usage of these soils in peasant life are explained. Soils have always played an important part in the activities of Slavonic peoples, their qualities and characteristics affect the human life and agriculture, especially in Voronezh region. In this region various soils are widely spread and used in various spheres. First of all, we must mention famous black soil as a fertile type. Sand and clay are constantly used in construction and chalk is needed in the manufacturing industry. Not each type of soil is suitable for agriculture, for example, salted soil impairs the fertility and negatively affects the growth and development of most plants. Therefore, the

names of soil types directly reflect the regional picture of the world beared by Voronezh peasants and microtoponyms which include these names demonstrate the presence of certain soil types in the regional territory and consequently mark the fertility of soil in the given part of the region.

Key words: toponym, microtoponym, derived onyms, the meaning of onym, regional onomastic, regional picture of the world.

Земля – одна из основных (наряду с водой, огнем, воздухом) стихий мироздания; центральная часть трехчастной вселенной (небо – земля – преисподняя), населенная людьми и животными; символ женского плодоносящего начала и материнства.

Признаки характера или типа почв могут быть отмечены в народных верованиях, согласно которым она ведет себя как живое существо (точнее – женщина): спит, болеет, беременеет, рождает, стонет, плачет, гневается на людей за их грехи. Универсальная для всех славянских традиций женская символика земли раскрывается через метафору материнства и плодovitости – способности приносить урожай. Белорусы считали, что, принимая в себя семена, земля «беременеет» и дает новый урожай, что она всеобщая мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает. Известное в русских фольклорных текстах и фразеологии выражение *мать сыра-земля* обозначает оплодотворенную небесной влагой плодородную землю.

Представления о земле как месте обитания человека тесно связаны с понятием своего рода и родины. Переселенцы перед отъездом в чужую землю брали с собой горсть родной земли, чтобы прижиться на новом месте; так же поступали паломники и богомольцы, надолго покидавшие родные края, чтобы в случае смерти насыпать на глаза умершему или на его могилу «родной землицы». Святость родной земли определялась тем, что она «своя» и тем, что в ней похоронены родовые предки, родители. «Родительская» земля, взятая со своего двора или с могил родственников, считалась священной и способной защитить от бед. Соответственно, в заговорах все болезни, зло и несчастья отсылались «в чужую землю» [1; с. 180-182].

С землей как границей между человеческим и хтоническим мирами связана народная фразеология, обозначающая приближение смерти: «он уже землей пахнет» – говорили о безнадежно больном; «земляное дитя» – о ребенке, который долго не проживет (в.-слав.).

Номинации «почвенных» названий в микропонимии зависят от характера самой почвы и ее свойств. Материалом по микропонимии для данной статьи послужил двухтомный «Словарь микропонимии Воронежской области» Г.Ф. Ковалева [2].

Слово *земля* как производящее в воронежской микропонимии употреблено лишь два раза:

Земляной (Зимлиной) – овраг у с. Большой Самовец Эртильского р-на. Название дано потому, что склоны этого оврага почти лишены растительности.

Земляной (Зимлиной) – овраг у с. Новотроицкое Терновского р-на. Склоны оврага лишены растительности. *Зимлиной авра́х, весь абвалёнай, там ничаво ни растёт.*

Воронежский край справедливо называют еще Черноземным. Чернозем – это особая почва, которая формируется на лессовидных суглинках или лессах под влиянием умеренно-континентального климата с периодической сменой положительных и отрицательных температур и уровня увлажнения с участием живых микроорганизмов и беспозвоночных.

Ярчайшее тому свидетельство – привезенный в Париж на Всемирную выставку 1889 года в коллекции русских почв огромный монолит (кубометр), вырезанный из воронежского чернозема, который до сих пор хранится в столице Франции как уникал. Благодаря этому чернозем еще представляет собой эталон структуры и плодородия почв [3; с. 12].

Однако чернозем не просто плодородная почва: данное понятие намного шире. Обычная плодородная почва такова, что в ней концентрация питательных веществ столь высока, что их дополнительное внесение может отрицательно сказаться на росте растений. В черно-

земе же все вещества сбалансированы практически идеально и находятся в легкодоступной для растений форме.

Правда, жители области крайне редко называют свои улицы Черноземными, да и те названия, видимо, даны скорее ретивыми административными органами:

Чернозёмная (Чирназёмня) – ул. в с. Бабяково Новоусманского р-на;

Чернозёмная (Чирназёмная) – ул. в пос. Большие Базы Ольховатского р-на;

Чернозёмная (Чирназёмня) – ул. в пос. ВНИИСС Рамонского р-на;

Чернозёмная (Чирназёмня) – ул. в пгт. Латная Семилукского р-на;

Чернозёмная (Чирназёмная) – ул., проложенная по бывшему саду колхоза им. Кирова в р.п. Ольховатка. Название дано по прекрасному чернозему, на который, видимо, «чтобы его сохранить», начальство все никак не решалось положить асфальт, поэтому в любой дождь эта улица становится непроезжей.

Малочисленность указанных названий можно объяснить: все-таки основной массив наших земель – это классический чернозем, а выделяют всегда нечто особенное. Например, песчаные территории дали множество названий не только в названиях сел области, но и улиц, мест и проч. Это и *Пески́*, и *Пяски́*, и *Пёски*.

Песок, или песчаный грунт представляет собой сыпучий нерудный материал, используемый практически при любых строительных работах. Песчаные грунты сложены угловатыми и окатанными обломками минералов. Основная масса песков состоит из кварца и полевых шпатов. В качестве примесей всегда присутствуют другие минералы – силикаты, глинистые и т.д. Пески на поверхности земли имеют широкое распространение – как на суше, так и в морях.

Конечно, в рамках статьи нет возможности перечислить все имеющиеся топонимы, поэтому мы приводим в основном различающиеся варианты или одинаковые, но называющие разные объекты (лес, поле, овраг, улица). Вот эти названия:

Пески (Писки́) – ул. в с. Богана Борисоглебского р-на. Названа так по *песчаной* почве вдоль реки Богана и озера Ольха.

Пески (Пёски) – часть с. Братки Терновского р-на. По словам местных жителей, именно это место было заселено первым, как более возвышенное, и только затем *Село*. Название связано с тем, что здесь распространены в основном песчаные почвы.

Пески (Пёски) – исторический район г. Острогожска. Ранее это была отдельная слобода.

Пески (Писки́) – район и площадь в г. Россошь. Здесь была *песчаная* почва на огородах, много *песка* нанесла протекающая рядом р. Черная Калитва.

Песок (Писо́к) – ул. в с. Волоконовка Кантемировского р-на. Улица проходила по низине, весной затапливаемой половодьем, но в одном месте *песчаные* дюны.

Очень часто встречаем в качестве названия и другие варианты, характеризующие почву:

Песковатое (Пискава́тое) – озеро к востоку от с. Новая Калитва Россошанского р-на и еще 5 названий.

Песочек (Пясо́чик) – часть Щербачёвского пруда в с. Щербачёвка Панинского р-на. Это одно из излюбленных мест для купания, так как дно покрыто песком.

Песочки (Писо́чки) – большой *песчаный* пляж на реке Ворона, недалеко от г. Борисоглебск.

Песочная Яма (Писо́чная Яма) – ул. в с. Верхняя Хава. Возле этой улицы были расположены залежи строительного песка.

А *Песчаных* улиц не счесть: они есть в каждом районе, если почти не в каждом населенном пункте, их более пятидесяти, плюс еще более двух десятков переулков. Но это отнюдь не потому, что песка везде много. Выходы песка позволяют наладить производство со-

временных строительных материалов, к тому же хороший песчаный пляж – удовольствие далеко не частое. Такие места народ помечает особо:

Песочный Карьер (Писо́чный Карье́р) – место разработки строительного песка в пос. Грибановский.

Песчаный Яр (Пища́ный Яр) – овраг у с. Белая Горка Богучарского р-на. Почва в овраге песчаная.

Песчанка (Пища́нкъ) – пляж в пос. Ольховатка. Это общественный пляж с песчаным берегом и дном. Другое название – *Песочек*.

Имеются также озеро, овраг, место, пляж и т.д., названия которых содержат *песочный цвет*:

Золотенькое (Зало́тинькъе) – озеро в Хоперском заповеднике. Возможно, озеро имеет песчаные дно и берега, которые по цвету напоминают *золото*. (ВРВ. Н.-Хоп.)

Золотые Пески (Залат́ие Пески́) – пляж на р. Битюг у с. Коршево Бобровского р-на. Название указывает на особенность почвы – желтый, то есть *золотой*, песок. *А там, где асокъ, местньнъзывальс' Зълатыѣ Писки*.

Красный Песок (Кра́сный Писо́к) – место на реке для купания в с. Абрамовка Таловского р-на. Берег реки здесь образован преимущественно из красноватого песка, возможно, намытого из Красной Лощины.

Белый Озер (Бе́лый о́зир) – название затона с белым зернистым песком на р. Битюг у с. Старая Чигла Аннинского р-на.

Карьеров по добыче песка или камня в Воронежской области достаточно много - и под Воронежем в Стрелице (песчаник), и под Павловском (гранит), и в целом ряде других мест:

Карьер (Карье́р) – место рыбной ловли на р. Девица у с. Хохол. Название дано по ближнему *карьеру* (месту добычи строительного песка).

Карьерная (Карье́рнья) – ул. в г. Борисоглебске. Возникла в 1974 г. Названа так, поскольку выходила на песчаный *карьер*, богатый формовочным песком.

Карьерный (Карье́рный) – пруд у с. Девица Семилукского р-на. Название дано по ближнему *карьеру* (месту добычи строительных материалов).

Кроме того, в Воронежской области еще добывается мел.

Хотя практически почти на всей территории области заметны песчаные выходы, однако же все Белогорье-Дивногорье – меловое, потому что раньше являлось дном моря. 90 млн. лет назад в Европе, в нижней области великого моря, накапливался ил. На морском мусоре жили простейшие. Их частицы включали в себя кальцит, извлеченный из воды. Меловая группа стратиграфического европейского подразделения появилась во время одноименного периода. Именно эти останки и стали основой мела.

Но преимущественно порода состоит из образований водорослей и мелкодисперсных соединений. Таким образом, исследователи делают вывод, что появление мела – заслуга растений.

Целые районы Воронежской области являются практически меловыми - одних только улиц *Меловая* с одноименными переулками встречается более двадцати раз, а также:

Меловая Гора (Милава́я Гарá) – холм рядом с посёлком совхоза «Нижедевицкий» в с. Кучугуры Нижнедевицкого р-на: *Там о́чень мно́гъ ме́ль, и до́лгый вре́мь в на́шем калхо́зь жгли тут ѳзвисьть са́ми*.

Мелки (Мялкі́) – родник в с. Еманча-Вторая Хохольского р-на. Так он назван из-за привкуса *мела*, поскольку вытекает из *меловой* почвы.

Меловатка (Милова́тка) – часть с. Верхнее Турово Нижнедевицкого р-на. Здесь есть выходы *мела*. Существует еще пять мест с таким же названием.

Меловка (Мило́вка) – речка у с. Лебяжье Нижнедевицкого р-на. Названа так из-за выходов *мела* по ее берегам.

Меловой Бор (Милово́й Бор) – название памятника природы у с. Нижний Карабут Рос-

сошанского р-на.

Конечно, еще есть микротопонимы со значением цвета, которые четко указывают на цвет меловой почвы:

Белый Халат (Бѣлый Халат) – поле в с. Кривая Поляна Острогожского р-на. Название указывает на особенность почвы – встречаются участки меловой почвы белого цвета.

Белоголовая Гора, Белая Горка (Белоголoвая Горá, Бѣлая Гóрка) – возвышенность у с. Гремяче Хохольского р-на. Название указывает на особенность почвы – она меловая, белого цвета.

То же самое наблюдается и в украиноязычных районах области (мел по-украински – *крейда*, которое заимствовано через польский язык из немецкого):

Крейда (Крѣйда) – ул. в с. Волоконовка Кантемировского р-на. Рядом с улицей расположен меловой карьер с тем же названием.

Крейда (Крѣйда) – небольшая меловая возвышенность на окраине слободы Караяшник Ольховатского р-на. Название идет от укр. *крейда* – ‘мел’.

Крейда на западе (Крѣйда на запáде, на запáдне) – урочище у с. Залужного Лискинского р-на. В урочище охраняются реликтовые растения.

Крейдянка (Крѣйдянка) – пологий меловой склон в с. Старая Калитва Россошанского р-на.

В карьерах Воронежской области также добывают глину.

В 15 километрах западнее города Воронежа находится Латненское месторождение глины, известное со 2-й половины XIX века.

Глина – это удивительный минерал, используемый человеком с древнейших времен и до наших дней. Жизнь древних людей была неразрывно связана с глиной. Первоначально глины использовались для керамических предметов быта, а затем уникальных огнеупорных изделий различного параметра и конфигурации. В России слово *посуда* первый раз встречается в XVII веке; производство посуды было ручным, и делали ее из простой глины, например: *горшок, ендова, макитра, канопка* и т.д.

Самым важным свойством глины является ее способность сохранять тепло, поэтому глину еще применяют в строительстве и сегодня. Из глины изготавливают несущие конструкции, разводят раствор для кладки печей, изготавливают кирпич; глиной штукатурят стены.

Одноименных «глиняных» озер и прудов в области более пяти, а также:

Глиняная (Глiннѣя) – дорога в с. Русская Гвоздѣвка Семилукского р-на. Видимо, дорога была с выходами *глины*, поэтому после различных осадков становилась тяжелой.

Глиняная (Глiннѣя) – ул. в с. Нижний Мамон-1 Верхнемамонского р-на. Когда-то так называлась часть села (*Глiнное*), поскольку почва здесь богата глиной. Официальное название – улица *Ульяновская*. «*На Глiнной дамá ищѣ бѣдут стрóить*».

Глиняный Лог (Глiнинный Лох) – низинное место в с. Верхняя Хава. Рядом с логом располагался кирпичный завод, поэтому территория была завалена *глиной* и песком.

Глиняный (Глиняный) – карьер на восточной окраине г. Россошь.

Так же, как песок и мел, глина отражена в названиях ойконимов по цвету:

Красный Яр (Крáсный Яр) – хутор в Ольховатском р-не. Назван по близлежащему оврагу с *красной* глиной, залежи которой выходят на поверхность, придавая склонам оврага красный оттенок.

Красный Яр (Крáсный Яр) – ул. в с. Сухой Донец Богучарского р-на. Первая часть названия указывает на особенность почвы – красная глина, а вторая характеризует рельеф – посреди широкой улицы был яр, овраг. Официальное название – улица *Аплѣтова*.

Белый Колодец (Бѣлый Колóдец) – источник у с. Гремяче Хохольского р-на. Назван так потому, что родник вытекает из почвы, состоящей из *белой* глины.

Белоглинка (Белогли́нка) – место восточнее с. Копаная Ольховатского р-на, где было много залежей белой глины. В этих местах «белоглинка» поселилась казацкая сотня, поэтому хутор на этом месте назвали Новосотнецкий.

И последний вид почвы в Воронежской области – засоленные почвы. Это группа почв, содержит много различных легкорастворимых солей, которые снижают плодородие и отрицательно влияют на рост и развитие большинства растений [4; с. 854].

Практически во всех районах области встречаются названия по солонцам - такие, как:

Солонцы Дальние (Саланцы́ Да́льнийь) – часть села (бывший хутор) и ул. в с. Лосево Семилукского р-на. Когда-то, видимо, в селе было и название просто *Солонцы*, но оно, скорее всего, застроилось, и название качества почвы в этом месте ушло в прошлое.

Солонцовая (Съланцо́вья) – поляна в с. Средний Карачан Грибановского р-на. Название идет от засоленной почвы (*солонéц*).

Солонцы (Съланцы́) – ул. в с. Верхняя Хава. Раньше здесь было солонцовое болото с выступающей на поверхность солёной грязью. Официальное название – ул. Октябрьская.

Солонцы (Солонцы́) – урочище у с. Подколодновка Богучарского р-на. Название указывает на особенность почвы – она *солёная*.

Таким образом, в Воронежской области жители располагают землей разнообразного характера, для населения крайне важны не только чернозем, но и песчаная, и глинистая почвы. В частности для строительства важны глина, мел и меловая почва. Но даже на солонцах встречаются растения, которые являются уникальными памятниками природы.

Кроме того, через эти названия жители не только получают прямое познание окружающей действительности (непосредственная картина мира), но и материализуют существующую в сознании жителей непосредственную картину мира (опосредованная картина мира). Так же познается языковая и художественная картина мира (сравните устойчивое наименование *мать сыра-земля*, которон отражает и мифологическое представление). Поэтому лексемы, обозначающие виды почв, действительно являются одним из важных элементов региональной картины мира.

Библиографический список

1. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
2. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимии Воронежской области. В 2-х т. Воронеж: Наука-Пресс, 2017.
3. Апарин Б.Ф., Русаков А.В., Булгаков Д.С. Бонитировка почв и основы государственного земельного кадастра. Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. 88 с.
4. Панкова Е.И., Воробьева Л.А. Засоленные почвы России. М.: Изд. ИКЦ «Академкнига», 2006. 854 с.

References

1. Slavonic mythology. Encyclopedic dictionary. 2nd edition. Moscow, 2002. 512 p.
2. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponymy of Voronezh region. In 2 vol. Voronezh, 2017.
3. Aparin. B.F., Rusakov A.V., Bulgakov D.S. Soil appraisal and the basis of the state land cadastre. St.-Petersburg University, 2002. 88 p.
4. Pankova E.I., Vorobyova L.A. Salted soils of Russia. Moscow, 2006. 854 p.

УДК 81'373.221:801.631.5

*Тольяттинский государственный университет
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка, литературы
и лингвокриминалистики
Соколова М.Г.
Россия, г. Тольятти,
e-mail: msok71@mail.ru*

*Togliatti State University,
Department of Russian language, literature
and linguistic criminalistics Ph.D.
(Pedagogy), Associate Professor,
Sokolova M.G.
Russia, Togliatti
e-mail: msok71@mail.ru*

М.Г. Соколова

ДЕНДРОНИМ КЛЁН КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА С.А. ЕСЕНИНА

В статье рассматриваются компаративные тропы с компонентом-дендронимом *клён* в поэтических текстах С. А. Есенина как средство репрезентации образной поэтической картины мира автора. Цель статьи – выявить образные парадигмы с компонентом-дендронимом *клён* и определить специфику их функционирования в поэтических текстах С. А. Есенина. В исследовании анализируется ассоциативно-образный уровень репрезентации поэтической картины мира С. А. Есенина с позиций теории воспроизводимости и парадигматичности поэтических образов, а также лексической семантики. В результате проведенного исследования установлено, что в репрезентации авторской поэтической картины мира преобладают компаративные тропы с образами сравнения двух тематических сфер – *Человек* и *Животное*: 1) *клён* – поведение человека; 2) *клён* – части тела человека; 3) человек – *клён*; 4) *клён* – социальные признаки человека; 5) *клён* – библейские, мифологические существа; 6) *клён* – звери. Определены универсальные (*клён* – *кудри*, *клён* – *одежда*, *клён* – *сторож*, *лирический герой* – *клён*) и индивидуальные (*кленёночек* – *детеныш животного* и *клён* – *конь*) образы сравнения. Выявлены способы семантической трансформации традиционных для русской поэзии образных средств: олицетворяющий контекст, авторские тропы, индивидуальные символические значения («*клён* – предчувствие трагической гибели поэта», «*клён* – потеря жизненной опоры и стойкости»). Автор приходит к выводу, что существенными особенностями поэтической картины мира С. А. Есенина являются гармоническое единство человека, растительного и животного мира; отношение к дереву как модели человека и мироустройства; связь с народно-поэтической традицией образного параллелизма, посредством которого *клён* характеризует внешний образ и внутренний мир лирического героя стихотворений.

Ключевые слова: С. А. Есенин, дендроним, поэтическая картина мира, символ, тропы, образная парадигма, семантическая трансформация.

M.G. Sokolova

DENDRONYM MAPLE AS A REFLECTION OF THE POETIC IMAGERY OF THE WORLDVIEW OF S. A. YESENIN

The article deals with comparative tropes with the component-the dendronym maple in the poetic texts of S. A. Yesenin as a means of figurative representation of the author's poetic picture of the world. The purpose of this article is to identify the figurative paradigms with the component-the dendronym maple and to define specifics of their functioning in poetic texts by S. A. Esenin in the aspect of the reflection shaped picture of the world. The study analyzes the associative-figurative level of the representation of the poetic picture of the world by S. A. Yesenin from the standpoint of the theory of reproducibility and paradigmaticity of poetic images, as well as lexical semantics. As a result of the research, it was found that the representation of the author's poetic picture of the world is dominated by comparative tropes with images of comparison of two thematic spheres – *Man* and *Animal*: 1) maple – human behavior; 2) maple – parts of the human body; 3) man – maple; 4) maple – social signs of man; 5) maple – biblical, mythological creatures;

б) maple – animals. Universal (maple – curls, maple – clothes, maple – watchman, "lyrical hero – maple) and individual images of comparison (*maple* – baby animal and *maple* – horse) are defined. The author reveals the ways of semantic transformation of traditional Russian poetry images of comparison: context personifying, author's tropes, individual symbolic means ("maple – poet's tragic death premonition", "maple – loss of stability"). The author comes to the conclusion that the essential features of the poetic picture of the world S. A. Yesenin are the harmonious unity of human, plant and animal life; author's attitude to the tree-like model of man and world; the relationship with the folk poetic tradition of figurative parallelism, through which maple characterises the external image and the inner world of the lyrical poems.

Key words: S. A. Yesenin, dendronym, poetic worldview, the symbol, tropes, figurative paradigm, semantic transformation.

Всесторонний анализ образной картины мира является важнейшей задачей современной лингвистики. Под образной картиной мира понимается «способ образного отражения» окружающей действительности [1; с. 183]. Специфика данной картины мира заключается в том, она формируется прежде всего как поэтическая картина мира: «нормированный язык непосредственно связан с концептуальной картиной мира, язык поэтический (в его специфике) – с образной моделью мира» [1; с. 182]. Это обусловлено значимостью образных средств языка в передаче художественных смыслов поэтического слова. Посредством поэтической картины мира осуществляется авторское мировидение «через отбор, оценку, установление существенных для автора отношений» [2; с. 135].

При этом минимальной единицей – способом выражения образной картины мира – является конкретное слово в поэтическом языке как «исторически изменяющаяся, обогащающаяся и постепенно усложняющаяся упорядоченная структура» [1; с. 154]. В научных исследованиях данная единица не получила однозначного обозначения: слово-образ [3], понятие-образ [4], экспрессема [1], идеосемантика слова [5].

Структура слова как единицы выражения образной картины мира включает поэтические контексты образного употребления слова в составе тропов различного вида (олицетворения, сочетания с генитивом, сравнения-метафоры, сравнения, метафорические перифразы и т. п.) [1; 6].

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются компаративные тропы с компонентом-дендронимом *клён* в поэтических текстах С. А. Есенина как средство репрезентации поэтической картины мира автора. Роль дендронимов в образной системе автора раскрывалась в филологических работах в связи с исследованием идиостиля автора [7–9]. Непосредственно к поэтическому образу клёна в лирике С. А. Есенина обращался М. Н. Эпштейн [10]. Динамика функционирования данного образа в аспекте языковых средств репрезентации в творчестве С. А. Есенина рассмотрена в нашей статье [11]. Несмотря на имеющиеся публикации в области исследуемой проблемы, описание дендронима *клён* как важного элемента образной поэтической картины мира С. А. Есенина еще не получило исчерпывающего и глубокого освещения в лингвистической литературе. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Цель статьи – выявить образные парадигмы с компонентом-дендронимом *клён* и определить специфику их функционирования в поэтических текстах С. А. Есенина в аспекте отражения образной картины мира. Достижение поставленной цели связывается нами с решением следующих задач: 1) определить состав образов сравнения, характеризующих *клён*; 2) установить тематические сферы, послужившие их источником; 3) выявить семантические трансформации универсальных образов сравнения в поэтических произведениях С. А. Есенина.

В предлагаемой работе ассоциативно-образный уровень репрезентации поэтической картины мира С. А. Есенина анализируется с позиций теории воспроизводимости и парадигматичности поэтических образов [12; 13], а также лексической семантики [14; 15]. В соответствии с обозначенными позициями компаративные тропы как минимальные единицы ре-

презентации авторского поэтического мировидения объединяются в более крупные единицы – образные парадигмы, т. е. инварианты группы близких поэтических образов, связанных отношениями отождествления [13], например, *клён – человек*.

Кроме того, предпринимаемый анализ осуществляется в аспекте оппозиции «универсальное – индивидуальное», понимаемой нами как устойчивое, повторяющееся в общепоэтическом языке – отражающее специфику авторского идиостиля.

Материалом для исследования послужили 17 поэтических контекстов С. А. Есенина, содержащих 23 примера тропеического словоупотребления дендронима *клён*. Источником исследуемого материала явился поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка¹. Новизна проведенного исследования определяется тем, что в нем выявляется семантический потенциал *клёна* как способа выражения образной картины мира С. А. Есенина.

Как показал анализируемый материал, самыми активными источниками образов сравнения, характеризующих *клён*, послужили две тематические сферы – *Человек* и *Животное* (65% образов сравнения). Активность данных сфер объясняется особенностями миропонимания автора, в соответствии с которым человек, растительный и животный мир неразрывно связаны, образуют гармоническое единство [7].

Представим состав выявленных антропоморфных и зооморфных образов сравнения:

1) *клён – поведение человека*: *Как будто бы на корточки погреться / Присел наш клён перед костром зари* (С. А. Есенин. Исповедь хулигана. 1920); *Где-то на поляне клён танцует пьяный* (С. А. Есенин «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...». 1925);

2) *клён – части тела человека*: *Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом...». 1918); *И клёны морщатся ушами длинных веток* (С. А. Есенин. Русь советская. 1924);

3) *человек – клён*:

– состояние лирического героя – *клён*: *Ах, и сам я нынче той-то стал нестойкий, / Не дойду до дома с дружеской попойки* (С. А. Есенин «**Клён** ты мой опавший, *клён* заледенелый...». 1925);

– возраст лирического героя – *клён*: *Нынче – юность моя отшумела, / Как подгнивший под окнами клён* (С. А. Есенин. Сукин сын. 1924); *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а всюю зеленым* (С. А. Есенин «Клён ты мой опавший, *клён* заледенелый...». 1925);

4) *клён – социальные признаки человека*:

– *клён – парень*: *Или что увидел? Или что услышал? / Словно за деревню погулять ты вышел* (С. А. Есенин «**Клён** ты мой опавший, *клён* заледенелый...». 1925);

– *клён – сторож*: *Стережет голубую Русь / Старый клён на одной ноге* (С. А. Есенин. «Я покинул родимый дом...». 1918); *и как пьяный сторож, выйдя на дорогу, / Утонул в сугробе, приморозил ногу* (С. А. Есенин «**Клён** ты мой опавший, *клён* заледенелый...». 1925);

– *клён – бедняк* (как социальное понятие): *Мой бедный клён! / Прости, что я тебя обидел. / Твоя одежда в рваном виде, / Но будешь / Новой наделен. / Без ордера тебе апрель / Зеленую отпустит шапку* (С. А. Есенин. Весна. 1924);

5) *клён – библейские, мифологические и т. п. существа*: *Вот приходит осень / С цепью клёнов голых, / Что шумит, как восемь / Чертенят веселых* (С. А. Есенин. Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве. 1925);

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2020). Все примеры приводятся по данному источнику.

б) клён – звери: *Кленёночек маленький матке / Зеленое вымя сосет* (С. А. Есенин «Там, где капустные грядки...». 1910); *Клён и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят* (С. А. Есенин «Дорогая, сядем рядом...». 1923).

Специфика функционирования антропоморфных и зооморфных парадигм проявляется в том, что с их помощью характеризуются такие онтологические свойства изображаемой реалии, как густая крона, тонкий ствол дерева, резной лист, движения дерева, падение листьев, послужившие основанием для представленных авторских ассоциаций.

Другой аспект, отражающий специфику функционирования образов сравнения, характеризующих дендроним *клён* в поэтических контекстах, заключается в их описании по признаку «универсальные (устойчивые, повторяющиеся в русской поэзии) и индивидуальные образы сравнения».

Универсальные для русской поэзии и идиостиля автора парадигмы представлены следующими поэтическими формулами (соответствующие иллюстративные примеры из произведений С. А. Есенина приведены выше): клён – кудри (встречается у В. К. Кюхельбекера, Н. Н. Зарудина, И. О. Лялечкина, А. И. Тинякова); клён – одежда (реализуется у А. С. Хомякова, С. А. Андреевского, П. Н. Васильева, С. В. Петрова, И. Л. Сельвинского, Н. А. Клюева); клён – сторож (используется И. Н. Молчановым, В. В. Маяковским); лирический герой – клён (использует И. Ф. Анненский, А. А. Фет, А. А. Блок).

К индивидуальным образам сравнения, передающим особенности крестьянского авторского мировидения, относятся *кленёночек – детеныш животного* и *клён – конь*. С помощью первого образа сравнения картина природы (изображение двух клёнов) уподобляется ситуации кормления детеныша матерью (посредством окказионального диминутива *кленёночек* и лексемы *матка*), что позволяет воссоздать гармонию и красоту поэтического мира. Во втором метафорическом сопоставлении осенний листопад ассоциируется с очесыванием коня скребницей: *И жёлтый ветер осенницы / Не потому ль, синь рябью тронув, / Как будто бы с коней скребницей, / Очёсывает листья с клёнов* (С. А. Есенин. Сорокоуст. 1920).

С. А. Есенин, используя универсальные поэтические формулы и продолжая тем самым общепозэтическую традицию изображения клёна, творчески трансформирует и обновляет их, что также отражает специфику репрезентации поэтической картины мира. Так, в стихотворениях С. А. Есенина впервые в русской поэзии семантический признак ‘кудрявый’, актуализируемый образом сравнения *клён – кудри*, реализуется в сочетании с другими признаками (‘голова’, ‘нога’, ‘смотреть’), формирующими детализированный персонифицированный образ клёна: «множество «клёнов» воссоединилось и обрело образное ядро в клёне, созданном С. Есениным» [10; с. 7]. Данный образ получает воплощение в творчестве последующих поколений поэтов, в частности И. Л. Сельвинского: *Только вдруг мой старый клён / Вскинул весело кудрями / И пошел в полупоклон, / Подбоченившись ветвями* (И.Л. Сельвинский. Клён. 1934).

Традиционная для русской поэзии метафора *клён – одежда* получает в творчестве С. А. Есенина обновление в контексте авторского тропа, в котором весеннее расцветание дерева сравнивается с одеванием человека: *наделен одеждой, без ордера отпустят шапку*.

Устойчивая общепозэтическая ассоциация «лирический герой – клён» в контексте произведений С. А. Есенина получает семантическое осложнение в виде *я-дерева*, т. е. отождествления лирического героя с клёном. Данное отождествление соответствует авторской концепции дерева как модели человека и мироустройства, сформулированной поэтом в «Ключах Марии» [16]. Кроме того, рассматриваемый персонифицированный образ *я-дерева* восходит к народно-поэтической традиции образного параллелизма [17].

Дендроним *клён* в контексте персонифицированного образа *я-дерева* наполняется индивидуальными символическими значениями и трагической коннотацией: 1) клён – предчувствие трагической гибели поэта, 2) клён – потеря жизненной опоры и стойкости. Данные символические значения выделены нами в контекстах поэтических произведений «Метель»

(1924), «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...» (1925), «Я усталым таким еще не был...» (1923).

Символическое значение «клён – предчувствие трагической гибели поэта» актуализируется с помощью деструктивных образов сравнения *клён – позорный столб*, *клён – гнусавит хрипло: Он просто столб позорный – / На нем бы вешать / Иль отдать на слом* (С. А. Есенин. Метель 1924). В контексте стихотворения отмечается параллелизм двух образов – казни дерева и казни лирического героя, которую предчувствует поэт: *И первого / Меня повесить нужно, / Скрестив мне руки за спиной / За то, что песней / Хриплой и недужной / Мешал я спать / Стране родной*. Поэтический образ сна объясняет причину такого трагического исхода: «*мешал спать / Стране родной*», т. е. не мирился пассивным бездеятельным существованием.

Символическое значение «клён – потеря жизненной опоры и стойкости» репрезентируется образом сравнения *клен – пьяный человек* (образ повторяется при характеристике другого дендронима – *тополь*): *Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, / Не дойду до дома с дружеской попойки* (С.А. Есенин «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...». 1925) *Буря воет, буря злится, / Из-за туч луна, как птица, / Проскользнуть крылом стремится, / Освещающая рыхлый снег. / Страшно хочется подражаться / С пьяным тополем в саду* (С.А. Есенин. Буря воет, буря злится. 1925). Представленный образ сравнения выражает деструктивные значения «хулиганства» лирического героя, жажды разрушения, вызванной внутренним разладом из-за проводимой политики в отношении русской деревни.

Таким образом, дендроним *клён* является важной частью образной поэтической картины мира С. А. Есенина. В её репрезентации преобладают компаративные тропы с образами сравнения двух тематических сфер – *Человек* и *Животное*: 1) *клён* – поведение человека: *гуляет, гнусавит, танцует* и др.; 2) *клён* – части тела человека: *ноги, кудрявая голова, уши*; 3) человек – *клён*: лирический герой; 4) *клён* – социальные признаки человека: *бедняк, парень, сторож*; 5) *клён* – библейские, мифологические и т. п. существа; 6) *клён* – звери: *детеныш животного, конь, животное, протягивающее лапу*.

По отношению к поэтической традиции образы сравнения, используемые поэтом, распределяются на универсальные (повторяющиеся) для русской поэзии и идиостиля автора парадигмы и индивидуальные, отражающие особенности авторского мировидения. К числу универсальных образов сравнения отнесены *клён – кудри*, *клён – одежда*, *клён – сторож*, *лирический герой – клён*, которые в образной поэтической картине мира С. А. Есенина получают семантическую трансформацию. Индивидуальными образами сравнения являются *кленёночек – детеныш животного* и *клён – конь*.

К способам трансформации традиционных для русской поэзии образов сравнения относятся олицетворяющий контекст, с помощью которого формируется детализированный персонафицированный образ клёна, и авторские тропы, обновляющие традиционную для русской поэзии поэтическую формулу *клён – одежда*.

Семантическое осложнение приобретает общепозэтическая ассоциация *лирический герой – клён*, которая в контексте произведений С. А. Есенина реализуется в виде «я-дерева» и наполняется индивидуальными символическими значениями и трагической коннотацией: 1) *клён* – предчувствие трагической гибели поэта, 2) *клён* – потеря жизненной опоры и стойкости.

Специфика функционирования антропоморфных и зооморфных образов сравнения заключается в том, что они не только ярко и экспрессивно изображают онтологические свойства реалии, но и репрезентируют существенные особенности поэтической картины мира С. А. Есенина. Среди них следует выделить гармоническое единство человека, растительного и животного мира; авторское отношение к дереву как модели человека и мироустройства; связь с народно-поэтической традицией образного параллелизма. С помощью выявленных

образов сравнения характеризуется также внешний образ и драматичный внутренний мир лирического героя стихотворений.

Библиографический список

1. Григорьев В. П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М. : Наука, 1979. 343 с.
2. Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987: сборник / Отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1989. С. 134–151.
3. Кожина М. Н., Баженова Е. А. Художественный стиль речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 594–608
4. Поцепня Д. М. Семантика слова в языке и художественной речи // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография, сост. Л. А. Ивашко и др.; отв. ред. Д. М. Поцепня. Санкт-Петербург, 2002. С. 114–127.
5. Абаев В. И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление = Le langage et la mentalité: [сборник статей]. Вып. 11 / Акад. наук СССР, Ин-т языка и мышления. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 13–28.
6. Иванян Е. П., Иванова П. С. Прием смешения средств разных стилей в окказиональных сравнениях художественного текста // Наука и культура России. 2016. Т.1. С.155–158.
7. Доманский, В. А. Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 111-летию со дня рождения С. А. Есенина / [редкол.: О. Е. Воронова и др.]. М. ; Константиново : Пресса, 2007. С. 189–200.
8. Кур-Кононович И. Роль ивы в поэзии С. А. Есенина // Acta Universitatis Iodzensis. Folia linguistica rossica 14: Język, pragmatyka, komunikacja międzykulturowa = Язык, прагматика, межкультурная коммуникация / pod red. Blumental. Łódź : Wydaw. Uniwers. Łódzkiego, 2017. С. 99–111.
9. Юшин П. Ф. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция. М. : Изд-во Московского университета, 1969. 479 с.
10. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990. 303с.
11. Соколова М. Г. Динамика образа клена в лирике С. А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 4. С. 35–40.
12. Кожевникова Н. А. Гнезда тропов русской литературы XIX–XX веков // Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С.601–604.
13. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М. : «Азбуковник», 2004. 527 с.
14. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие по направлению «Филологическое образование». Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
15. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М. : Ленанд, 2006. 184 с.
16. Есенин С. А. Ключи Марии // Сочинения / Сост., вступ. статья и коммент. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1991. С. 584–602.
17. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И. К. Горского; Коммент. В. В. Мочаловой. М. : Высш. шк., 1989. 404 с.

References

1. Grigor'ev V.P. Poetics of the word: on the material of Russian Soviet poetry. Moscow, Nauka, 1979. 343 p. (In Russ.)
2. Revzina O.G. System-functional approach in linguistic poetics // Problems of structural linguistics. 1985–1987: a collection / ed. V.P. Grigor'ev. Moscow, Nauka, 1989. P. 134–151. (In Russ.)
3. Kozhina M.N., Bazhenova E.A. Artistic style of speech // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / ed. M.N. Kozhina. Moscow, Flint: Nauka, 2003. P. 594–608. (In Russ.)
4. Potsepnaya D.M. The semantics of the word in language and speech art // Modern Russian language: Lexicology. Phraseology. Lexicography / comp. L.A. Ivashko et al.; ed. D.M. Potsepnaya. Saint Petersburg, 2002. P. 114–127. (In Russ.)
5. Abaev V.I. the Concept of ideosemantic // Language and thinking: [collection of articles]. Vol. 11 / Acad. Sciences of the USSR. Moscow; Leningrad, Akad. sciences of the USSR publ., 1948. P. 13–28. (In Russ.)
6. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Reception of mixing of means of different styles in occasional comparisons of the literary text // Science and culture of Russia. 2016. Vol. 1. P. 155–158. (In Russ.)
7. Domanskiy, V. A. Dendronyms in the works of Esenin // Yesenin's encyclopedia: the Concept. Problems. Prospects: materials of the International scientific conference dedicated to the 111th anniversary of S. A. Yesenin's birth / [ed. O. E. Voronova et al.]. Moscow; Konstantinovo, Press, 2007. P. 189–200. (In Russ.)
8. Kur-Kononovich I. The role of eve in the poetry of S.A. Yesenin // Acta Universitatis Iodzensis. Folia linguistica rossica: Language, pragmatics, communication intercultural / Ed. I. Blumental. 2017. No 14. P. 99–111. (In Russ.)
9. Yushin P.F. Sergey Yesenin: Ideological and creative evolution. Moscow, Moscow University publ., 1969. 479 p.
10. Jepshtejn M.N. «Nature, the world, hiding of the universe...»: a system of landscape images in Russian poetry. Moscow, Higher school, 1990. 303 p. (In Russ.)
11. Sokolova M.G. The dynamics of the image of a maple in Sergei Yesenin's lyrics: linguistic and poetic aspect // Rusistics without borders. 2017. Vol. 1. No. 4. P. 35–40 (In Russ.)
12. Kozhevnikova N.A. Nests of tropes of Russian literature of the XIX-XX centuries // Selected works on the language of fiction / comp. E.V. Krasil'nikova, E.Yu. Kukushkina, Z.Yu. Petrova; under the general ed. Z.Yu. Petrovov. Moscow, Sign. 2009. P. 601–604. (In Russ.)
13. Pavlovich N.V. Language of images. Paradigm images in Russian poetry of the language. Moscow, Azbukovnik, 2004. 527 p. (In Russ.)
14. Nikitin M.V. Course of linguistic semantics: textbook. Saint-Petersburg, Herzen university, 2007. 819 p. (In Russ.)
15. Moskvina V.P. Russian metaphor: Essay of semiotic theory. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, Lenand, 2006. 184 p. (In Russ.)
16. Veselovskiy A.N. Historical poetics. Introduction I.K. Gorsky; Comment. V.V. Mochalova. Moscow, Higher school, 1989. 404 p. (In Russ.)
17. Esenin S.A. Keys of Mary // Essays / Comp., introductory article and commentary by A. Kozlovskiy. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1991. P. 584–602. (In Russ.)

УДК 801.313.1:725.838:796.332

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж, тел. + 7(900)928-52-23
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh, tel. +7(900)928-52-23
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Воронежский государственный университет
магистр кафедры гуманитарных наук и искусств
Попова М.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(951)878-19-19
e-mail: Masyanya-99@mail.ru*

*Voronezh state University
The chair arts and humanities department
Master Popova M.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(951)878-19-19
e-mail: Masyanya-99@mail.ru*

Е.О. Кузьминых, М.А. Попова

СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ФУТБОЛЬНЫХ КЛУБОВ

Данная статья посвящена изучению особенностей наименования советских и российских футбольных клубов. Актуальность представленного исследования связана с тем, что современные футбольные клубы вынуждены развиваться в условиях рыночной конкуренции, а название клуба становится одним из способов продвижения и важным средством воздействия на потребителя, однако объемных, полноценных исследований обозначенной темы на сегодняшний день не существует. Основной целью исследования является выявление наиболее продуктивных способов наименования отечественных футбольных клубов, а также обозначение основных составляющих языкового образа футбола. В статье исследовано более 300 наименований клубов, классифицированных по различным основаниям: времени создания, способам словообразования, семантике. Выявлено, что при создании названий футбольных клубов используется ограниченное количество способов словообразования, наиболее продуктивными из которых являются суффиксация, аббревиация, сложение основ. Одной из характерных особенностей современного периода (2000-е годы) следует считать усложнение наименований, вызванное желанием владельцев клуба использовать его название в качестве рекламы спонсирующего предприятия. Приметой постперестроечного периода становится использование нумерализации в качестве одного из продуктивных способов образования названий. Замечено, что большинство имен клубов связано с ключевой деятельностью организации, профессиями, полным названием предприятия, которому принадлежит клуб, а также указывают на сам город или регион, к которому относится клуб; достаточно частотны названия, отсылающие к наименованиям географических объектов. Особую группу наименований составляют символические названия, большая часть которых образована путем использования онимов других разрядов в качестве спортивных эргонимов. Отмечено, что чаще всего в названиях спортивных футбольных клубов применяются топонимы и мифонимы и фактически не востребованы антропонимы. В результате классификации и анализа названий-символов выявляются ключевые значения, входящие в языковой образ отечественного футбола: «стойкость в борьбе», «сила в движении», «скорость», «высшая точка», «связь с небом», «огонь», «свет», «бой, война, защита», «праздник», «драгоценность», «связь с античностью», «исполинская мощь», «сила».

Ключевые слова: эргонимы, спорт, футбольные клубы, символические названия, языковой образ.

Е.О. Kuzminykh, М.А. Popova

THE SPECIFICITY OF NAMING OF SOVIET AND RUSSIAN FOOTBALL CLUBS

This article is devoted to the study of naming specificity of Soviet and Russian football clubs. The relevance of the presented research is due to the fact that modern football clubs have to develop in conditions of market competition, and the name of the club becomes one of the ways of promotion and an important means of influence on the consumer, but there are no large-scale, completed studies of the mentioned topic today. The main purpose of the study is to identify the most productive ways of naming domestic football clubs, as well as to identify the main components of the language image of football. The article examines more than 300 names of clubs classified on various grounds: the time of creation, methods of word formation, and semantics. It is revealed that when creating names of football clubs, a limited number of ways of word formation are used, the most productive of which are suffixation, abbreviation and addition of basements. One of the typical features of the modern period (the 2000s) is a complication of names caused by the desire of the club owners to use its name as an advertisement for the sponsoring company. A sign of the post-perestroika period is the use of numbering as one of the productive ways of forming names. It is noted that most of the club names are associated with the key activities of the organization, professions and the name of the company to which the club belongs, as well as indicate the city or region to which the club belongs. Quite often the names refer to the names of geographical objects. A special group of names consists of symbolic names, most of which are formed by using onyms of other categories as sports ergonyms. It is noted that most often toponyms and mythonyms are used in the names of sports football clubs and anthroponyms are not actually in demand. As a result of classification and analysis of names and symbols, the key values included in the language image of Russian football are the following: "resistance in the fight", "strength in movement", "speed", "highest point", "connection with the sky", "fire", "light", "battle, war, protection", "holiday", "jewel", "connection with Antiquity", "gigantic power", "strength".

Key words: ergonyms, sports, football clubs, symbolic names, language image.

Современный спорт вынужден развиваться в условиях рыночной конкуренции, и одним из продуктивных способов продвижения и важным средством воздействия на потребителя (болельщика) становится название команды или клуба, поскольку «знакомство зрителя с командой начинается именно с ее названия, и это название сопровождает зрителя в течение всей «болельщицкой карьеры» [1; с. 61].

Названия спортивных футбольных клубов относятся к разряду эргонимов. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, «эргоним – это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2; с. 151]. Одной из ключевых характеристик данного пласта лексики является ее динамичность, способность отражать общественные исторические изменения и фиксировать их. Можно говорить о том, что названия городских объектов, к которым относятся и названия футбольных клубов, не только отражают исторические изменения, но и способны формировать сознание современного человека, определяя особенности его картины мира. По мнению Ж.А. Терпелец, «именно командные виды спорта способствуют культивированию и отображению общественных и национальных ценностей» [3; с.389].

В ходе исследования нами было проанализировано 308 наименований футбольных клубов. Для того чтобы проследить исторические особенности формирования и изменения названий клубов и выявить основные тенденции их наименований на современном этапе, мы сопоставили названия, относящиеся к пяти историческим периодам: 1920-1930, 1940-1950, 1960-1970, 1980-1990, 2000-е годы. Все выявленные нами названия были изучены в трех аспектах: 1) основные способы образования названий спортивных клубов 2) тематические группы названий 3) основные значения символических названий, которые формируют национальный языковой образ футбола.

Первые спортивные команды возникали как «кружки», были немногочисленны, финансировались владельцами, служили развлечением для аристократов и не имели массы почитателей, поэтому их названия определялись вкусовыми предпочтениями хозяев, как, например, команда «Юнитас» (единственная). Серьезные изменения произошли в 20-30-е годы, когда спорт оказался в ведомстве спортивных обществ профсоюзов, инициировавших создание

спортивных клубов. Спорт становится массовым и доступным, что способствует появлению первых болельщиков. В этот период наиболее востребованы названия, указывающие на предприятие или ведомство, в рамках которого существует спортивная команда (ЦСКА, КИМ, КГО, КФК, ЗКП, «Объединенный клуб рабочих имени Ленина», «Команда судостроительного завода Россельмаш», «Динамо», «Локомотив», «Казанка», ВВС «Крылья советов») или на род деятельности («Металлург», «Тракторостроитель», «Химик», «Торпедо», «Трактор», «Трудовые резервы», «Красная заря», «Красный текстильщик» и т.д.). Кроме того, появляется множество громких названий, вызывающих ассоциации с историческим периодом: («Дзержинец», «Сталинец», «Стахановец», «Большевик»). Наиболее продуктивными способами образования названий в этот период являются аббревиация и суффиксация.

Интересно отметить, что уже в рассматриваемый период появляются названия, которые не только указывают на ведомство или профессию, но и имеют символическое значение: «Динамо», «Зенит», «Локомотив», «Спартак», «Торпедо». Эти названия отсылают нас к основным смыслам, вкладываемым номинаторами в образ футбола:

1) «мужество», «воля к победе», «стойкость в борьбе», «ловкость и сила», «верность идее» («Спартак»);

2) «сила в движении», «скорость» («Динамо», «Торпедо»);

3) «высшая точка», «вершина», «связь с небом» («Зенит»).

В 1940-е – 1950-е годы указанные ранее тенденции сохраняются: увеличивается количество названий, связанных с профессией. Помимо традиционных («Трубник», «Химик», «Нефтяник», «Шахтер», «Пищевик»), образованных суффиксальным способом, встречаются созданные при помощи сложения основ («Судостроитель», «Машиностроитель», «Котлостроитель»), а также при помощи слоговых аббревиатур («Цветмет», «Сибсельмаш»). В ряде названий используются оригинальные названия предприятий («Азот», «Каучук»), отсылающие к производимой заводом продукции. Несмотря на то, что в указанный период клубы финансируются из государственного бюджета и в стране имеются основные клубы, представленные вторыми и третьими составами в регионах, уже намечается тенденция к обособлению региональных клубов, что отразилось в появлении ряда названий, отсылающих к месту образования команды: «Волгарь», «Кировец» (житель местности); «Терек», «Волга», «Иртыш» (гидроним).

Необходимо отметить интересные изменения, произошедшие в группе символических названий: появляются названия, семантика которых связана

4) с боем или борьбой («Снайпер» (кроме ассоциации с военными действиями, активизируется сема «меткость»), «Авангард») – футбольное поле воспринимается как «поле боя», а футболисты как «люди, защищающие страну»;

5) названия, вызывающие у современного болельщика образы неба и полета («Сокол», «Буревестник»), но в исследуемый период имеющие связь с предыдущей группой (сокол, ассоциировался с военными авиаторами – «сталинскими соколами», а буревестник – с производством М. Горького). Оба эти названия вводят в образ футбола такие черты, как «бесстрашие», «сила воли», «отвага», «противостояние». Как отмечают в своем исследовании А.Н. Гриценко и П.В. Морослин, «милитаристский характер восприятия спортивного действия свойственен прежде всего командным, а также «мужским» видам спорта» [4; с. 78]. Мы полагаем, что ассоциирующиеся с военными действиями названия отечественных футбольных команд определяются как особенностями восприятия, так и временем возникновения – военным и послевоенным периодом.

В 1960-е-1970-е годы расширяется группа названий, связанных с профессиональной деятельностью, помимо ранее перечисленных названий («Авиатор», «Автомобилист», «Горняк», «Геолог»), появляются такие, как «Содовик», «Цементник», «Дизелист», «Газовик» и «Армеец» (последнее наименование связано с родом деятельности – службой в армии). Вос-

требованы названия, образованные от имен известных людей («Чкаловец», «Дзержинец»). Новым является появление команд, названных в честь регионов («Кузбасс», «Кубань»).

Наиболее существенные изменения происходят в группе символических названий. К обозначенным ранее добавляются следующие смыслы:

6) «Салют», «Искра», «Факел» – «то, что светит и дарит праздник»;

7) «Рубин», «Уралан» (в последующие годы - «Жемчужина», «Сапфир», «Кристалл») – «то, что красиво и имеет истинную ценность»; группа, в которую входят названия «Динамо», «Локомотив», пополняется такими названиями, как «Энергия», «Квант», а также «Волна». Как показывает время, малопродуктивными оказываются единичные названия, связанные с трудом, изобилием и человеческими отношениями («Урожай», «Труд», «Дружба»).

Эпоха перестройки внесла изменения во все сферы жизни общества, и спорт не стал исключением. Клубы перестают получать средства из бюджетов, и их руководству приходится искать дополнительные источники финансирования. Название в борьбе за спонсоров в 1980-1990-е годы играет важную роль. Растет количество клубов, использующих в наименованиях аббревиатуры названий предприятий («Светотехника», «Агрокомплект», «Петротрест», «Дагдизель», «Энергомаш», «Носта»). Все большее число команд финансируется из городских и даже районных бюджетов, что выражается в появлении соответствующих «географических» («топонимических») названий: «Курган», «Тюмень», «Химки», «Чертаново», «Орехово». Поскольку большая часть клубов переходит в частные руки, их новые владельцы начинают менять названия, чтобы использовать их как рекламу. Приметой рассматриваемого периода становятся слова, образованные сложением слов или производящих основ, сочетающихся с аббревиатурами. Указанные названия можно разделить на несколько групп:

1) образованные при помощи соединения имени владельца и оригинального названия команды («Виктор-Авангард», «Виктор-Гигант»);

2) использование полного названия команды и спонсирующей фирмы («Авангард-Кортэк», «Трион-Волга», «Жемчужина-Америкус-Интерпрайзис», «Факел-Профус»);

3) использование оригинального названия команды и аббревиатуры названия предприятия-спонсора («Горпедо-ЗИЛ», «Чкаловец-ФоКуМиС», «Динамо-АПК», «АМЗ-Зенит», «СКИФ-Экспресс», «Салют-ЮКОС» и т.д.);

4) использование оригинального названия и названия региона или географического объекта («Лада-Тольяти», «Жемчужина-Кубань», «Космос-Кировец»);

5) использование оригинального названия и указание на сферу деятельности спонсирующего предприятия («Динамо-Газовик»).

Несмотря на то, что владелец клубов меняется, оригинальное название стараются сохранять, чтобы не лишиться болельщиков.

Появляется большое количество символических названий, как мотивированных, так и немотивированных, объясняемых личными предпочтениями владельцев. Так, например, возникают красиво и загадочно звучащие «Гекрис» и «Асмарал», не имеющие словесных аналогов и представляющие собой аббревиатуры, состоящие из первых слогов имен детей владельцев клубов. Выделяется весьма продуктивная группа прецедентных имен, связанных с античностью: («Олимпиец», «Олимпия», «Титан», «Гигант»). Если первые два отсылают нас к самым главным спортивным соревнованиям – Олимпийским играм, то последнее входит в другой смысловой ряд: «Титан», «Гигант», «Витязь» – «люди, отличающиеся выдающейся, исполинской мощью». Помимо этого, существует ряд непродуктивных названий, таких, как: «Сигнал», «Старт», «Экспресс», «Союз», «Зоркий», которые впоследствии будут изменены. Интересным примером, демонстрирующим попытку владельца клуба использовать в названии клуба модель, характерную для европейского и американского футбола, является название «Хитрые лисы», которое просуществовало менее года. Удачным оказалось название

«Анжи», объединившем в себе отсылку к названию местности и «европейский» звуковой образ.

Таким образом, в 1980-1990-е годы наблюдается изменение названий большинства команд. Происходит это двумя способами:

- 1) команда выбирает имя под влиянием владельца или спонсоров;
- 2) команда ориентируется на спрос массовой аудитории и учитывает интересы болельщиков.

На современном этапе сохраняются вышеозначенные тенденции, однако происходит существенное увеличение количества команд, финансируемых из муниципального или областного бюджета, что не могло не отразиться на названиях команд, призванных привлекать внимание к субъекту. Большинство названий российских клубов отсылает к региону («Сибирь», «Кубань», «Урал», «Алания» и т.д.), городу («Коломна», «Астрахань», «Краснодар», «Елец», «Ростов», «Чита» и т.д.), включает гидронимы («Терек», «Томь», «Волга» и др.). Иногда удается сохранить прежние названия: это происходит, когда у клуба большое количество болельщиков, серьезные традиции и уникальное имя («Крылья Советов», «Ротор», «Зенит», «Локомотив»). Эти названия уже не имеют отношения к градообразующим предприятиям, но их имена прочно ассоциируются с регионом. Частные владельцы используют названия команд в качестве рекламы, поэтому появляются такие имена, как «Луч-Энергия», «Лисма-Мордовия», «Рязань-Агро», «Сахалин-Турист», «Башинформсвязь-Динамо», «Спартак-Кавказтрансгаз», «Радан-Байкал», «Машк-КВМ», «Сибур-Химик», «Газовик-Газпром». Иногда название владельца полностью заменяет название клуба: «Лада», «Металлург», «Руан», «Синара», «Акрон». Возвращается тенденция соотносить название команды с профессией, правда, команд, в названии которых есть слово «Строитель», почти не осталось. Интересной особенностью современно периода становится появление сложных названий команд, состоящих из оригинального имени и числа («Псков-2000», «Чкаловец-1936», «Сызрань-2003», «Краснодар-2000», «Кавказтрансгаз-2005», «Иртыш-1946»). Эти названия содержат указание на регион или популярное название команды и год возникновения-переименования, что свидетельствует о желании клубов продолжать традиции, сохранять память. На фоне перечисленных названий странно выглядит «Псков-747». Данное название образовано по вышеуказанной модели, но мотивировано другим обстоятельством: 747 – это любимая комбинация цифр владельца клуба. Весьма частотны наименования типа «Локомотив-2», где цифра указывает на первый или второй состав команды.

Что касается символических названий, то здесь, при сохранении вышеперечисленных групп, происходит увеличение количества названий команд, связанных с военной тематикой («Арсенал», «Оружейник», «Легион»), в связи с чем ассоциация *футбол – место сражения* является наиболее актуальной для современного болельщика.

Проведя комплексный анализ названий советских и российских футбольных клубов, мы сделали следующие выводы:

- изменение названия советских и российских футбольных клубов обусловлено комплексом культурно-исторических и экономических причин. Если в начале XX века названия были способом отражения ведомственной принадлежности или указывали на сферу деятельности и общественные ценности, то с начала 1980-х годов и по настоящее время клубы, лишившись государственного финансирования, были вынуждены искать спонсорскую помощь и использовать названия как способ рекламы бизнеса новых владельцев или как средство сохранения репутации и интереса болельщиков;

- при создании названий клубов использовалось ограниченное количество способов словообразования. В качестве наиболее продуктивных способов следует назвать: суффиксацию, аббревиацию, сращение, сочетание сращения и аббревиации. Если в начале XX века наиболее популярными были аббревиатуры, состоящие из сочетания первых букв названия ведомства, то уже к середине XX века такие названия становятся малопродуктивными и за-

меняются слоговыми аббревиатурами, а затем сложными сочетаниями разных типов аббревиатур со словами, производящими основами или числами. Неизменно востребованными являются названия, образованные суффиксальным способом. Это наименования клубов, связанные с ключевой деятельностью организации, профессиями, указывающие на название жителей города. Весьма востребованы символические названия, большая часть которых образована путем использования онимов других разрядов в качестве эргонимов. Чаще всего в качестве спортивных эргонимов используются мифонимы и топонимы. Интересной особенностью спортивной эргонимии является то, что антропонимы фактически не востребованы в названиях футбольных спортивных клубов. Исключением является клуб «Ахмат»;

- с точки зрения семантики, все названия были разделены на следующие группы: названия, соотносимые с ведомством или сферой деятельности, с наименованием жителей города, географическим объектом или именем региона, полным названием предприятия, историческими реалиями, предприятием-спонсором или годом создания, исторической личностью и т.д. В качестве отдельной группы были выделены символические названия, анализ которых представлял для нас особый интерес, поскольку позволил распределить названия по основным смысловым группам и на основе этого выявить языковой образ футбола в российском языковом сознании;

- в результате классификации и сопоставления названий-символов были выявлены следующие значения, входящие в образ российского футбола:

- 1) «мужество», «воля к победе», «стойкость в борьбе», «верность идее» («Спартак»);
- 2) «сила в движении», «скорость» («Динамо», «Торпедо», «Локомотив», «Энергия», «Квант», «Волна», «Прибой» и т.д.);
- 3) «высшая точка», «вершина», «связь с небом» («Зенит», «Звезда», «Сатурн» и т.д.);
- 4) «бой, война, меткость, защита» («Снайпер», «Авангард», «Арсенал», «Оружейник», «Легион»);

5) названия, вызывающие в представлении современного болельщика образы неба и полета («Сокол», «Буревестник») (нужно оговориться, что в более ранний период данные наименования имели другую мотивацию: сокол ассоциировался с военными авиаторами - «сталинскими соколами», а буревестник – с произведением Максима Горького; таким образом, оба эти названия вводят в образ футбола такие черты, как «бесстрашие», «сила воли», «отвага», «противостояние»).

6) «огонь», «свет», «праздник» («Салют», «Искра», «Факел»);

7) «красота и ценность» – «Рубин», «Жемчужина», «Сапфир», «Кристалл», «Анжи»);

8) наименования, связанные с античностью («Олимпиец», «Олимпия» отсылают нас к главным спортивным соревнованиям, Олимпийским играм, «Титан», «Гигант», «Витязь» – «люди, отличающиеся выдающейся, исполинской мощью»; «Ника» – богиня победы в Древней Греции).

Таким образом, в российском языковом сознании футбол – это праздник, ценность, спорт высших достижений, сила, проявляющаяся в движении; при этом футбольный матч – это место сражения, поле битвы, поэтому люди, играющие в футбол должны обладать «мощью», «мужеством», «волей к победе», «стойкостью в борьбе», «ловкостью и силой», «верностью идее», «бесстрашием» и «силой воли». Интересно отметить, что если в начале XX века футбол связан с совершенствованием личностных качеств, в 1950-1980-е воспринимается как праздник и ценность, то в 1940-е и 2000-е футбол ассоциируется с войной, битвой, боем, нападением и защитой.

Библиографический список

1. Оленев Д.С., Чернов А.В. К проблеме спортивного дискурса: нейминг отечественных клубов как индикатор социальных трансформаций // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 2. С. 61-65.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 170 с.
3. Терпелец Ж.А. Футбольный дискурс: языковая вариативность и национальная специфика (на материале французского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 388-394.
4. Гриценко А.Н., Морослин П.В. Военно-исторические термины в наименовании спортсменов в англоязычном спортивном дискурсе // Вестник РУДН, 2016. № 4. С. 77-81.

References

1. Olenev D.S., Chernov A.V. On the problem of sports discourse: naming of domestic clubs as the indicator of social transformations // The bulletin of Cherepovets State University, 2010. Vol. 2. P. 61-65.
2. Podolskaya N.V. The dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1988. 170 p.
3. Terpelets F.A. Football discourse: linguistic variation and national identity (based on French and English languages) // Philological sciences. The issues of theory and practice. Tambov, 2018. Vol. 8 (86). Part 2. P. 388-394.
4. Gritsenko A.N., Moroslin P.V. Military and historical terms in the names of athletes in the English-language sports discourse // The bulletin of RUPF, 2016. Vol. 4. P. 77-81.

УДК 801.81:292

*Воронежский государственный
университет
аспирант филологического факультета
Кумба Сиссе
Россия, г. Воронеж
e-mail: coumba89@outlook.com*

*Voronezh State University
The department of philology
Postgraduate student
Coumba Cisse
Russia, Voronezh
e-mail: coumba89@outlook.com*

Сиссе Кумба

ЛЕКСЕМА *КОНЬ* В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: КУЛЬТУРНАЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

В данной статье представлена древнейшая символика коня в русской культуре. Автором проводится анализ лексемы *конь* в русском языке и фольклоре, предпринята попытка показать культовую значимость коня для социума всего древнего славянского этноса. Стереотипное представление о данном животном связано с проявлением таких качеств, как храбрость, верность, быстрота. Конь для древних славян являлся не просто «средством передвижения» во время войны - он был для воинов верным другом и боевым товарищем, вследствие чего возникают представления о связи коня с победой. В фольклоре конь символизирует мудрость, силу, проворство, быстроту, смелость, верность, храбрость и гордость, подтверждением чему служат фольклорные тексты, например, поговорка *Рана коня вызывает у богатыря стон*, и пословицы: *Старый конь борозды не портит; Конь не выдаст, и враг не съест*. В русских народных сказках конь наделен качествами ясновидения, способностью своевременно предостерегать своих хозяев о смерти или беде. Однако в некоторых произведениях русского фольклора конь представляет собой силу, враждебную для человека, и даже может нести смерть своему хозяину.

Ключевые слова: конь, образ, фольклор, символ, русский язык.

Cisse Coumba

THE HORSE AS A CULTURAL AND MYTHOLOGICAL SYMBOL IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN FOLKLORE

This article deals with the most ancient symbolism of the horse in Russian culture, analyzes the horse token in the Russian language and attempts are made to prove the cultural significance of the horse for society of the entire ancient Slavonic ethnic group. The stereotypical idea of this animal is associated with the manifestation of courage, fidelity, speed. The horse was not just a means of transportation during the war, but a true friend and comrade for his warrior and a symbol of victory as well. The horse symbolizes wisdom, strength, agility, quickness, courage, fidelity, courage and pride, as evidenced by folklore texts, for example, the proverbs and sayings: *When the horse is wounded, the warrior moans; An old horse does not spoil the furrow* etc. In Russian folk tales, the horse is able to foresee the future and warns its owners about death or misfortune on time. However, in some pieces of folklore the horse represents the hostile power which can cause its owner's death.

Key words: horse, image, folklore, symbol, Russian language.

Соотношение языка и культуры наиболее полно представлено и описано в трудах знаменитого лингвиста В. фон Гумбольдта, который писал: «Человек преимущественно живёт с предметами так, как их преподносит ему язык: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он

вступает в круг другого языка» [1, с. 37].

Как справедливо утверждает В.А. Маслова, «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2, с. 9]. Тот же исследователь отмечает: «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно» [2, с. 12].

Особенности миропонимания народа находят отражение в пословицах и фразеологизмах, которые выполняют функцию знаков «языка» культуры, транслируют информацию, связанную с культурой народа. В данной работе делается попытка проанализировать образ коня в русском языке как культурный символ.

Конь – одно из самых почитаемых у славян животных: он с древних времен считался другом человека, сопровождал его в дальних походах, спасал от врага. Это отражено в многочисленных пословицах, народных песнях: *«Конь мой, конь, ты мой верный друг! Конь мой вся моя надежда. Конь не выдаст, и враг не съест. Счастье на коне, несчастье под конем. Деньгами коня не купишь, а удачей. Счастье на коне»* [3, с.156].

В сказках и былинах конь беспрепятственно скачет с горы на гору, через моря, озера и реки. Конь в фольклорных произведениях настолько силен и велик, что не увидеть его мифическое происхождение, родство с обожествленными стихиями, практически невозможно. Конь в сказках является олицетворением природной стихии, стремительной и необузданной, но во главе этой стихии стоит человек. Мифические и легендарные кони часто обладают чудесными способностями: они могут говорить, пересекать воды, путешествовать в потусторонний мир, подземный мир и на небо, нести бесконечное количество людей на спине. Однако конь может быть как помощником сказочного героя, так и представителем враждебной ему силы: например, в сказке «Сивка-Бурка» описывается необычный, добрый и великодушный конь, у которого одна шерстинка золотая, а другая серебряная, но при этом говорится, что конь топчет поле с пшеницей. Иван поймал коня, но отпустил его с тем условием, что конь будет верно ему служить. Сивка-Бурка наделен сверхъестественной силой. Благодаря ему Иван удостоился стать суженым прекрасной царевны, «в одно ухо Сивки залез, а в другое вылез». Затем Иван-дурак на волшебном коне едет ко дворцу. Там Сивка-Бурка допрыгивает до окна царевны, чего не сможет сделать ни один обычный конь, и Иван достает вышитый портрет (либо кольцо) царевны.

Образ волшебного могучего коня мы находим также в сказках «Жар-птица и Василиса-царевна» и «Сказка о молодильных яблоках и живой воде». Так, в сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» рисуется богатырский конь, обладающий необыкновенной силой, мудростью и магическими способностями; именно он помогает герою выполнить все поручения: «Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица. Прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал, а стрелец-молодец выскочил из-за дерева, подбежал, связал жар-птицу веревками, сел на коня и поскакал во дворец» [4, с. 169]. В «Сказке о молодильных яблоках и живой воде» рассказывается также о богатырском коне, обладающем волшебной силой. Этого коня Баба-яга дарит Ивану-царевичу, но конь теряет часть магической силы, когда Иван-царевич проявляет непослушание: «Конь говорит ему человеческим голосом: «Не послушался, ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке. Теперь мне стены не перескочить. Иван-царевич бьет коня плетью нехлестаной». – «Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!» Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой – на стене струны запели и колокола зазвонили» [4, с. 171].

Кроме мудрости и магической силы, конь часто наделяется качествами боевого богатырского товарища и спасает своего хозяина от лютого Змея Горыныча, затаптывая его копытами. В этом мотиве можно увидеть отзвук христианской легенды о Георгии Победонос-

це, которому в битве с сатаной помогает конь. Образ коня-товарища, коня-помощника воплощен в сказках «Иван Быкович», «Тридевятое царство», в цикле сказок о богатыре и Змее Горыныче. В сказке «Иван Быкович» конь богатыря не просто наделен невероятной физической силой - именно богатырский конь приходит на выручку хозяину в самый критический момент боя, когда Ивану Быковичу грозит неминуемая смерть от змееобразного чудовища. Богатырский конь, спущенный с цепи, прибегает на место битвы и бьет чудовище копытами: «ты обманом живешь; у тебя помочь есть», «а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец» [4, с. 137].

Конь может быть представлен как вешее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь якобы отказался от расправы над жителями города), но может нести и смерть своему хозяину, если тот нарушит какие-либо запреты: согласно легенде, змея, выползшая из черепа коня, убивает князя Олега. Данный эпизод приводится в «Повести временных лет», а позднее в переработанном виде – в «Песне о вешем Олеге» А.С. Пушкина.

Лексема *конь* входит в состав целого ряда выражений: *быть на коне, въезжать / въехать на белом коне* (оказаться в выгодном, выигрышном положении, в положении победителя) [5, с. 205] и т.д. Иначе говоря, в этих выражениях воплощаются представления о

связи коня с победой. Восприятие коня как символа победы, восхождения и мужества характерно и для христианской культуры: в словаре символов отмечено, что Христа иногда изображают верхом на белом коне [6, с. 205].

В русском языке существует целый ряд лексем, обозначающих различные виды этого домашнего животного: *лошадь, кобыла, конь, кляча, мерин*. Например, В.И. Даль так формулирует разницу между ними: «*Конь – верховая лошадь. Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом*» [3, с. 156]. Несколько иные дефиниции мы находим в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, где приводятся три значения лексемы «конь»: 1) «*то же, что лошадь, преимущественно о самце*»; 2) «*шахматная фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее*»; 3) «*гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных прыжков, обитый мягким материалом длинный брус на ножках*» [7, с. 1057]. Таким образом, ядерной семьей описываемой лексемы является «четвероногое животное из рода непарнокопытных». П.Я. Черных подчеркивает, что в других славянских языках слову *лошадь* соответствует слово *конь*, хотя корень *лош-* присутствует в некоторых лексемах, например, в украинском есть *лоша* – «жеребёнок», *лошак* – «молодой конь», *лошиця* – «кобыла» [8, с. 493]. Наличие в славянских языках слов с корнем *лош-* отмечено также в словарях А.Г. Преображенского [9, с. 473] и М. Фасмера [10, с. 525], из чего можно сделать вывод, что рассматриваемые лексемы являются общеславянскими по происхождению.

Несколько другие смыслы, отличающиеся от рассмотренных выше, в русском языке связываются с существительным *мерин* – кастрированный жеребец. Фразеологизм *врать как сивый мерин* означает «бессовестно, беззастенчиво (врать)» [11, с. 366]. В народе было распространено поверье, что *сивая лошадь* непременно оказывается глупой (прилагательное *сивый* - «светло-серый, седой») - указывает на старость животного; возможно, отсюда пошло и выражение *бред сивой кобылы*). Крестьяне никогда не прокладывали первую борозду на сивом мерине, потому что считалось, что он ошибается (врёт), а значит, может испортить борозду и, соответственно, правильность посева.

Л.А. Введенская полагает, что лексема *лошадь* не образует антонимической и омонимической пары, но вступает в синонимические отношения с другими словами: *лошадь* – *буцефал* (книжн. ирон.); *сивка* (народн. поэт. крестьянск.); *савраска* (разг.); *коняга* (прост.), *лошадушка* (прост, и народн. поэт.); *скакун* – *кляча* – *лошадёнка* – *одер* – *росинант* (книжн. ирон.) [12, с. 216].

В народном сознании *лошадь* символизирует трудолюбие, выносливость, энергию, силу. Отсюда – наличие в языке выражений *работать как лошадь*, то есть «усердно»; *работать / вкалывать / пахать как ломовая лошадь* (ломовая – лошадь, приспособленная для перевозки тяжёлых грузов) – «работать много, усердно, в поте лица»; *лошадиная сила* – единица измерения мощности, принятая Джеймсом Ваттом в XVIII веке.

Кляча – плохая, обычно старая или больная лошадь, что обусловило наличие переносного значения у лексемы *кляча* – «усталый, изнуренный, физически слабый или больной человек». Отсюда же происходит выражение *загнанная кляча* – «уставший от постоянных трудов, забот», а также пословица: «*Кляча и в золотой узде – не конь*» [3, с. 128].

Кобыла – взрослая самка лошади; переносное, разговорно-сниженное значение: крупная женщина. Слово праславянское, уходящее в индоевропейское прошлое: ст.-слав. *кобыла*, лат. *caballus*, греч. *καβαλλης* [13, с. 93-94], от данной основы образованы слова разных языков: *кавалер, кабальеро, шевалье* (всадник). Существует также фразеологизм *из кобыл да в клячи* – иронически «о человеке, променявшем лучшее место на худшее» [3, с. 128].

В целом же стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это грациозное, сильное, свободное и быстрое животное [14, с. 17]. В русском фольклоре и народном мирозерцании *конь* также может осознаваться и как символ счастья (отсюда и *конёк* на крыше деревянного дома; можно также привести в качестве примера песню Александра Розенбаума о «сером в яблоках коне»). От прежних магических представлений, связанных с конем и лошадей, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу. С конями также связано множество примет и суеверий: «*конь споткнулся на пороге* – к беде, *конь воина нюхает* – к гибели, *больной бредит о конях* – скоро умрет, *ржание коня* – к добру; *топтанье коня* – к дороге, но при расставании – к долгой разлуке; *фыркает в пути* – к доброй встрече (или к дождю); *распряжется дорогой* – быть беде неминуемой» [3, с. 156].

Устойчивые выражения, в состав которых входит лексема *конь*, могут быть распределены по тематическим группам: быстрота, упрямство, смелость, трудолюбие.

Конь являлся не просто «средством передвижения» князей и воинов во время войны – для воинов он был верным другом и боевым товарищем, поэтому он символизирует мудрость, силу, проворство, быстроту, смелость, верность, храбрости и гордость, подтверждением чему служит известная поговорка: «*Рана коня вызывает у богатыря стон*». О значимости коня не только в ратном деле, но и в крестьянском хозяйстве свидетельствуют пословицы: «*Старый конь борозды не портит; Конь не пахарь, не кузнец, а первый на селе работник*» [15, с. 140], «*Рабочий конь на соломе, а пустоляс на овсе*» [15, с. 117]. Конь в пословицах также ассоциируется со свободолюбием («*Весело коням, когда скачут по полям*» [15, с. 44].

Стереотипные представления об этом животном и связанные с ним ассоциации сохраняются и в настоящее время, о чем свидетельствуют примеры, взятые нами из Национального корпуса русского языка [16]:

- *скорость*: «А в Спартаке и Титов (что с ним редко бывает) форму набрал, и Быстров бежит как *конь*...» (Футбол-4), «Время жизни Е. С. несется очень быстро. Как бешеный *конь* во сне жокея-чемпиона» (А.А. Матвеева) [16];

- *сила*: «Народ, этот «*конь*, встающий на дыбы», эта стихийная сила, родственная горам и морям («толпа взволнованнее моря»), объект религиозного культа тысяч и сотен тысяч интеллигентов...» (Алексей Макушинский), «Хомут был здоровый, ясноглазый, сильный, как *конь*...» (Захар Прилепин) [16];

- *верность*: «Воина, лежащего в беспамятстве у копыт своего верного *коня*, и плачущего голодного младенца найдут в степи мирные кочевники» (М.Б. Салимов), «Завтра мой конь понесет меня навстречу первой опасности. Так что не исключено, что с тобой, мой друг, я сумею скрестить лишь литературные копыта. (Ю.И. Андреева) [16];

- *мощь*: «... причём – в поперечный шпагат. Вот такой здоровый *конь* был! И тут она как заорёт! А Дао-то с расправленными плечами, гордый такой, юношу с толку сбивает – мол, это ей так хорошо (Татьяна Соломатина) [16];

- *гордость*: «Она взяла в руки брусок ольхи и начала вырезать из него новый персонаж. Это будет совсем другой *конь* – гордый, страстный, непримиримый... Готовый, как и она, выступить против всего мира» (Татьяна Тронина) [16].

На коня часто проецируются особенности характера и поведения хозяина, так что можно говорить о некоей совокупности - *хозяин и его конь*: «От хозяйского глаза и конь добреет» [3, с. 156]. «*Конь тощей – хозяин скупой*» [14, с. 140]. «Считалось, что подобно тому, как конь чует могилу хозяина, погребенного несколько лет назад, трупы молодых лам давали излучение, облегчавшее телепатам выход на нужный объект» (В. В. Овчинников); «*Конь был молод, красив собой, так же, как и его молодые друзья-хозяева...*» (Александр Сокуров) [16].

Современные носители русского языка могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) крепкой и сильной физически личности; 2) девушки или молодой женщины крупного телосложения. «*Это вовсе не конь, а странный человек – так разумно смотрел и слушал он, когда люди говорили в его присутствии*» (Александр Сокуров). «*Выходит, была бы я здоровая, как конь, красивая, веселая и счастливая, так никакой заморский папа был бы не нужен, а теперь – подать его сюда!*» (Нина Катерли). «*Говорил он красиво, вдохновенно, в пиковые моменты речи воздевая дрожащий перст к небу. Душа – это всадник, а тело – конь. Мы управляем собой, как опытный всадник управляет лошадью*» (Екатерина Завершнева). «*Прозвище ей даже нравилось, и нередко, позволив себе в узком кругу изрядно выпить, она любила приговаривать: – Да, да, русская женщина – конь с яйцами, ей всё по силам!*» («Новый Мир», 2000) [16].

Итак, в русской культуре положительная оценка свойственна большинству фразеологических единиц с ключевым словом *конь*, и этот образ служит для характеристики широкого спектра присущих человеку положительных черт: 1) трудолюбие, 2) верность, 3) опыт, 4) мудрость, 5) честность, 6) крепкое здоровье, 7) свободолюбие и 8) храбрость.

Однако в некоторых случаях лексема *конь* может иметь и отрицательный смысл – например, служить для обозначения упрямства или разнузданности: «*Добр конь, да норовец есть – упрямый*» [14, с. 69]; «*Царство без грозы, как конь без узды*» [3, с.156]. В.В. Красных отмечает, что образ коня в народном сознании амбивалентен: он связан одновременно и с плодородием, и со смертью, поскольку он может нести смерть своему хозяину, если тот предаст его: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя, когда тот наступил на череп (см. «Песнь о Вещем Олеге» А.С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник (герой или святой) выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змие»). Конь белый или огненный – атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу; соответственно, гром – это топот копыт и ржание коней. Но конь может быть и олицетворением зла: всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей [13, с. 15].

Как мы видим, в славянской культуре *конь* наделен определенным символическим значением. Стереотипное представление о данном животном в русском языке можно выразить следующим образом: четвероногое животное, которому присущи *трудолюбие, верность, храбрость, мудрость* и *смелость*. Образ коня отражает психологию, менталитет, разнообразные обычаи, национальные стереотипы древнего славянского мира и русского народа через фразеологизмы, сказки и пословицы, так как они являются языковым воспроизведением особенностей национальной культуры любого народа.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 448 с.

2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 202 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М., 1863. 627 с.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.; Л.: Наука, 1984. 507 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. 880 с.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Индрик, 1999. 202 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2009. 3423 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 623 с.
9. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. Т. 1. 674 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
12. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 142 с.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под ред. О.Н. Трубачева. М., «Наука», 1963. Вып. 10. 198 с.
14. Карасик В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Волгоград: Перемена, 2005. Т 1. 190 с.
15. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чисто говорок, прибауток, загадок, поверий. М., 1862 (изд. 2, СПб, 1879, 2 тт.).
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения – 15.02.2020).

References

1. Humboldt V. von. Language and philosophy of culture. Moscow, 1985. 448 p.
2. Maslova V.A. Linguistic and culture studies. Moscow, 2004. 202 p.
3. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. Vol.2. Moscow, 1863. 627 p.
4. Afanasyev A.N. Folk Russian fairy tales: In 3 vol. Moscow - Leningrad, 1984. 507 p.
5. Phraseological dictionary of Russian standard language. Moscow, 2008. 880 p.
6. Treadidder J. Vocabulary of symbols. Moscow, 1999. 202 p.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 2009. 33423 p.
8. Chernykh P.Y. Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vol. Moscow, 1999. Vol. 1. 623 p.
9. Preobrazhensky A.G. Etymological dictionary of Russian Language: in 2 vol. Moscow, 1910. Vol. 1. 674 p.
10. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian Language: in 4 vol. Moscow, 1986. Vol. 2. 672 p.
11. Great phraseological dictionary of Russian language / Ed. by V.N. Telia. Moscow, 2006. 784 c.
12. Vvedenskaya L.A. Dictionary of antonyms of Russian language. Rostov-on-Don, 1995. 142 c.
13. Etymological dictionary of Slavonic languages. Pre-Slavonic lexical fund/ Ed. by O.N. Trubachev. Moscow, 1963. Iss. 10. 198 p.
14. Karasik V.I. Basic characteristics of linguistic and cultural concepts. Volgograd, 2005. Vol. 1. 190 p.
15. Dahl V.I. Proverbs of Russian people: in 2 vol. Moscow, 1862 (ed. 2, St.-Petersburg, 1879).
16. National corps of Russian language. URL: [http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=Alpha&mycorp = &mysent = &mysize = &mysentsize = &dpp = &spp =\(date of application - 15.02.2020\).](http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=Alpha&mycorp = &mysent = &mysize = &mysentsize = &dpp = &spp =(date of application - 15.02.2020).)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 801.311=943.11

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
факультета иностранных языков
Урумбаева Г.Н.
Республика Узбекистан, г. Нукус
тел. +998906502140*

*Karakalpakh state university named after Berdakh
PhD, associate professor at the russian language and literature department, faculty of foreign languages
Urumbaeva G.N.
The Republic of Uzbekistan, Nukus
tel. +998906502140*

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
магистрант 2 курса по специальности:
«Лингвистика: русский язык»
Баймуханов Б.И.
Республика Узбекистан, г. Нукус
тел. +998907249036
e-mail: bauka_baymuxanov@mail.ru*

*Karakalpakh state university named after Berdakh
Master 2-th degree, specialisation:
«Linguistics: russian language»
Baimuhanov B.I.
The Republic of Uzbekistan, Nukus
tel. +998907249036
e-mail: bauka_baymuxanov@mail.ru*

Г.Н. Урумбаева, Б.И. Баймуханов

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Статья посвящена исследованию межъязыковых лакунарных единиц в дискурсе произведений устного народного творчества и романов Тулепбергена Каипбергенова в переводе на русский язык. В процессе анализа рассматриваются случаи лакунарности в межъязыковом контакте русского и каракалпакского народов, что актуально при раскрытии глубинного смысла некоторых лексем в каракалпакском языке. В статье описаны лексемы со специфичными значениями, создающие для переводчиков и лингвистов проблемы при переводе и интерпретации смыслов слов, лакунарных в русском языке. В комплексе они представляют лингвокультурный код – систему значений слов, обусловленных традицией, ментальной моделью, вероисповеданием, отражают когнитивное восприятие реальности, воссоздают целостную картину мира данного народа. Межъязыковые лакунарные единицы в прямом и переносном смысле, приведённые в толковых, диалектологических словарях каракалпакского языка, объяснены в описательном плане с лексическими единицами в русском языке, указаны их сходства и различия, приведены примеры лексем из произведений в переводе с каракалпакского на русский язык. Целью данной работы является анализ случаев лакунарности, возникающих при переводе с каракалпакского языка на русский, интерпретация культурно обусловленных значений лексем, воссоздающих концептуальную картину мира каракалпакского народа, рассмотрение наименований старинных мер веса, активно применявшихся всеми тюркоязычными народами на территории Средней Азии, в переносном смысле. Все рассмотренные лексемы отражают своеобразие быта, исторического прошлого, образа жизни каракалпакского народа. Некоторые из этих слов, например, *ак сакал, ляббэй!, кумган, самар, тандыр* активно употребляются в современном каракалпакском языке, не утратив своей значимости в качестве культурно обусловленного объекта.

Ключевые слова: лакуна, наименование, контрастивный анализ, лексические единицы, реалии, словарь, межъязыковые контакты, интерпретация.

G.N. Urumbaeva, B.I. Baimuhanov

INTERLANGUAGE LACUNAE UNITS AS A KEY FOR UNDERSTANDING THE CULTURE OF A PEOPLE

This article is devoted to the study of interlanguage lacunary units in the discourse of folk pieces and in the novels by Tulepbergen Kaipbergenov translated to Russian language. In the process of analysis we consider the examples of lacunarity in language contacts between different nations. The lacunary units in literal and figurative meaning presented in explanatory and dialectological dictionaries of Karakalpak language are interpreted in contrast with the lexical units of Russian language and their similarity and differences are noted. The materials cited in the article cause scientific interest by the set of lexical units which do not coincide in meaning with lexical units in the language picture of the world of other nations. Given as examples old-time measures of weight were actively used by other nations of Middle Asia, but the main purpose of our work was considering this lexical units in figurative meaning, i.e. as epithets. All the words reflect everyday life, historical past, and way of life of Karakalpak nation. Some of these words, such as an “aq saqal”, “labbay!”, “quman”, “samar”, “tandyr”, are actively used in modern Karakalpak language, and have not lost their significance as a culturally specific reality.

Key words: lacunae, nomination, contrastive analysis, lexical units, realias, dictionary, interlanguage contacts, interpretation.

Повышение интереса мирового сообщества к более тесной коммуникации, интеграции требует более доступного разъяснения особенностей культуры, языка определённого народа, чтобы в полном объеме передать национальный колорит.

Данная проблема ставит перед лингвистами задачу иного подхода: контрастивного исследования разносистемных языков.

Лакуна как центральное понятие в исследованиях контрастивной лингвистики в настоящее время приобретает всё большую актуальность, отражая «понятия, не закреплённые в языковой норме данного языка, для передачи которых в этом языке требуются более или менее пространственные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи» [1; с. 6].

Активные процессы в развитии современного каракалпакского языка ставят перед исследователями необходимость всестороннего анализа языковых данных, учета фактора его национально-специфической и культурной обусловленности при определении значений лексических единиц.

Вызывающие у лингвистов большой интерес уникальные лексические единицы встречаются в произведениях устного народного творчества: «На протяжении длительного исторического пути каракалпаки, формируя и развивая жанры устного творчества, создавали изумительные песни, оригинальные сказки, мудрые пословицы и поговорки, остроумные загадки и мн. др. Однако этим далеко не исчерпывается богатство и разнообразие каракалпакской старинной поэзии. Разнообразен героический и любовно-романический эпос народа. «Кырк кыз», «Коблан», «Алпамыс», «Маспатша», «Курбанбек», «Ер Зиуар» и др. по-своему обогатили репертуар каракалпакского фольклора» [2; с. 71].

Как правило, даже в условиях тесных межъязыковых контактов и даже при отнесённости двух языков к одной языковой семье наблюдаются различия в ментальном восприятии некоторых объектов и явлений действительности.

В данной статье при описании и интерпретации лексем в каракалпакском языке нами используется термин *межъязыковые лакунарные единицы* (по классификации Л.К.Байрамовой [3]), а также термин *этнографические лакуны* (по классификации В.Л.Муравьёва [1]).

Главной целью исследования межъязыковых лакунарных единиц каракалпакского языка является изучение языковой картины мира каракалпакского народа, определение основных концептов в мировоззрении и представлении объектов реального мира с целью объяснения особенностей мышления и быта народа. Все это необходимо для осуществления удачной межкультурной коммуникации.

Вслед за Л.К. Байрамовой мы определяем «межъязыковую лакунарную единицу как такую, которая в другом языке имеет пробел, пропуск, пустоту, т. е. лакуну – нулевой коррелят лакунарной единицы. Таким образом, лакунарная единица является принадлежностью одного языка (условно, языка А), а лакуна – принадлежностью другого языка (условно, языка Б)» [3].

При рассмотрении межъязыковых лакунарных единиц в каракалпакском языке в данной статье мы опирались на классификацию В.Л.Муравьёва, изложенную в книге «Лексические лакуны» (на материале французского и русского языка) [1].

Автор распределяет лакуны по двум большим группам: лингвистические и этнографические лакуны. В статье рассмотрим лишь классификацию этнографических лакун применительно к каракалпакскому языку в сопоставлении с русским языком.

В своем исследовании В.Л.Муравьёв для пояснения понятия *этнографические лакуны* отмечает, что язык одной цивилизации либо одного народа может придумать название определённому объекту или явлению действительности, то есть «лингвистически оформляет одни стороны и определенный объем этой действительности, в то время как другой язык выделяет другие стороны и другой объем этой же экстралингвистической реальности» [1; с. 25]. В качестве подтверждения приводится цитата из книги Ж.П.Вине и Ж.Дарбельне «*Stylistique comparée du français et de l'anglais*», лингвистов, впервые исследовавших лакуны: «вещь не существует – или не признается ни в одной из двух цивилизаций, либо она существует в обеих, но один язык испытывает необходимость называть то, о чем другой молчит» [1; с. 26].

В.Л.Муравьёв отмечает, что для определения указанных им типов лакун необходимо учитывать этническую действительность данного народа, их представление о мире: «Этнографические лакуны непосредственно связаны с внеязыковой национальной реальностью, что заставляет нас при их выявлении каждый раз констатировать наличие или отсутствие, а также сравнительную распространенность данной вещи (явления) в быту данного народа» [1; с. 31].

Далее рассматриваются русские слова и их соответствия во французском языке: «белоручка», «старшекласник», «фельетон», «ухват», «компостировать» (билет при пересадке). Утверждается, что во французском языке данные слова являются лакунами, так как во французском языке у этих реалий отсутствуют номинации, они не употребляются в составе фразеологизмов, а лишь можно объяснить пояснительными комментариями. Причину такого рода лакунарности автор видит в экстралингвистических факторах – каждый язык по-своему «членит» окружающую человека действительность, то есть «отсутствие фиксированных понятий, выражаемых русскими словами «ухват», «фельетон», «компостировать» связано с <...> отсутствием данных вещей и явлений во французской повседневной жизни» [1; с. 25].

По мнению В.Л.Муравьёва, сложно выявить в тексте абсолютные этнографические лакуны, требуются дополнительные работы, в которых исследуются быт, культура, образ жизни определённого народа, в связи с тем, что при общем сходстве слов-понятий двух сопоставляемых языков могут быть определённые частные различия в их употреблении.

В.Л.Муравьёв утверждает, что двуязычные словари «затушевывают значительные семантические различия» [1; с. 25], то есть представляют некоторые слова, имеющие частные различия в своей семантике, эквивалентными, что является проблемой в переводе и интерпретации абсолютных этнографических лакун.

Автор приводит примеры по «Русско-французскому словарю» под ред. Л.Щербы и М.Матусевич, в котором выделяет некоторые особенности слов, свойственные только русской реальности: «Слово «папироса» имеет полноценным эквивалентом во французском языке слово «cigarette», фельетон – «feuilleton», подстаканник – porte-verre и т. д., <...> что вышеуказанных предметов во французской жизни просто не существует, и на основании этнографических критериев данные русские слова следует признать абсолютными этнографическими лакунами для французов» [1; с. 31].

Проблема лакунарности, конечно, касается не только русского и французского языков, она существует и в переводе с русского на каракалпакский язык, например, при перенесении из одной языковой действительности в другую таких лексем, как *резонанс*, *акция*, *расхлебать* и т.д. М.У.Курбанов справедливо отмечает, что «изучение русско-каракалпакских языковых контактов, выполненное в русле разработки общей проблемы структурного взаимодействия двух языков, способствует разработке научно обоснованных принципов обучения русскому языку каракалпаков и совершенствованию переводческой деятельности с русского на каракалпакский и наоборот, помогает повышению культуры русской и родной речи двуязычных лиц» [4].

Языковые материалы в данной статье сформированы методом сплошной выборки как из произведений художественной литературы (роман Т.Каипбергенова «Сказание о Маманбие» в трилогии «Дастан о каракалпаках» в переводе на русский язык А.Н. Пантиелева и З.С. Кедриной, роман Т.Каипбергенова «Каракалпак-намэ» в переводе на русский язык Е.Сергеева), так и из произведений научной литературы (монография Н.А.Баскакова «Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии», монография Н.Мамедова «Каракалпакская литература») а также из сборника «Каракалпакский фольклор. Пословицы и поговорки».

Для определения значения слов использовались толковые словари каракалпакского языка, а также диалектологический словарь каракалпакского языка (на каракалпакском языке). Все межъязыковые лакунарные единицы, приведённые в статье, представлены в следующем порядке: 1) форма употребления в русском языке; 2) слово в каракалпакском языке латинским шрифтом; 3) слово в каракалпакском языке кириллическим шрифтом (в скобках).

В ходе работы с текстами при использовании методологии В.Л.Муравьёва были выявлены лакунарные единицы в русском языке, ставшие объектом данного исследования.

Аксакал. Aq saqal. (Ақ сақал). 1. Человек пожилого возраста, достигший почётного возраста, чтобы управлять общиной. 2. Вид должности: человек, выбираемый для управления определённой территорией. Уважаемый человек, почтительное обращение к старшему [5; том 1, с. 61].

Заместо стражи явился аксакал в лисьей шапке с зелёным плюшевым верхом [6; с. 71].

– Скажи это нашим белобородым! – вскрикнул Аманлык. – Тебя послушают! [6; с. 72].

Здесь уникальным является обращение «Аксакал!» к старшим в каракалпакской культуре, оно лакунарно в русском языке, тогда как в прямом значении «аксакал» эквивалентно слову «старец» в русском языке. Во втором примере – «к нашим белобородым» имеется в виду «к нашим старцам».

Давая пояснение этнографическим лакунам, В.Л. Муравьёв утверждает универсальность понятий вне зависимости от принадлежности человека к определённой культуре. Каждый человек способен воспринимать понятийные категории другого языка, на каком бы языке он ни говорил, поэтому они универсальны в этом смысле: «Действительно, понятия универсальны как категория мышления, свойственная только человеческому мозгу. <...> Лучшим доказательством этого является процесс заимствования новых слов, которые берутся для обозначения новых понятий. Тот факт, что и абсолютные лакуны в данном языке можно «заполнить» на уровне речи пояснительными перифразами, также свидетельствует об универсальности человеческих понятий» [1; с. 31].

Алеф. Ālīp. (Әлип). 1. Первая буква арабского алфавита. 2. Высокого роста, рослый, бескорыстный [5; том 1, с. 144].

А на горизонте, по краю земли, в зоревом соку, скачут, играют то малые точки, то буквы-алефы аж до неба [6; с. 26].

В данном примере говорится о фигурах людей или других объектах, которые иногда возникают на горизонте, в лучах солнца.

Аткосшы. At qosshi. (Ат қосшы). 1. Помощник. 2. Помогающий в уходе за лошадьми своему хозяину, также выполняющий все другие хозяйственные работы. 3. Выполняющий то, что велел хозяин [5; том 1, с. 114].

А молодому бию этого беспмятного, безпризорного народа и его аткосшы – по два дурре для начала [6; с. 70].

Здесь, говоря об «аткосшы», имеется в виду не только «конюх», а близкий, доверенный человек, советник бия – управляющего народа, старосты. Сам автор в книге «Сказание о Маман бие» перечисляет его функции: «Аткосшы – самый близкий, доверенный помощник. У хана – есаул, у бия – аткосшы. Это человек на все руки: седлает бию коня, в гостях заказывает любимое блюдо, днюет и ночует у ложа, когда бий хворает. В деле он главный порученец, все знает, все помнит, а в отсутствие бия все решает, как бы решил бий. Аткосшы – избранник бия. Выбирают, понятно, по себе: один ищет силача, другой умника, третий – просто слугу. Но в будущем аткосшы – и сам бий, если он не дурак и не овца. И потому для байских сынков стать аткосшы – лестно и заманчиво. Это для них привычная и подобающая дорожка в люди» [6; с. 6].

Байги. Báygi. (Бәйги). 1. Лошадиные гонки, соревнования. 2. Подарок, приз [5; том 1, с. 244].

Конюха Кудияра разыскали, призвали светлые очи нового владыки и приказали к весне приготовить скакунов на байгу [6; с. 355].

Барымтачи. Barımta. (Барымта). 1. Угон скота, война, либо ссора общностей разных племён на почве вражды [5; том 1, с. 202].

Они принесли худую весть: хан Абулхаир опять распустил руки, хан Абулхаир не унился; минувшей ночью налетели его барымтачи, смяли чабанов, угнали много скота [6; с. 37].

Куирмаш. Quwırmash. (Қуўырмаш). Блюдо, приготовленное в казане, результате жарки семян джугары (сорго), пшеницы, кукурузы или других злаков [5; том 3, с. 201]. В книге «Сказание о Маман-бие» даётся пометка «куирмаш – жареное зерно» [6; с.407].

А ты, Бектемир, и с ребятами пригляди землю для посева. Смотри, как бы не пустили семена на куирмаш! [6; с.407].

Кумган. Quman. (Қуман). 1. Овальный сосуд с ручкой и крышкой, приготовленный способом отливки из чугуна, меди. 2. Приспособление для кипячения воды и мытья [5; том 3, с. 188]. По Н. Баскакову «Къуман – кумган, кувшин для ритуального омовения» [7; стр. 364].

В бедной хижине глинобитный пол будто языком вылизано, на пылающем очаге бурлит вода в чёрном кумгане [6; с. 351].

Куга. Qog'a. (Қоға). 1. Крупный камыш, растущий пучками. 2. Камышовидное, внутри полое растение, растущие на глинистой почве по берегам рек [5; том 3, с. 161 – 162].

Медленно таяли толпы людей, растекаясь по берегам рукавов дельты, ища приюта в чащах куги и турангиля [6; с. 391].

Ляббэй. Lábbáý. (Ләббай). В значениях: «Я готов!», «Я слушаю!», «Ладно!», «Хорошо!», «Согласен!» [5; том 3, с. 235].

Люди встречали их речи благодарным поклоном и словом ляббэй, что значит – слушаюсь покорно [6; с. 13].

Самар. Samar. (Самар). 1. Большая посуда, миска, в основном изготавливается из древесины [5; том 4, с. 174].

«Путь долгий, день знойный, ноша тяжёлая – подарённый бабушкой огромный самар, выточенный из целого куска дерева. Подарку мать очень обрадовалась: «Теперь-то мне легче будет, смогу готовить тесто сразу на полный тандыр!» [8; с. 5].

Также в качестве посуды важно и упомянуть следующую лексическую единицу:

Kersen. (Керсен). 1. Блюдо, по размеру больше миски, меньше самара (большой посуды), изготовленное из древесины [5; том 2, с. 330].

Тандыр. Tandır. (Тандыр). 1. Печь, сооружённая из глины в кругообразной форме, применяемый для выпечки хлеба [5; том 4, с. 273]. В романе «Каракалпак-намэ» даётся комментарий «Тандыр – куполообразная печь» [8; с. 5].

«Она отщипнет от края кусочек – и в тандыр его, под горячую золу. А потом вытащит и ест быстро, обжигаясь» [8; с. 8].

Хурджун. Qoғjin. (Қоржын). В толковом словаре каракалпакского языка: 1. Изделие, изготовленное из шерсти способом плетения, состоящее из двух частей. 2. перен. Трудное положение, плохое состояние [5; том 3, с. 175].

В переносном значении данное слово обозначает «попасть в очень трудное, безвыходное положение».

В словаре каракалпакских слов в русском тексте под ред. А. Умарова: «Хурджун», «курджум», «курджун». (Qoғjin) м. Перекладной мешок, перемётная сумка [9; с. 48].

Провожая сына на той, мать Курбан-бия, почтённая Шарипа, сама достала из хурджуна мятую чёрную шапку Давлетбай-бия и надела на сына с наказом с головы не снимать, ибо в эту шапку впитался отцовский дух [6; с. 408].

Чекмень. Shekpen. (Шекпен). 1. Длинная одежда, изготовленное из шерсти, покое внутри матерчатого покрова, либо набитое хлопком [5; том 4, с. 524].

Худощавый парень с красивым холёным лицом вскочил с места, точно сильно брошенная бабка, встал, поправляя на себе новенький серый чекмень [6; с. 51].

Дастархан. Dástúrhan. (Дэстүрхан). 1. Скатерть, сшитая из нескольких кусков материала, на которой расставляют блюда во время трапезы либо используют для хранения еды в накрытом виде. 2. перен. собир. Различные продукты питания [5; том 2, с. 68].

Селились по соседству, юрта в юрту, а жили душа в душу, делили хлеб, ели с одного дастархана [6; с. 36].

Таксыр. Taqsır. (Таксыр). арх. 1. Слово, произносимое при уважительном обращении к старшим. 2. Обращение, слово, употребляемое в том случае, когда просят о чём-л., умоляют [5; том 4, с. 262].

– Вот что, таксыр, господин мой, – молвил Маман-бий глухо, тяжёлый гнев душил его, – вы у нас как точильщик на базаре, сразу двум хозяевам друг на друга ножи точите [6; с. 530].

Улак. Ыақ оуы. (Ылақ ойыны). 1. То же, что козлёнок. Игра «ылак» – разновидность национальной игры, состязание, в котором всадники верхом на коне борются за тушу козлёнка [5; том 4, с. 576].

А вот юный джигит / Уже на коне летит / На нетерпеливый лад, / Устраивая улак! [12; с. 15].

Приведённые выше этнографические лакунарные единицы подтверждают мысль о том, что лексический состав языка отражает специфику реалий, характерных для определенной языковой общности. При этом некоторые слова как *аксакал*, *тандыр*, *кумган* в связи с их частотностью употребления переходят в другой язык, пополняя группу иностранных слов, и используются уже без перевода для обозначения предметов и явлений, характерных для культуры языка-оригинала.

В.Л.Муравьёв выдвигает главный критерий появления лакунарных единиц в языке: значимость понятий в двух языках, то есть «распространённость вещи в быту», «семантическая ассимилированность», «частое употребление» [1; с. 33] этого слова. Это связано, в первую очередь, с частной стороной в семантическом плане, с «определённой окраской соответствующих понятий» [1; с. 34]. Применительно к каракалпакскому языку данное явление можно рассмотреть на примере глагола *shámshil bolıw* (*шәмшил болыу*), либо лексемы *shámshil* (*шәмшил*) [5; том 4, с. 518], что обозначает 'склонный к сглазу', 'не защищенный от сглаза', 'склонный к болезням'. Данное понятие связано с древними верованиями тюркских народов, в частности, каракалпакского народа: обычно у тюркских народов новорождённых младенцев на протяжении сорока дней запрещено показывать дальним родственникам и другим людям из-за того, что может быть совершено действие, описываемое глаголом *shámshil* (*шәмшил*), то есть ребенка могут сглазить, либо каким-то другим образом негативно воздействовать на здоровье. Здесь представлена, в соответствии с классификацией В.Л.Муравьёва, абсолютная этнографическая лакунарная единица, напрямую связанная с культурой народа.

Особый интерес вызывает названия меры веса тюркского народа, в настоящее время встречающиеся только в произведениях устного народного творчества, то есть ставшие в современном каракалпакском языке архаизмами:

Мискал. Misqal. (Мысқал). 1. Старинная единица меры веса, равная 4,28 грамм [5; том 3, с. 332]. В романе Т. Каипбергенова «Каракалпак-намэ» даётся комментарий «Мера веса, равная примерно 5-6 граммам» [8; стр. 111].

«Соберёшь весь сахар за год – быть тебе свободным. Но помни: коли не достанет хоть одного мискала – не сносить тебе головы» [8; стр. 111].

Кадак. Qadaq. (Қадақ). Мера веса, равная примерно четырёмстам граммам [5; том 3, стр. 94].

Сийсери. Siyseri. (Сийсери). Мера веса, равная трём четвёртой части батпана [5; том 4, стр. 204].

В диалектологическом словаре «Мера веса (равная 30 кг.), равная трём четвёртой части батпана [10; стр. 266].

Он сери. (Онсери). Одна четвёртых батпана, мера веса, равная 10 кг. [5; том 4, с. 25]

В диалектологическом словаре «Он сери» – мера веса, равная одной четвёртой части батпана [10; стр. 235].

Onseri shortannan siyseri gúrtik shıǵadı (Онсери шортаннан сийсери гуртик шыгады) [11; стр.93.]. *Из шуки по весу онсери получится блюдо гуртик (каракалпакское национальное блюдо) величиной в сийсери.*

Батман. Batpan.(Батпан). арх. 1. Мера веса, соответственно с мерами определённых территорий от двадцати, двадцати двух, двадцати четырёх до сорока килограммов. 2. *перен.* Воз, вес, бремя, много, большой [5; том 1, с. 225].

Батман (батпан). М. Мера веса в Чимбае – 22 кг., в Кунграде – 40 кг [9; с. 11].

В диалектологическом словаре «**батпан**» – В Нукусском и Кипчакском районах (ныне – Амударьинский) равна 20 кг., в Кунграде, Турткуле и Шаббазе (Бируний) – 40 кг. <...> В регионах Муйнакского района, как Зайыр, Казакдаря 24 кг. зерна считается за одного батпана [10; стр. 65].

«И шарь себе или не шарь – / Пустым и мешки, и ларь, / Зерна – и батмана нет, / Да и полбатмана нет» [12; с. 11].

Вышеперечисленные названия мер веса в нынешнее время вышли из употребления в устной и письменной речи – это связано с использованием общепринятых во всём мире современных стандартных мер веса: *грамм, килограмм, тонна, центнер.*

Итак, приведенный в данной работе анализ межъязыковых лакунарных единиц каракалпакского языка показал, что они требуют детального описания и объяснения в русском

языке. К некоторым лексемам (*аткосшы, тандыр, мискал, куирмаш*) в переводах вышеперечисленных произведений приводятся лингвокультурные комментарии, составляются примечания. Следует отметить, что слова *кумган, дастархан, тандыр* активно употребляются в русскоязычном контексте в газетных статьях и журналах, понятны русским без перевода – это результат тесной межкультурной коммуникации России со Средней Азией, а также распространения переводов произведений фольклора, народных писателей и поэтов.

Многие из исследуемых слов, приведённых в нашей работе, являются общеупотребительными. Они не поддаются компенсации при переводе на русский язык данными лексемами, сохраняют свое прежнее значение, обусловлены необходимостью употребления при коммуникации в дискурсе в соответствии с функциональными и стилистическими особенностями в речи языковой личности.

Библиографический список

1. Муравьев В. Л. Лексические лакуны. Владимир: Вл. пед. ин-т, 1975, 97 с.
2. Мамедов Н. Каракалпакская литература. Баку, Мутарджим, 2007, 296 с.
3. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58, с. 22–27.
4. Курбанов М.У. Русско-каракалпакские языковые контакты на лексическом уровне в условиях активного билингвизма. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 1984 г. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения – 20.01.2020).
5. Толковый словарь каракалпакского языка (на каракалпакском языке). 1-4 тома. Нукус «Каракалпакстан». 1 том-1982, 404 с., 2 том-1984, 388 с., 3 том-1988, 368 с., 4 том-1992, 636 с.
6. Каипбергенов Т. К. Сказание о Мамае-бие. Дастан о каракалпаках: Трилогия. Том 1. Книга I. Пер. с. каракалп. М., 1989, 544 с.
7. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии (тексты и словари). Изд. АН СССР. М., 1951, 210 с.
8. Каипбергенов Т. Каракалпак-намэ. Роман-эссе. Перевод с каракалпакского Евгения Сергеева, 341 с. URL: www.ziyouz.com (дата обращения – 10.02.2020).
9. Умаров А. Словарь каракалпакских слов в русском языке. Пособие для студентов. Нукус, 1995, 57 с.
10. Диалектологический словарь каракалпакского языка / Под ред. Д.С. Насырова и О.Д. Доспанова. Нукус, 1983, 173 с.
11. Каракалпакский фольклор. Пословицы и поговорки, 265 с. URL: www.kitapxana.com (дата обращения – 05.01.2020).
12. Дабылов А. Бахадыр, дастан. Нукус «Каракалпакстан», 1989, 280 с.

References

1. Muravyov V. L. Lexical lacunes. Vladimir, 1975. 97 p.
2. Mamedov N. Karakalpak literature. Baku, 2007. 296 p.
3. Bayramova L. K. Linguistic lacunar units and lacunae // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2011. No. 25 (240). Philology. Art criticism. Vol. 58, pp. 22-27
4. Kurbanov M.U. Russian-Karakalpak language contacts on lexical level in conditions of active bilinguism. Abstract... PhD in Philology. 1984. URL: <http://cheloveknauka.com> (date of application – 05.02.2020).
5. Explanatory dictionary of Karakalpak language (in Karakalpak language). Vol. 1-4. Nukus, 1982-1992.

6. Kaipbergenov T. Story about Mamay-biy. The poem about Karakalpak people: Trilogy. Vol. 1. Moscow, 1989. 544 p.
7. Baskakov N.A. Karakalpak language. Materials on dialectology (texts and dictionary). Moscow: AS of USSR, 1951.
8. Kaipbergenov T. Karakalpak-name. URL: <http://www.ziyouz.com> (date of application – 05.02.2020).
9. Umarov A. Dictionary of Karakalpak words in Russian language. Nukus, 1995. 57 p.
10. Dialectological dictionary of Karakalpak language. Nukus, 1983. 173 p.
11. Karakalpak folklore. Proverbs and sayings. 265 p. URL: <http://kitapxana.com> (date of application – 05.02.2020).
12. Dabylov A. Hero (Bakhadir), poem. Nukus, 1989. 280 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 821. 112. 2-1.09 “19”

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко в г. Луганске
преподаватель кафедры романо-германской
филологии
Безверхая И.В.
Украина, г. Луганск, тел. +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Taras Shevchenko National University
of Luhansk (branch in Luhansk)
The department of Romano-Germanic
philology, teacher
Bezverkhaya I.V.
Ukraine, Luhansk, tel: +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

И.В. Безверхая

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ГОРА В НЕМЕЦКИХ РОМАНТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ Л. ТИКА И Й. ФОН ЭЙХЕНДОРФА: СЕМИОТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Данная статья посвящена исследованию концепта *гора*, а также способам его языковой репрезентации в немецких сказках периода романтизма. Актуальность работы обусловлена тем, что язык художественного текста немецкого романтизма очень своеобразен и недостаточно изучен именно в когнитивном и семиотическом аспектах. В данном исследовании проведен анализ художественного образа в немецких романтических сказках сквозь призму структуры концепта. Детальное рассмотрение концепта как методологического конструкта поэтического образа позволяет выделить его общекультурный, лежащий в ядре, архетипический компонент и периферийную область индивидуально-авторских ассоциаций, строящуюся на авторском опыте и авторском мировоззрении. Среди наиболее ярких образов немецкого романтизма гора занимает особое место. Образ, имеющий выразительную многозначность, символическое значение является одним из базовых компонентов в художественном тексте. Данный образ включает эмоциональный и культурный компоненты, отражает авторское мировидение. Поэтому мы считаем целесообразным провести анализ данного художественного образа и выделить основные механизмы его формирования в сознании автора как представителя эпохи немецкого романтизма. Теоретической базой проведенного нами исследования послужили научные труды И.А. Тарасовой в области когнитивной лингвистики. В данной статье представлен анализ образа горы в немецких романтических сказках Л. Тика «Der Runenberg», «Der blonde Eckbert» и Й. фон Эйхендорфа «Die Zauberei im Herbste». Гора является центральным символом в романтических сказках. Следует отметить, что в статье предпринимается попытка проследить, как формировалось и как менялось восприятие образа горы в немецком языковом пространстве. В работе также рассматривается восприятие горы в произведениях Л. Тика и Й. фон Эйхендорфа, приводятся примеры из немецких романтических сказок «Der Runenberg», «Der blonde Eckbert», «Die Zauberei im Herbste».

Ключевые слова: романтизм, сказка, гора, концепт, символ, образ.

I.V. Bezverkhaya

FEATURES OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF THE MOUNTAIN IN THE GERMAN ROMANTIC TALES OF L. TIECK AND J. VON EICHENDORFF: SEMIOTIC AND COGNITIVE ASPECTS

This article is devoted to the study of the concept of *mountain*, as well as ways of its language representation in German fairy tales of the Romantic period. The relevance of the work is due to the fact that the language of the literary text of German romanticism is very peculiar and insufficiently studied precisely in the cognitive and semiotic aspects. This study analyzes the artistic image of a German romantic tale through the prism of the structure of the concept. A

detailed consideration of the concept as a methodological construct of a poetic image allows us to highlight its general cultural, archetypal component lying at the core and the peripheral area of individual author associations based on the author's experience and the author's worldview. Among the most striking images of German romanticism, mountain occupies a special place. An image with expressive polysemy, symbolic meaning is one of the basic components in a literary text. This image includes emotional and cultural components, reflects the author's worldview. Therefore, we see it appropriate to analyze this artistic image and highlight the main mechanisms of its formation in the mind of the author as a representative of the era of German romanticism. The theoretical basis of our study was the scientific works of I.A. Tarasova in the field of cognitive linguistics. This article presents an analysis of the *mountain* image in the German romantic tales of L. Tieck «Der Runenberg», «Der blonde Eckbert» and J. von Eichendorff «Die Zauberei im Herbste». The mountain is a central symbol in romantic tales. It should be noted that the article attempts to trace how the perception of the mountain image in the German language space was formed and how it changed. The work also examines the perception of the mountain in the works of L. Tieck and J. von Eichendorff, examples are given from the German romantic tales «Der Runenberg», «Der blonde Eckbert», «Die Zauberei im Herbste». The purpose of this article is to consider the symbolization of the mountain image in German romantic tales. Scientific novelty lies in the study of the semiotic and cognitive aspects of the functioning of the mountain image in German fairy tales of the romantic era.

Key words: romanticism, fairy tale, mountain, concept, symbol, image.

Репрезентация природы в художественном мире определенного писателя занимает значимое место. В немецкой романтической сказке мотив природной стихии выступает в качестве концептуальной доминанты, поскольку именно романтики воспринимали мир динамично. Следовательно, тема природы в творчестве писателей эпохи романтизма играет важную роль. «Природа – это первоисточник науки и культуры... До романтиков пейзажи никогда не имели этого значения... Когда романтик рисует пейзаж, он рисует, откуда все берется: из природы. Они очень презирали орнаментальную живопись, где природа использовалась как украшение» [1, с. 15]. В немецких литературных сказках природа существует не обособленно от действия, она не является фоном для событий, описанных в тексте; литературные произведения в немецком романтическом дискурсе «как бы врастают в природную жизнь, становятся частью ее существования» [2, с. 38].

Вопрос о взаимосвязи отдельных индивидуально-авторских и общекультурных компонентов в художественном образе является актуальным. Следовательно, целесообразно рассмотрение концепта как образа в пространстве культуры. Эта проблема может быть проанализирована в проекции на структуру концепта [3, с. 21].

В нашем исследовании ядро концепта *гора* представляет архетипический природный компонент, который заложен в культурном сознании и вербализируется в прямом значении: гора – возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью. Концепт *гора* в текстовом пространстве выражается лексемой *Berg*.

Опираясь на энциклопедию символов известного немецкого ученого Г. Бидерманна, можно установить, что гора – символ духовной близости к Богу. Она возвышается над повседневным уровнем человечества и достигает небесной сферы. Вершины гор представляются символами «возвышения» над «повседневностью» [4, с. 33].

В фокус пейзажного описания неживой природы в немецком романтическом дискурсе прежде всего попадают объекты, которые вызывают в сознании читателя мотивы одиночества, отчуждения в отношении человека и среды его обитания: холм, вершина, гора (в пустынных горах, среди уединенных лесных холмов, на безмолвном круге гор, глубоко в горах и т.д.).

О популярности и многозначности образа горы свидетельствует большое количество литературных произведений, в которых гора не только выступает центральным образом, но и употребляется в самом названии: «Der Runenberg», «Der König vom goldenen Berg», «Simeliberg» и т.д.

Извлеченный концептуальный образ *горы*, столь характерный для романтической картины мира, дает разветвленную сеть ассоциативных метафор: *гора – место поиска счастья; гора – желанное место; гора – опасность; гора – пустота, тоска, одиночество, разочарование; гора – родной дом; гора – страх, боязнь, опасение; гора – рай; гора – уединение; гора – красота, восхищение.*

Необходимо отметить, что метафоры анализируемого ряда последовательно актуализируют ценностные бинарные аппозиции: *вера – разочарование, свобода – несвобода.* Репрезентация данных абстрактных оппозиций происходит с помощью противопоставления ключевых концептуальных метафор образа *горы*: *счастье – тоска, пустота, одиночество; желанное место – опасность; красота, восхищение – разочарование.*

Рассмотрим несколько примеров реализации концепта *гора* в романтических сказках Л. Тика и Й. фон Эйхендорфа, демонстрирующих богатый спектр разнонаправленных индивидуальных ассоциаций, для которых характерны эмоционально-оценочные смыслы. Считаем, что концепт *гора* обладает эмоциональным ядром (тоска, страх, разочарование, опасение, восхищение, очарование и т.д.). Таким образом, приведенный выше концепт рассматривается с точки зрения интеллектуально-эмоциональной природы, поэтому при его описании важно остановиться на эмотивном и понятийном слоях концепта [3, с. 25].

Далее проследим особенности авторского мировосприятия концепта *гора*, опираясь на немецкую романтическую сказку Л. Тика «Der Runenberg». Образ *горы* в сказке тесно связан с психологическими состояниями главного героя. Текстовый образ сопровождают коннотации *гора – счастье, гора – опасность, гора – пустота, тоска, одиночество, гора – очарование, желанное место, гора – родной дом.* Л. Тик в своей сказке вербализует концепт *гора*, используя лексему *Berg* с помощью метафорической конструкции *im Glück in Bergen zu finden* («найти свое счастье в горах»), что привносит в текст положительную эмоциональную окраску. «Jugend des Dorfes, seine Bekanntschaften unter den Kindern, die Schule, die ihm so drückend gewesen war, und er sehnte sich in alle diese Umgebungen zurück, die er freiwillig verlassen hatte, *um sein Glück in unbekanntem Gegenden, in Bergen, unter fremden Menschen, in einer neuen Beschäftigung zu finden*» [5, с. 7]. (Воспоминания о детстве, ребятах, школе, которая его так угнетала, не покидали молодого юношу. Ему так хотелось вернуться в это прежнее время, на родину, которую он добровольно покинул, *чтобы найти свое счастье в незнакомых краях, в горах, среди чужих людей, в новом жизненном образе*). Основой концепта *гора* выступает архетип *земля*. Архаический компонент в содержании концепта *гора* проявляется через его связь с поиском счастья на земле.

Приведенный пример представленного образа *горы* помогает создать когнитивную метафорическую схему: *гора является поиском счастья.*

Так как *гора* – многозначный символ, антиномичный образ *горы* может трактоваться как амбивалентный, связанный с эмоционально-ценностными категориями, а именно, с поиском смысла жизни (мечтой, счастьем) и утратой смысла жизни (одиночеством, тоской). Л. Тик воплощает в контексте своей сказки образ *горы* через связь героя с чувством одиночества и пустоты. Используя лексему *Gebirge* наряду с прилагательным, имеющим оттенок превосходной степени *einsamsten*, автор отображает внутренний мир героя, характеризующийся утратой смысла жизни. «Jetzt sitze ich seit acht Tagen hier oben auf dem Vogelherd, *im einsamsten Gebirge, und am Abend wurde mir heut so traurig zu Sinne, wie noch niemals in meinem Leben...*» [5, с. 11]. (Вот уже восемь дней я нахожусь здесь, *в одиноких, пустынных горах.* Вечером вдруг мне стало так грустно, я никогда в жизни не испытывал такого чувства. Мне казалось, что я сирота, несчастный и одинокий). Подобренные автором лексические и стилистические средства выражают очевидную родственность и смежность концепта *гора* и образа одиночества. В модели концепта *гора* символический слой образует архетипическим компонентом, в основе которого заложен смысл утраты жизни. Образ *горы* получает

коннотацию пустого пространства, а, соответственно, и одиночества, которое окружает героя.

Итак, концепт *гора* в представленном нами случае выступает основой для вырабатываемой в пределах текста концептуальной метафорической схемы: *гора является одиночеством*.

Особенно яркими становятся образы, построенные автором на основании ассоциативной линии, где гора символизирует желанное место. Так, например, в сказке Л. Тика «Der Runenberg» при изображении горы доминирует светлая палитра, а именно «синие горы» (*blaue Berge*). В текстовом пространстве Л. Тик целенаправленно использует синий цвет, который символизирует гармонию, благородство. Речь идет о вызывающей положительные эмоции стороне человеческого бытия, его лучших надеждах и устремлениях. В сочетании с прилагательным *blau* и *vielgeliebt* лексема *Berg* олицетворяет красоту и вызывает самые теплые и искренние чувства любви (среди возлюбленных гор). «Nachmittags befand ich mich schon *unter den vielgeliebten Bergen*, und wie ein Trunkner ging ich, stand dann eine Weile, schaute rückwärts, und berauschte mich in allen mir fremden und doch so wohlbekanntem Gegenständen. Bald verlor ich die Ebene hinter mir aus dem Gesichte, die Waldströme rauschten mir entgegen, Buchen und Eichen brausten mit bewegtem Laube von steilen Abhängen herunter; mein Weg führte mich schwindlichten Abgründen vorüber, *blaue Berge standen groß und ehrwürdig im Hintergrunde*» [5, с. 12]. (После обеда, во второй половине дня я очутился *среди возлюбленных гор* и, как опьяненный, то шел, то на несколько минут останавливался, то оборачивался назад. Я был в восторге от всех незнакомых мне предметов. В скором времени я потерял из виду равнину, лесные реки журчали мне навстречу, с крутых склонов шумели ветви бука и дуба; мой путь вел меня по головокружительным пропастям, *синие горы величественно замыкали картину на заднем плане*). Образ *горы* в индивидуально-авторском значении является желанным местом героя. В основе понятийного слоя концепта *горы* лежат элементарные когнитивные признаки *желание* и *благо*. Следовательно, архетипом лексемы *Berg* выступает *любовь*.

Таким образом, в контексте рассматриваемого произведения концепт *гора* выступает в составе концептуальной метафорической схемы: *гора является желанным местом*.

Внутренний антиномизм позиции автора проявляется и в специфике символического слоя концепта. С одной стороны, Л. Тик создает образ *горы* как места, которое является для героя желанным. В то же время автор сказки отвергает общепринятые символы *горы*, которые являются опасным местом для героя.

Следует отметить, что в сказке ассоциатами опасности выступают природные объекты: темные громады, крутая отвесная гора, древние развалины. Лексема *Berg* приведена в сочетании с прилагательным *steil*, что в свою очередь представляет опасность. «Jetzt traten sie ins Freie, und das Licht des Mondes, der oben mit seinen Hörnern über der Bergspitze stand, begrüßte sie freundlich: in unkenntlichen Formen und vielen gesonderten Massen, die der bleiche Schimmer wieder rätselhaft vereinigte, lag das gespaltene Gebürge vor ihnen, im Hintergrunde *ein steiler Berg*, auf welchem uralte verwiterte Ruinen schauerlich im weißen Lichte sich zeigten» [5, с. 15]. (Теперь их полностью окружала свобода. Луна, стоявшая над вершиной горы, любезно приветствовала их. В неузнаваемых формах, разрозненными громадами, загадочно вновь соединяемыми бледным мерцанием, лежал перед ними расколотый хребет, а за ним *крутая гора*, на которой в белом свете луны страшно виднелись древние руины). Базовым для этого образа выступает архетип *страх*, ведь именно высота гор вызывает чувства страха и опасения.

Следовательно, можно сделать вывод, что в текстовом пространстве представленный образ генерирует концептуальную метафорическую схему: *гора является опасностью*.

Ассоциативная линия *гора – дом* происходит в тексте сказки Л. Тика «Der Runenberg», где путь на родину (дорога, ведущая в горы) становится путем к финальной точке земного существования (*alten Schacht ist meine Wohnung*). Лексемы *Erze* и *Berggewässer*, которые

имеют значения «горные породы» и «горные ручьи», в тексте сказки персонифицируются («die Erze sind meine Nachbarn», «die Berggewässer erzählen mir Wunderdinge in der Nacht»): «„Unser Weg trennt sich hier“, sagte der Fremde, „ich gehe in diese Tiefe hinunter, dort bei jenem alten Schacht ist meine Wohnung: *die Erze sind meine Nachbarn, die Berggewässer erzählen mir Wunderdinge in der Nacht, dahin kannst du mir doch nicht folgen*» [5, с. 16]. («Здесь наш путь разделяется», – сказал незнакомец; – я спущусь в это ущелье; там у той старой шахты моё жильё. *Руды – мои соседи, горные потоки рассказывают мне ночью много чудесного; ты не можешь следовать за мной туда*). В сочетании со своими концептуальными признаками, составную часть лексемы *Berg*- следует рассматривать в качестве вербализации живого образа. Архетипический компонент в содержании концепта *горы* проявляется через его связь с домом, очагом. Эта ассоциативная связь подтверждается многочисленными существительными, такими как *Schacht, Wohnung, Nachbarn*, которые символизируют в текстовом пространстве родной дом. Передавая положительные эмоции главного героя, автор реализует чувство радости и очарование.

Опираясь на исследованный нами пример образа *горы* как идеального, прекрасного места, мы выделяем концептуальную метафорическую схему: *гора является родным домом*.

Образ *горы* в сказке Л. Тика «Der blonde Eckbert» тесно связан с душевными переживаниями, потрясениями главного героя. Текстовый образ сопровождают коннотации *гора – страх, гора – радость*.

Так, в сказке рассматриваемый образ *горы* несет в себе отрицательную эмоциональную окраску. Лексема *Gebirge* в сочетании с гиперболой *war meinem kindischen Ohr ein fürchterlicher Ton* убеждает нас в том, что данный образ *горы* вызывает у главного героя чувство страха и тревоги с самого детства. Рассмотрим примеры использования данного концепта в немецкой романтической сказке Л. Тика «Der blonde Eckbert»: «Denn ich hatte in der Ebene noch keine Berge gesehen, und *das bloße Wort Gebirge, wenn ich davon hatte reden hören, war meinem kindischen Ohr ein fürchterlicher Ton gewesen*. Ich hatte nicht das Herz zurückzugehen, meine Angst trieb mich vorwärts...» [6, с. 24]. (Хотя я росла на равнине, но я никогда не видела гор, когда речь шла о самом слове «гора», было что-то страшное для моего детского слуха. У меня не хватало духу вернуться назад, страх гнал меня вперед...). Архетип *опасение* отображен, на наш взгляд, в художественном образе *гора*. В сказке внутреннее состояние героя наполнено душевными переживаниями, боязнью. Ужас, страх пронзил героя. Весь пройденный путь казался для него бесконечным.

Исходя из контекста произведения, мы делаем вывод, что образ *горы* выступает вербализатором концептуальной метафорической схемы: *гора является страхом*.

В сказке образ *горы* входит в довольно обширный антонимический ряд: *страх, тревога, опасение, боязнь – бесстрашие, спокойствие, радость, безопасность*. Положительное эмоциональное состояние представлено амбивалентно *aus der Hölle in ein Paradies* (из ада в рай). Лексема *Berg* сочетается с прилагательными *fern* и *angenehm*, которые изображают концептуальный признак *добродушие*. «Gegen Abend schien die Gegend umher etwas freundlicher zu werden, meine Gedanken, meine Wünsche lebten wieder auf, die Lust zum Leben erwachte in allen meinen Adern. Ich glaubte jetzt das Gesäuse einer Mühle aus der Ferne zu hören, ich verdoppelte meine Schritte, und wie wohl, wie leicht ward mir, als ich endlich wirklich die Grenzen der öden Felsen erreichte; *ich sah Wälder und Wiesen mit fernem angenehmen Bergen wieder vor mir liegen*. Mir war, als wenn ich aus der Hölle in ein Paradies getreten wäre, die Einsamkeit und meine Hilflosigkeit schienen mir nun gar nicht fürchterlich» [6, с. 27]. (К вечеру местность во круг, казалось, стала чуть веселее; мои мысли и желания снова ожили, жажда жизни охватила мою душу. Мне послышался издали шум мельницы, я начала идти быстрее, и как хорошо, как легко стало мне на сердце, когда я, наконец, достигла конца голых скал; *я снова увидела перед собой леса и луга с далекими приветливыми горами*. Мне казалось, что я попала из ада в рай; мое одиночество и моя беспомощность перестали казаться мне ужасными). Осно-

вой концепта *гора* выступает архетип *радость*, так как именно эмоциональный, непосредственно переживаемый, слой концепта связывает ощущения счастья главного героя сказки Л. Тика с желанием жить дальше: «жажда жизни охватила мою душу».

Таким образом, в контексте рассматриваемого произведения концепт *гора* выступает в составе концептуальной метафорической схемы: *гора является раем*.

В сказке Й. фон Эйхендорфа «Die Zauberei im Herbste» концепт *гора* также обладает высокой частотой. Образ *горы* в сказке интерпретируется как «уединенные лесные холмы». В нижеупомянутом примере дескриптивную роль отведено прилагательному *einsamen* и лексеме *-bergen*, которая используется как составляющая композита *Waldbergen*. Реконструкция словесного художественного образа *einsamen Waldbergen* с помощью контекстуального анализа позволяет выделить смысл данного образа, который представляет понятия *уединение* и *одиночество*. «Ritter Ubaldo war an einem heiteren Herbstabend auf der Jagd weit von den Seiningen abgekommen und ritt eben zwischen einsamen Waldbergen hin, als er von dem einen derselben einen Mann in seltsamer, bunter Kleidung herabsteigen sah» [7, 25]. (Рыцарь Убальдо в один из прекрасных осенних вечеров отстал на охоте от своих спутников и в полном одиночестве ехал *среди пустынных гор*, поросших лесом, когда внезапно увидел, как к нему навстречу идет человек в необычном пестром одеянии). В модели концепта *гора* символический слой образуется с помощью архаического компонента, в основе которого заложен смысл забытого всеми места.

Таким образом, концепт *гора* в сказке выступает в составе концептуальной метафорической схемы: *гора является уединением*.

Образ *горы* является источником вдохновения. Согласно мнению О.В. Вовк: «гора – величественный природный символ вечности, превосходства, постоянства, чистоты, гармонии, устремленности и духовного подъема» [8, с. 18]. Как видим, Й. фон Эйхендорф в тексте сказки демонстрирует богатый вариативный ряд образов *горы*. Писатель довольно часто обращается к этому мотиву, что позволяет говорить о его особой значимости в текстовом пространстве произведения и трактовать гору как некий образ, которым восхищается главный герой сказки. «Lange war ich umhergeirrt und befand mich endlich zu meiner Verwunderung in einer mir bis jetzt noch ganz unbekannt gebliebenen Gegend des Gebirges» [7, 27]. (Долгое время я бродил вокруг, и наконец, к моему удивлению, оказался в горной местности, которая была мне ранее незнакома). Лексема *Gebirge* сопровождается положительной эмоциональной окраской. Таким образом, *гора* в сказке является ощущением счастья.

Вышеназванный пример дает нам возможность сделать вывод о том, что в тексте сказки концепт *гора* генерирует концептуальную метафорическую схему: *гора является восхищением*.

Таким образом, проанализировав образ *горы* в немецких романтических сказках Л. Тика «Der Runenberg», «Der blonde Eckbert» и Й. фон Эйхендорфа «Die Zauberei im Herbste», мы сделали вывод, что данный образ в немецком романтизме играет важную роль. Образ горы является олицетворением мощи, одиночества и опасности. Символическое противопоставление верха и низа горы в сказке получило философское значение. В немецких литературных произведениях горы означают высоту желаний героя, их воспарение. Следовательно, проведенный анализ концепта *гора* в немецком романтическом дискурсе дал нам возможность выделить такие концептуальные схемы: *гора является поиском счастья*, *гора является одиночеством*, *гора является опасностью*, *гора является родным домом*, *гора является страхом*, *гора является раем*, *гора является уединением*, *гора является восхищением*, основой для которых выступает когнитивная модель *естественное & эмоциональное*. Необходимо отметить, что для концептуальной схемы *гора является желанным местом*, основой выступает когнитивная модель *естественное & понятийное*.

Кроме того, необходимо отметить, что практически в каждом проанализированном произведении концепт принимает имплицитные коннотации, построенные автором на основании ассоциаций и метафорических переносов, и выражает характерные для романтизма мотивы одиночества, страдания, восхищения, божества. Исходя из этого, можем сделать вывод, что указанные концептуальные схемы отражают душевное состояние героя, то есть покой, переживание, тревогу, беспомощность, страх, надежду и т.д. Образы горы, используемые автором, формируют полноценную индивидуально-авторскую картину мира и позволяют читателю понять нестабильное эмоциональное состояние героя в сказке.

Библиографический список

1. Берковский Н.Я. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2002. 365 с.
2. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Новатор, 1996. 271 с.
3. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2018. 166 с.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
5. Tieck, L. Der Runenberg. Zürich, 1999. 87 S.
6. Tieck, L. Der blonde Eckbert. Zürich, 1996. 59 S.
7. Eichendorff, von J. Die Zauberei im Herbste. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1985. 45 S.
8. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М., 2005. 383 с.

References

1. Berkovsky N.Ya. Lectures on foreign literature. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2002. 365 p.
2. Zhirmunsky V.M. German romanticism and modern mysticism. St. Petersburg: Novator, 1996. 271 p.
3. Tarasova I.A. Cognitive poetics: subject, terminology, methods. M.: INFA-M, 2018. 166 p.
4. Biedermann G. Encyclopedia of characters. M.: Republic, 1996. 335 p.
5. Tieck, L. Der Runenberg. Zürich, 1996. 59 p.
6. Tieck, L. Der blonde Eckbert. Zürich, 1999. 87 p.
7. Eichendorff, von J. Die Zauberei im Herbste. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1985. 45 p.
8. Vovk O.V. Signs and symbols in the history of civilizations. M., 2005. 383 p.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070.1:316.774

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, старший преподаватель
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации
Самойленко Н.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural
communication
PhD,
Senior lecturer
Samoilenko N.S.
Russia, Voronezh, tel. +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com

Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кушнир К.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural
communication
assistant
Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Н.С. Самойленко, К.И. Кушнир

**ТРАДИЦИОННЫЕ СМИ И НОВЫЕ МЕДИА:
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ ПРОТИВ ОППОЗИЦИОННОГО**

Данная работа посвящена рассмотрению традиционных средств массовой информации и новых медиа, их схожих черт и дифференцирующих признаков. Интерес у исследователей вызывает феномен роста популярности и степени доверия целевой аудитории к публикациям в глобальной сети Интернет. Статья основывается на исследованиях «Левада-центра», где были выявлены изменения, произошедшие в медиапотреблении за последние годы, что доказывает актуальность данной статьи. В соответствии с вышеназванными исследованиями подведены следующие итоги: традиционные СМИ неизбежно теряют свою популярность у современной аудитории, в то время, как Интернет стремительными темпами набирает ее, и доверие потребителя ко «всемирной паутине» растет экспоненциально. В процессе исследования сравниваются традиционные средства массовой информации, представителями которых выступают телеканалы «Россия 1», «1 Канал», «НТВ», «ТНТ», «Дождь» и новые медиа - основные социальные сети в Российской Федерации, к которым относятся «ВКонтакте», «Одноклассники», «YouTube», «Instagram». Рассматриваются такие понятия, как конвергентность и интерактивность, их влияние на медиапотребление. Исследование позволило сделать выводы о росте популярности и предпочтении массовой аудиторией публикаций развлекательной тематики в новых медиа.

Ключевые слова: новые медиа, развлекательный контент, оппозиционный контент, традиционные СМИ, конвергенция, интерактивность, дигитализация.

N.S. Samoilenko, K.I. Kushnir

OLD MEDIA AND NEW MEDIA: ENTERTAINMENT CONTENT AGAINST OPPOSITION CONTENT

This work focuses on analyzing traditional and new media, their similarities and differentiations, as well as the growing popularity and ensuring trust to publications in the Internet from target audience. Article relies upon the research of Levada-Center that revealed changes in media consumption over the years, which proves its relevance. In accordance with the forenamed research the following conclusions can be drawn: traditional media is inevitably losing its popularity among modern audience, while Internet is gaining ground, and consumer's trust to world wide web is growing exponentially. This study compares traditional media represented by television channels «Rossiya 1», «1 Kanal», «NTV», «TNT», «Dozhd» and new media — mainstream social media in Russian Federation which include «Vkontakte», «Odnoklassniki», «YouTube», «Instagram». The study deals with such concepts as the convergency and interactivity, and their influence on media consumption. This research helped to draw conclusions on growing popularity and mass audience preferences of publications on entertainment subjects in the new media.

Key words: new media, entertainment, opposition, old media, convergence, interactivity, digitalization.

1 августа 2019 года «Левада-центр» опубликовал исследование «Российский медиаландшафт 2019». Отчет показывает, на основе каких источников формируется картина мира российских граждан. Виден ряд изменений, которые произошли с медиапотреблением за последние десятилетия: телевидение продолжает терять аудиторию, в то время как рост аудитории интернета в целом, социальных сетей и видеоблогов, в частности, экспоненциален.

Среди основных выводов «Левада-центр» необходимо отметить:

1) телевидение по-прежнему остается основным источником информации для большинства россиян, но его аудитория постепенно снижается: если десять лет назад информацию по телевизору получали 94% россиян, то сегодня таких 72%; реже всего получают новости по телевизору молодые люди, что составляет 42% среди россиян до 25 лет (против 93% среди людей старше 65 лет). У молодежи роль главного источника информации сегодня играют социальные сети;

2) доверие к телевидению как источнику новостей выявляется лишь у 55% населения (десять лет назад эта цифра была на треть выше – 80% населения);

3) интернет и социальные сети как источники новостей по своей значимости сегодня опережают все остальные источники информации (кроме телевидения);

4) новым источником информации становятся видеоблоги: около трети россиян смотрят их раз в неделю или чаще (в т.ч. 7% смотрят ежедневно), а среди граждан до 25 лет – две трети (в т.ч. 19% смотрят ежедневно). Телеграм-каналы являются важным источником новостей примерно для 1% россиян;

5) доверие россиян к интернет-ресурсам и социальным сетям за 10 лет регулярных измерений выросло и сегодня равняется 20%;

6) увеличение влияния интернет-ресурсов происходит благодаря продолжающемуся росту российской интернет-аудитории: на сегодняшний день около 72% населения пользуется интернетом «ежедневно, практически ежедневно» и «несколько раз в неделю»; в 2001 году таких было всего 2-3%;

7) наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» (ими пользуются 42% россиян), «Одноклассники» (33%), YouTube (30%) и Instagram (23%) [1].

Таким образом, обобщив результаты исследования, необходимо выделить следующее: традиционные СМИ в целом и телевидение в частности объективно теряют свою популярность и доверие к себе как источнику информации, в то время как интернет (в первую очередь, социальные сети) одновременно приобретает и первое, и второе.

О чем свидетельствуют данные выводы? Так называемые оппозиционные СМИ на протяжении долгого времени занимаются целенаправленной дискредитацией так называемого федерального телевидения: «Fakenews» (проект телеканала «Дождь») выдает в эфир материал со следующим заголовком: «Бывший ведущий НТВ хоронит телевидение в гостях у Fakenews» [2]. Цель таких материалов – очернить работу федеральных телеканалов. В таких обстоятельствах оппозиционные СМИ преподносят данные исследования «Левада-центр» как свою победу. В

день выхода упомянутого выше исследования оппозиционные СМИ поспешили сконцентрироваться на том, что проблема заключается в недоверии к власти. «Голос Америки» выходит с заголовком «Доверие к новостям с российских телеканалов падает» [3]. Но так ли однозначна взаимосвязь между уровнем доверия к властным структурам и уровнем доверия к телевидению?

Обратим внимание на то, что в самом исследовании «Левада-центр» указано: показатель доверия напрямую коррелирует с медиапотреблением, иными словами аудитория доверяет тому каналу информации, контент которого потребляет.

Таким образом, падение как рейтингов, так и доверия к телевидению обусловлено, в первую очередь, технологическими факторами – интернет как канал коммуникации имеет куда более широкие возможности воздействия на аудиторию. Телевидение наряду с остальными традиционными СМИ с точки зрения технологий быстро «устаревает» и не обладает всеми теми средствами воздействия, которые представлены в так называемых «новых медиа».

«Новые медиа» – термин, который в конце XX века стали применять для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации с целью дифференциации традиционных и новых форм СМИ. «В настоящее время под ним обычно подразумевают цифровые медиа, такие как интернет, компьютерные игры, цифровые фильмы и фотографии, мобильная телефония и виртуальный мир» [4].

Обобщив научные исследования по данной проблематике, выделим основные отличия так называемых новых медиа от классических:

- 1) «новые медиа» оперативнее, чем «старые»;
- 2) «новые медиа» открытые, «старые» – закрытые;
- 3) аудитория «новых медиа» может быть названа как пользователями, в то время как аудитория «старых медиа» – публикой;
- 4) «новые медиа» доставляют «картинку», «старые» – текст;
- 5) «новые медиа» активны, «старые» – пассивны;
- 6) «новые медиа» обеспечивают пользователю возможность генерировать содержание, «старые медиа» дают эту возможность производителю [4].

В научном сообществе вышеуказанные практические особенности принято обозначать терминами дигитализация (в некоторых источниках: диджитализация или цифровизация), конвергенция и интерактивность. По нашему мнению, это именно те особенности «новых медиа», которые позволяют им оказывать все большее влияние на аудиторию и которых лишены традиционные СМИ (например, такие как телевидение).

Очевидно, традиционные СМИ в данных условиях испытывают затруднения при адаптации к изменениям в медийной среде.

Рассмотрим данный тезис на примере самого популярного, по версии актуального исследования «Левада-центр», федерального телеканала «Россия 1».

Как уже отмечалось выше, основными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» «Одноклассники» и «YouTube» и «Instagram».

Сравним показатели самого популярного в России телеканала «Россия 1» в данных социальных сетях с:

- а) самыми популярными «новыми медиа» каждой из социальных сетей;
- б) наиболее успешным телеканалом в каждой конкретной социальной сети;
- в) наиболее популярным оппозиционным СМИ в каждой конкретной социальной сети.

Компаративное исследование проводилось по трем критериям:

1. аудитория (количество подписчиков);
2. совокупное количество комментариев, которые собрали последние 5 публикаций (данный критерий добавлен для оценки активности пользователей и дистанцирования от медиа с так называемыми «накрученными» подписчиками);
3. совокупное количество просмотров 5 последних публикаций (если возможно отследить).

«ВКонтакте»

Страница телеканала «Россия 1» «ВКонтакте» имеет 148 тыс. подписчиков, а последние 5 публикаций собрали совокупно 57 отзывов при 28,6 тыс. просмотров.

Самая популярная группа «ВКонтакте» – «Новинки музыки 2019» – имеет 16,9 млн. подписчиков, последние 5 публикаций собрали совокупно 1 млн. просмотров.

При этом самый популярный телеканал в социальной сети «ТНТ» имеет 5 млн. подписчиков, а последние 5 публикаций собрали совокупно 8053 отзыва при 686 тыс. просмотров.

Самым популярным оппозиционным СМИ «ВКонтакте» является телеканал «Дождь» (450 625 подписчиков), последние 5 публикаций имеют 231 комментарий при 53,5 тыс. просмотров.

«Одноклассники»

Страница телеканала «Россия 1» в «Одноклассниках» имеет 543441 подписчика, а последние 5 публикаций собрали совокупно 7 отзывов.

Самая популярная группа в «Одноклассниках» – «Игра "Сокровища Пиратов" - официальная группа» имеет 7,4 млн. подписчиков, последние 5 публикаций собрали совокупно 4994 комментария.

Самый популярный телеканал в социальной сети – «1 Канал» – имеет 822 315 тыс. подписчиков, последние 5 публикаций собрали совокупно 1180 отзывов.

Самым популярным оппозиционным СМИ в «Одноклассниках» является телеканал «Дождь» (260 905 подписчиков), последние 5 публикаций имеют 744 комментария.

«YouTube»

По данным на 1 августа 2019 года канал «Россия 1» на сайте «Youtube» имеет 1 654 318 подписчиков, а последние 5 публикаций собрали совокупно 111 отзывов при 55617 просмотрах.

Самый популярный русскоязычный канал на «Youtube» – детский канал «LikeNastya VLOG» – имеет 30 402 806 подписчиков, последние 5 опубликованных видеособрали совокупно 47 683 721 просмотр, комментарии к данному каналу отключены.

При этом самый популярный телеканал в социальной сети «НТВ» имеет 6 091 932 подписчика, а последние 5 публикаций собрали совокупно 258 отзывов при 94 439 просмотрах.

Самым популярным оппозиционным СМИ в «Youtube» является канал «Алексей Навальный» (2 878 847 подписчика), последние 5 публикаций имеют 217 962 комментария при 8 810 021 просмотре.

«Instagram»

По данным на 1 августа 2019 года канал «Россия 1» в «Instagram» имеет 297 тыс. подписчиков, а последние 5 публикаций собрали совокупно 68 отзывов при 14 706 просмотрах.

Самый популярный русскоязычный «Instagram-аккаунт» – «Ольга Бузова» – имеет 16,5 млн. подписчиков, последние 5 публикации собрали совокупно 21474 отзыва при 8,5 млн. просмотров.

При этом самый популярный телеканал в социальной сети «ТНТ» имеет 12 млн. подписчиков, а последние 5 публикаций собрали совокупно 261 отзыв при 1,1 млн. просмотров.

Самым популярным оппозиционным СМИ в «Instagram» является «Алексей Навальный» (807 тыс. подписчиков), последние 5 публикаций имеют 43 298 комментариев при 2,4 млн. просмотров.

Анализ приведенных выше результатов позволяет сделать следующие выводы:

- наиболее популярны «новые медиа» так называемой развлекательной направленности: исследование позволяет выявить повышенный интерес аудитории к детской, игровой, музыкальной тематике;
- классические СМИ, занимающие лидирующие позиции в своих медийных нишах, тяжело адаптируются к новой цифровой среде – лидирующие позиции в интернет-пространстве занимают «новые медиа», не представленные в традиционных СМИ;

- оппозиционные медиа имеют относительно низкую популярность в социальных сетях, тем не менее, зачастую они превосходят по сравнимым характеристикам представителей традиционных СМИ;

- лидерство СМИ при одной модели распространения информации не гарантирует лидерства в новой цифровой среде: несмотря на то, что на телевидении телеканал «Россия 1» лидирует, в социальных сетях более популярными оказались другие телеканалы, такие как «1 Канал», «НТВ», «ГНТ», «Дождь»;

- в кросс-медийных условиях конвергенции представляется нерелевантным оценивать рейтинг СМИ, учитывая лишь один канал распространения информации, в отрыве от присутствия на других медийных платформах, например, у телеканала «ГНТ» наблюдается падение рейтингов на телевидении, но при этом данный канал имеет высокие показатели активности пользователей в социальных сетях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) рост популярности и доверия аудитории к «новым медиа», интернет источникам и социальным сетям экспоненциален, что подтверждается научными исследованиями, при этом сами категории популярности и доверия напрямую коррелируют друг с другом;

- 2) вопреки заявлениям оппозиционных СМИ, анализ популярных «новых медиа» свидетельствует о том, что аудитория предпочитает развлекательный контент оппозиционному; именно развлекательный контент в новых кросс-медийных, интерактивных воплощениях формирует популярность «новых медиа»;

- 3) оппозиционные СМИ, не будучи представленными на федеральных телеканалах, используют «новые медиа» и их базовые особенности, такие как интерактивность, успешнее, чем «традиционные» СМИ, что выражается в высокой активности пользователей; для сохранения аудитории «традиционным» СМИ необходимо пересмотреть подход к представлению информации и как можно быстрее адаптироваться к новым медийным реалиям.

Библиографический список

1. Левада-центр: «Российский медиа-ландшафт 2019». URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата обращения – 01.08.2019).
2. Fakenews: «Бывший ведущий НТВ хоронит телевидение в гостях у Fakenews». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P2e-oejR6NQ> (дата обращения – 02.08.2019).
3. Голос Америки: «Доверие к новостям с российских телеканалов падает». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/experts-on-trust-in-media/4571416.html> (дата обращения – 01.08.2019).
4. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа (пер. с англ. Бергер Н.) // Вестник ВолГУ, серия 8. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 98 – 106.

References

1. Levada-centr: «The Russian media landscape in 2019». URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (date of application: 01.08.2019).
2. Fakenews: «The former NTV host buries television in a visit to Fakenews». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P2e-oejR6NQ> (date of application: 02.08.2019).
3. Voice of America: «Trust in news from Russian TV channels is falling». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/experts-on-trust-in-me..> (date of application: 01.08.2019).
4. Stins O., Van Fuht D. New media (translated from English by Berger N.) // Bulletin of the Volga, series 8. Vol. 7. Volgograd, 2008. P. 98 – 106.

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*магистрант 1 курса
направления «Журналистика»
Меренкова О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(903)420-68-98
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru*

*Master student of the 1st-year
(qualification «Journalism»)
Merenkova O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(903)420-68-98
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru*

Т.А. Воронова, О.В. Меренкова

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ВНИМАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

На территории Воронежской области расположено немало местных музеев, архитектурных достопримечательностей и природных комплексов, которые в большинстве своем мало известны массовому туристу, но способны привлечь его либо своей историей, либо живописными видами. Развитие внутреннего туризма может стать одним из перспективных направлений развития региона в целом – как с культурной, так и с экономической точки зрения. Значительная роль в привлечении внимания туристов и инвесторов к местным малоизвестным достопримечательностям и туристическим маршрутам принадлежит средствам массовой информации и сетевым медиа-ресурсам. Целью данной статьи является анализ материалов, размещенных в местных информационных ресурсах и посвященных малоизвестным достопримечательностям Воронежской области. Авторы статьи рассматривают публикации в сетевых и печатных изданиях, содержащие информацию о памятниках природного и историко-архитектурного характера, а также об объектах этнографического туризма. В статье проводится анализ контента и выстраивания текста в материалах на указанную тему.

Ключевые слова: достопримечательности, туристический объект, внутренний туризм, средства массовой информации, сетевой ресурс, природный памятник, архитектурный памятник, этнографический туризм, Воронежская область.

Т.А. Voronova, O.V. Merenkova

LITTLE-KNOWN SIGHTS OF VORONEZH REGION AS THE OBJECT OF ATTENTION OF INFORMATION RESOURCES

On the territory of Voronezh region there are a lot of local museums, architectural sights and nature complexes which are at major little known to mass tourists but are able to attract them either by interesting history or by spectacular views. The development of local tourism can become one of the profitable directions of regional development in general, from both cultural and economic positions. Great part in attraction tourists' and investors' attention to little-

known sights and touristic routes is played by mass media and Internet resources. This article is aimed at analysis of the materials published by local information resources and devoted to little-known sights of Voronezh region. The authors of the article consider publications in the Internet and printed mass media which contain the information about natural places of interest, historical and architectural sights and the objects of ethnographic tourism as well. The article contains analysis of the content and text structure of the chosen publications.

Key words: sights, touristic object, local tourism, mass media, Internet resource, natural place of interest, architectural monument, ethnographic tourism, Voronezh region.

На территории Воронежской области расположено немало архитектурных достопримечательностей и природных комплексов, которые активно посещаются туристами (в том числе и из других регионов), хотя далеко не все из них имеют достаточно удобное территориальное расположение. Некоторые из достопримечательностей и туристических объектов региона стали своего рода брендами и символами Воронежской области, ее природы и культуры.

Так, одним из самых посещаемых туристических объектов Воронежской области по праву считается Дворцовый комплекс Ольденбургских, расположенный в поселке Рамонь и построенный в конце XIX века. Дворец выполнен в неоготическом стиле, который был характерен для британской архитектуры XVIII – XIX веков [1]. Аналогичной известностью пользуется и пещерный храмовый комплекс в Дивногорье [1], который является одновременно природным и историко-культурным памятником, а также объектом религиозного паломничества.

Поскольку указанные достопримечательности Воронежского региона являются наиболее популярными у туристов, то неудивительно, что в средствах массовой информации и на медиа-ресурсах можно найти о них немало сведений. Однако туристический потенциал края отнюдь не исчерпывается вышеназванными объектами. На территории Воронежской области, имеющей давнее и богатое прошлое, расположено немало усадеб, музеев, уникальных природных комплексов, многие из которых массовому туристу практически неизвестны, но способны привлечь его либо своей историей, либо живописными видами. Как следствие, развитие внутреннего туризма может считаться одним из перспективных направлений развития региона в целом - как с культурной, так и с экономической точки зрения.

Данное мнение разделяется и многими воронежцами, в частности, известным путешественником и экологом А.Р. Саниевым, создателем Большой воронежской экотропы. В одном из интервью им было сказано следующее о «недооцененных» туристических объектах Воронежской области: «Внутренний туризм в России не развивается вообще. <...> Нам очень повезло: у нас есть заповедники, леса, казачьи городки, купеческий город Павловск, древние церкви и так далее. Есть объекты археологического показа. <...> Всем этим объектам надо «дать ума»: привести в должный вид дороги, продумать логистические пути, построить перехватывающие парковки, выработать дизайн-код для информационного наполнения, сделать указатели, мотивировать приходиться туда малый бизнес» [2]. По мнению Алексея Равкатовича, развитие местного туристического бизнеса способно эффективно пополнить бюджет налогами [2].

Немалая роль в привлечении туристов и инвесторов к местным малоизвестным достопримечательностям и «недооцененным» туристическим маршрутам принадлежит средствам массовой информации и различным медиа-ресурсам.

Целью данной статьи является анализ материалов, размещенных в местных информационных ресурсах (нами рассматриваются как печатные, так и электронные ресурсы) и посвященных малоизвестным достопримечательностям Воронежской области.

В список природных достопримечательностей, куда может отправиться любой турист, прибывший на территорию Воронежской области, несомненно, входит село Костенки. Одна

из панорамных особенностей данной местности – великолепные виды на реку Дон, а также меловые выступы на правом берегу реки, которые именно в районе села Костенки превращаются в меловые горы, известные под общим названием «Меловые горы Придонья». Массив меловых гор тянется вдоль реки Дон на несколько километров, «захватывая» такие населенные пункты, как Сторожевое, Шатрище, Селявное, Белогорье и т.д. [3].

Примечательно, что данный туристический объект упоминается в статье «Семь чудес воронежской природы», опубликованной на сайте издания «Комсомольская правда» (воронежский филиал), которое в течение последних пяти лет уделяет немало внимания популяризации региональных достопримечательностей. Отдельно следует отметить, что приведенная нами статья относится к одному из выпусков 2014 года, когда в связи с санкционной политикой западных стран по отношению к Российской Федерации начало приобретать значимость развитие именно внутреннего туризма.

Однако информацию о меловых горах Придонья можно найти не только в официальных СМИ, но и, к примеру, на портале под названием «Команда Кочующих», который представляет собой сайт о туризме, где туристы делятся своими историями, впечатлениями, размещают фотографии посещенных ими мест. При этом каждый желающий может оставить комментарий.

Так, туристы, посетившие меловые горы Придонья, пишут следующее: «Главной целью нашего путешествия были меловые горы вдоль реки Дон. Меловые отложения уходят в толщу земли на 80 метров. Верхний слой мела смешан с землёй, так что деревья и растительность есть. Издревле в этих меловых горах жили монахи-отшельники. В скалах они прорубали себе пещеры и уединялись от мирской жизни. Эти пещеры называются «скиты». В некоторых отшельники живут и в наше время» [3].

В списке природных достопримечательностей, способных вызвать интерес у туристов, достойное место может занять и живописное урочище Кривоборье, расположенное на реке Дон в 40 километрах от Воронежа, в Рамонском районе [3]. Сетевой ресурс под названием «25 лучших памятников природы Воронежской области» также относит Кривоборье к геологическим памятникам природы и отмечает, что изучение этой местности представляет интерес не только для путешественников, но и для ученых-исследователей [1].

В настоящее время некоторыми средствами массовой информации создаются специальные разделы и рубрики, посвященные малоизвестным, но интересным для туристов местам области. В частности, на сайте газеты «Комсомольская правда» (воронежский филиал) имеется рубрика «Тур выходного дня в Воронежской области», существующая с 2014 года. Еще один удачный пример такого «долгоиграющего» проекта – рубрика под названием «Маршрут месяца» в культурно-просветительском журнале «Слова», выходящем ежемесячно.

Важно отметить, что каждый выпуск данной рубрики посвящен описанию абсолютно разных мест, которые мало кому известны и нередко даже не значатся в путеводителях. Объектом внимания авторов рубрики становятся малоизвестные достопримечательности не только Воронежского края, но и соседних регионов – Липецкой, Белгородской и др. областей Центрального Черноземья.

Построение текста рубрики (включая вербальный и визуальный контент) заслуживает отдельного рассмотрения. Статья обязательно содержит сведения об истории описываемого места; для более полноценного восприятия к каждому тексту добавляются несколько фотографий с подписями. Отдельная боковая врезка включает подробное описание месторасположения данной достопримечательности и информацию о пути к ней.

Рассмотрим более подробно некоторые выпуски рубрики «Маршрут месяца». Так, в майском номере журнала за 2019 год рубрика отведена под описание достопримечательностей Воробьевского района Воронежской области. Один из материалов рубрики посвящен

усадьбе Лисаневичей – достопримечательности, расположенной в селе Березовка и ведущей свою историю с конца XVIII века.

Из текста публикации мы подробно узнаем о прошлом и настоящем усадьбы. В частности, автор статьи сообщает, что «до недавнего времени здесь располагалась участковая больница, которая имеет два крыла, в одном из которых лечили больных, в другом – жили врачи. После того, как в селе построили современный фельдшерско-акушерский пункт, здания бывшей дворянской усадьбы было закрыто на замок и назначили охрану, который бережет здание от вандалов. На территории усадьбы расположен двухэтажный дом с колоннами и деревянной лестницей – это флигель, в котором жили прислуга и приказчик» [5]. Помимо истории самой усадьбы, авторы рубрики предоставляют читателю немало сведений о ее бывших хозяевах – Иване Лисаневиче, «в декабре 1779 года избранного первым предводителем дворянства Острогожского уезда» [5], и его детях, «унаследовавших в Березовке имение отца» [5] и в немалой степени изменивших ее архитектурный и ландшафтный облик. Так, усилиями Василия Ивановича Лисаневича «был посажен парк, построен всем известный конный завод, отреконструировали церковь, сделав ее каменной» [5]. В статье также сообщается, что действующее помещение сельского клуба, оказывается, размещается в здании летнего храмаротонды, построенного на средства Лисаневичей в 1861 году.

Помимо историко-архитектурных достопримечательностей Черноземного региона, авторы рубрики «Маршрут месяца» уделяют внимание и малоизвестным природным памятникам. Так, в том же выпуске журнала «Слова» опубликована статья, рассказывающая о Ломовском природно-ландшафтном парке под названием «Иван да Марья», который также расположен на территории Воробьевского района Воронежской области [6]. Парк является одной из самых необычных достопримечательностей района, однако мало кто из туристов знает об этом месте. В журнале подробно описана история данного туристического объекта и указано его месторасположение. И хотя статья носит скорее информационный, чем рекламный характер, автор публикации явно стремится заинтересовать потенциальных посетителей парка, пытаясь в том числе задействовать и суеверные представления читателей.

Одно из наиболее молодых и одновременно перспективных направлений современной туристической отрасли – это так называемый этнографический туризм. Особенность этнотуризма заключается в том, что туристу предоставляется возможность полного «погружения» в прошлое, когда участники экскурсии становятся не просто созерцателями, а полноценными участниками происходящего. В отношении развития этнографического туризма Воронежская область также делает определенные шаги. И то, что подобные проекты оказываются в поле зрения сетевых ресурсов и официальных средств массовой информации, является несомненным плюсом для развития данной туристической отрасли.

Примером тому может послужить музей крестьянского быта, носящий название «Гостеприимный дом бабушки Марии» и расположенный в селе Хвощеватка Рамонского района Воронежской области. Это «музейный проект нового поколения, в соответствии с самой актуальной и востребованной методикой, которую берут на вооружение передовые музеи мира, – с погружением в пространство культуры» [7].

Важно отметить, что информацию об этом музее – довольно молодом (открыт в октябре 2010 года) и не пользующемся широкой известностью у туристов – мы находим на сайтах воронежских филиалов двух крупных российских СМИ: «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты». Публикация на сайте газеты «Комсомольская правда», носящая заголовок «Тур выходного дня по усадьбам Семилукского и Рамонского районов», сообщает об этом музее, «часть экспозиции которого посвящена истории усадьбы Чертковых» [8]. В статье мы находим информацию о том, что «Гостеприимный дом» предлагает туристам «совершить экскурсии по достопамятным местам Хвощеватки, побывать в музее крестьянского быта, по-

слушать народных певцов, посетить мастер-классы и выставки» [8]. Однако экскурсионные услуги следует заказывать в музее Д.В. Веневитинова в с. Новоживотинное.

Что касается газеты «Аргументы и факты», то здесь мы уже находим развернутую публикацию, полностью посвященную данному музею и представляющую собой подробное интервью с ее основательницей – Еленой Виноградовой, сумевшей возродить родовое имение собственной семьи и превратить его в «культурно-познавательный маршрут» [9]. Основная концепция музея – это именно прикосновение к «живому» прошлому, к «исконной русской культуре»: «Мы организуем туры выходного выходного дня... Зимой у нас практикуются вечерки. Мы проводим посиделки с фольклором – поём песни, играем в игры, пьём чай. <...> Сейчас я мечтаю сделать игровую зону – семь русских качелей. Чтобы люди приезжали и окунались в местный колорит и культуру, вспомнили русские забавы. <...> К нам любят приезжать москвичи, в прошлом году приезжали три семейные группы из Швейцарии. Иностранцы хотят видеть не лубочную картинку, а настоящую, подлинную деревню» [9]. В статье также приведены слова Елены Виноградовой о необходимости создания надлежащей инфраструктуры, без которой этнографический музей не сможет «подняться» на должный уровень.

Музейному «детищу» Елены Виноградовой отведены также отдельный аккаунт в социальной сети «ВКонтакте» и страница на сайте Национального туристического портала, процитированная нами выше. Информацию о данном интерактивном музее можно найти по соответствующему поисковому запросу и на некоторых других сетевых ресурсах.

Рассмотренные в данной статье объекты составляют лишь малую часть не реализованного в полной мере туристического потенциала Воронежского региона. Разумеется, нами проанализированы далеко не все медиа-материалы по малоизвестным туристическим объектам области. Однако сам факт того, что средства массовой информации и сетевые ресурсы обращаются к этой теме, уже внушает надежду на благоприятное развитие областного туризма и на привлечение внимания туристов и инвесторов к малоизвестным достопримечательностям Воронежской области.

Библиографический список

1. ТОП-25 достопримечательностей Воронежской области. URL: <https://ft-tour.ru/putevoditel/interesnoe-v-voronezhe/top-25-dostoprimechatelnostej-voronezhskoj-oblasti.html> (дата обращения - 22.12.2019).
2. Сарма А. «Общались жестами». Воронежский путешественник – об экспедиции на закрытые острова. URL: <https://riavrn.ru/news/obshchalis-zhestami-voronezhskiy-puteshestvennik-ob-ekspeditsii-na-zakrytye-ostrova/> (дата обращения – 12.03.2019).
3. Семь чудес воронежской природы // Комсомольская правда (Воронеж). Вып. от 21.05.2014. URL: <http://www.vrn.kp.ru>. (дата обращения - 22.12.2019).
4. Меловые горы Придонья. URL: <http://komanda-k.ru/Россия/меловые-горы-придонья> (дата обращения - 22.12.2019).
5. Черноусова Л. Усадьба Лисаневичей в Березовке // Слова. 2019. № 43. С. 65.
6. Миннибаева Е. «Иван да Марья». Ломовский природно-ландшафтный парк // Слова. 2019. № 43. С. 67.
7. Музей-усадьба крестьянского быта «Гостеприимный дом бабушки Марии» // Национальный туристический портал. URL: <https://www.russia.travel.ru> (дата обращения – 07.02.2020).
8. Тур выходного дня по усадьбам Семилукского и Рамонского районов // Комсомольская правда. Вып. от 12.06.2014. URL: <http://www.vrn.kp.ru>. (дата обращения - 07.02.2020).

9. Вербицкая Д. «За семь верст киселя хлебать». О подлинной жизни крестьянской семьи // Аргументы и факты (Воронеж). Вып. от 18.05.2019. URL: <http://www.vrn.aif.ru> (дата обращения - 07.02.2020).

References

1. TOP-25 sights of Voronezh region. URL: <https://ft-tour.ru/putevoditel/interesnoe-v-voronezhe/top-25-dostoprimechatelnostej-voronezhskoj-oblasti.html> (date of application - 22.12.2019).

2. Sarma A. “We communicated by gestures”. Voronezh traveler tells about expedition to reserved islands. URL: <https://riavrn.ru/news/obshchalis-zhestami-voronezhskiy-puteshestvennik-ob-ekspeditsii-na-zakrytye-ostrova/> (date of application – 12.03.2019).

3. Seven wonders of Voronezh nature // The Komsomolskaya Pravda (Voronezh). 21.05.2014. URL: <http://www.vrn.kp.ru>. (date of application - 22.12.2019).

4. Chalk mountains of Pridonie. URL: <http://komanda-k.ru/Россия/меловые-горы-придонья> (date of application - 22.12.2019).

5. Chernousova L. The Lisaneviches’ estate in Berezovka // Words (Slova). 2019. Vol. 43. P. 65.

6. Minnibaeva E. “Ivan & Maria”. Lomovsky landscape park // Words (Slova). 2019. Vol. 43. P. 67.

7. Museum-estate of peasant everyday life “Granny Maria’s hospitable house” // National touristic website. URL: <https://www.russia.travel.ru> (date of application – 07.02.2020).

8. Weekend tour to the estates of Semiluki and Ramon districts // The Komsomolskaya Pravda (Voronezh). 12.06.2014. URL: <http://www.vrn.kp.ru>. (date of application - 22.12.2019).

9. Verbitskaya D. About true life of a peasant family // The Arguments and Facts (Voronezh). 18.05.2019. URL: <http://www.vrn.aif.ru> (date of application - 07.02.2020).

УДК 811.161.1:659(075.8)

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
заведующий кафедрой журналистики
Института общественных наук
и массовых коммуникаций,
д-р филол. наук, профессор
Полонский А.В.
Россия, г. Белгород, тел. 84722301187
e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru*

*Belgorod state national research University,
head of the Department of journalism at the
Institute of social Sciences and mass com-
munications,
Doctor of Philology, Professor, Honored
Polonskiy A.V.
Russia, Belgorod, tel. 84722301187
e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru*

*Белгородский университет кооперации,
экономики и права, заведующий
кафедрой русского языка и деловых
коммуникаций,
кандидат филологических наук, доцент
Глушкова В.Г.
Россия, г. Белгород, тел. 84722317350
e-mail: valentina.glushkova@gmail.com*

*Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law,
head of the Department of Russian language
and business communications,
PhD in Philology, Associate Professor
Glushkova V. G.
Russia, Belgorod, tel. 84722317350
e-mail: valentina.glushkova@gmail.com*

А.В. Полонский, В.Г. Глушкова

СОВРЕМЕННЫЕ СМИ И ПРОБЛЕМА ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

Общество, оказавшееся сегодня в условиях повышенной интеллектуальной и эмоциональной динамики, особенно нуждается в осмыслении и «тонкой настройке» своих ключевых понятий, к которым, несомненно, относится и интолерантность – «слово-знамя» (У. Эко), отражающее сложные реалии современной жизни. Интолерантность сегодня стала ключевым мировоззренческим, нравственным и коммуникативным принципом, который определяет доминирующий в обществах тип циркулирующих смыслов, высказываний и текстов и который выводит человека из сферы беспристрастности, ценностно-смысловой неангажированности, равного распределения оценочных (как позитивных, так и негативных) значений, активизируя его практики изучающего в системе ценностных координат наблюдения, поискового опознавания, критического сопоставления, обдумывания и прогнозирования. Причины широкой востребованности в настоящее время практик интолерантности очевидны. Среди них – расширение в современном мире процессов глобализации с сопровождающими их политико-идеологическими, социально-культурными и маркетинговыми проектами; повышенная мобильность и усложняющийся опыт взаимодействия субъектов разных культур, предъявление ими в предписывающей модальности своих ценностных систем, традиций и мировоззренческих установок; усиление внимания к морально-религиозным основаниям жизни современного человека; увеличение в обществах конфликтного потенциала, связанного с ростом социально-политической напряженности; форсированная состязательность в сфере ценностных картин мира и, как следствие, обостренная чувствительность к инокультурному фактору и жесткая дифференциация социального окружения на «своих» и «чужих». В статье интолерантность рассматривается в аспекте реальности СМИ как коммуникативный принцип, имеющий позитивный и негативный вектор и фиксирующий отношение к тем содержательным формам, которые выходят за рамки сформулированной оценивающей культурой нормативности, как принцип, который определяет доминирующий в СМИ тип смыслов, высказываний и текстов.

Ключевые слова: интолерантность, СМИ, культура, диалог культур, инокультурный фактор, культурные

ценности.

A.V. Polonskiy, V.G. Glushkova

MODERN MEDIA AND THE PROBLEM OF INTOLERANCE

A society that finds itself today in conditions of increased intellectual and emotional dynamics, especially needs to understand and "fine-tune" its key concepts, which, of course, include tolerance – "word-banner" (U. Eco), reflecting the complex realities of modern life. Today, intolerance has become a key worldview, moral and communicative principle that defines the dominant type of circulating meanings, statements and texts in societies. It's a principle that leads a person out of the sphere of impartiality, autonomy in values and implications, and equal distribution of evaluative (both positive and negative) significations, activating his / her practice of observation in terms of the system of value coordinates, search recognition, critical comparison, reflection and forecasting. The reasons for the widespread demand for intolerance practices today are obvious. Among them are the expansion of globalization processes in the modern world with accompanying political-ideological, socio-cultural and marketing projects; increased mobility and increasing experience of interaction between subjects of different cultures, presenting their value systems, traditions and worldviews in a prescriptive modality; increasing attention to the moral and religious foundations of modern life; the increase in conflict potential in societies associated with the growth of socio-political tension; forced competition in the field of value pictures of the world and, as a result, increased sensitivity to the foreign cultural factor and strict differentiation of the social environment into "their" and "others". In the article, intolerance is considered in the aspect of the media reality as a communicative principle that has a positive and negative vector and fixes relations to those content forms that go beyond the framework of the normativity formulated by the evaluating culture, as a guideline that defines the dominant type of meanings, statements and texts in the media.

Key words: intolerance, mass media, culture, dialogue of cultures, foreign cultural factor, cultural values.

Общество, оказавшееся сегодня в условиях повышенной интеллектуальной и эмоциональной динамики, особенно нуждается в осмыслении и «тонкой настройке» своих ключевых понятий, к которым, несомненно, относится и интолерантность – «слово-знамя» (У. Эко), отражающее сложные реалии современной жизни. Интолерантность сегодня стала ключевым мировоззренческим, нравственным и коммуникативным принципом, который определяет доминирующий в обществах тип циркулирующих смыслов, высказываний и текстов и который выводит человека из сферы беспристрастности, ценностно-смысловой неангажированности, равного распределения оценочных (как позитивных, так и негативных) значений, активизируя его практики изучающего в системе ценностных координат наблюдения, поискового опознавания, критического сопоставления, обдумывания и прогнозирования.

Причины широкой востребованности в настоящее время практик интолерантности очевидны. Среди них – расширение в современном мире процессов глобализации с сопровождающими их политико-идеологическими, социально-культурными и маркетинговыми проектами; повышенная мобильность и усложняющийся опыт взаимодействия субъектов разных культур, предъявление ими в предписывающей модальности своих ценностных систем, традиций и мировоззренческих установок; усиление внимания к морально-религиозным основаниям жизни современного человека; увеличение в обществах конфликтного потенциала, связанного с ростом социально-политической напряженности; форсированная состязательность в сфере ценностных картин мира и, как следствие, обостренная чувствительность к инокультурному фактору и жесткая дифференциация социального окружения на «своих» и «чужих».

Не случайно поэтому к интолерантности и совокупности обусловленных ею вопросов обращено сегодня самое пристальное внимание как исследователей, так и общества в целом. Об этом свидетельствует не только значительный корпус научных работ, не только многочисленные научные форумы, посвященные осмыслению разных аспектов испытываемого обществами инокультурного «давления» [1-13], но и не поддающиеся строгому статистиче-

скому учету публичные дискуссии на самых разных медийных площадках, в ходе которых свое мнение высказывают как специалисты, представляющие те или иные сферы экспертного знания, так и все те, кто нацелен на поиск перспектив продуктивного межкультурного диалога, кого не оставляют безразличными политико-идеологические, культурно-нравственные и стилистико-эстетические аспекты жизни современного человека, – человека, вовлеченного в жесткую конкурентную борьбу за смыслы, ценности, идеи и концепции.

В данной работе интолерантность рассматривается в аспекте практики современных СМИ. Актуальность обращения к медийным контекстам интолерантности определяется тем, что СМИ являются ключевым элементом культурно-коммуникативного пространства общества, важнейшей силой, мотивирующей его культурную динамику и систему его ценностей. Анализ разворачиваемого в СМИ публичного диалога и изучение его интолерантного потенциала позволяет получить ответы на востребованные обществом особенно сегодня вопросы – «Кто мы?», «Откуда?», «Куда идем?». Это те вопросы, которые, как заметил Ю.М. Лотман, «волнуют человечество на всем протяжении его умственного существования» [14, с. 23], – те вопросы, которые позволяют осмыслить культурный и коммуникативный статус современного человека, его социальную, личностную и гражданскую состоятельность, особенности его мировоззренческого, нравственного и эстетического выбора, политических и культурных сценариев его жизни, его готовность не только к насыщенному в ценностно-смысловом отношении поступку, к публичному предъявлению своей мировоззренческой позиции, своих взглядов, убеждений и переживаний, но и к диалогу, к широкой общественной дискуссии, целью которой является разработка необходимой для эффективного функционирования общества «духовно-нравственной формулы социального блага» [15, с. 57].

Для рассмотрения конкретных проявлений интолерантности в СМИ использованы разножанровые публикации в период с 2012 г. по 2019 г. в российских традиционных и сетевых изданиях (таких, как «Культура», «Фома», «Завтра», «Военное обозрение» и др.).

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что в этот период российское общество приходит к осознанию и артикулированию насущной необходимости консолидации вокруг традиционных для родной культуры ценностей и реализации собственной, независимой от внешних контекстов модели общественного и культурного развития при сохранении перспектив продуктивного взаимодействия со всеми культурами и народами и полиформатного диалога с ними на основе принципов взаимного уважения. Не случайно с 2012 г. начинается реализация Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)» [16].

Для аналитического осмысления эмпирического материала, наряду с совокупностью универсальных и общенаучных методов был задействован качественный контент-анализ, который позволил выявить присутствие в медиавысказывании интолерантного потенциала и интерпретировать его.

Рассмотрение проблемы интолерантности требует прежде всего уточнения содержания самого этого понятия. Как правило, под *интолерантностью* в культурном, социальном, политическом или религиозном аспектах имеют в виду принцип отношения к *другим* тех, кто, будучи убежден в своей исключительности и эталонности, в обоснованности и неоспоримости своих истин, идей, мнений и чувств, отказывает в праве на любое несходство, отрицает позитивную значимость любого отличия, несовпадения в действиях, суждениях и переживаниях, бескомпромиссно ставя их под сомнение. Интолерантность в таком случае логично определяется как «агрессивно конфликтное отношение», которое связано с практиками оскорбления, насмешки, пренебрежения, агрессии, преследования, репрессии и т.п. [17, с. 13].

В контексте поиска ответов на вопросы, связанные с этой проблематикой, находятся и размышления авторов исследования «Измерение толерантности», осуществленного в 2002 г. в рамках проекта Фонда Защиты Гласности и охватившего шесть регионов Российской Федерации: «В последнее время проблема толерантности / интолерантности вообще и проявле-

ние нетерпимости в СМИ является предметом широкого обсуждения; демократически ориентированная часть общества проявляет такой же интерес к искоренению интолерантности, как и к сохранению важной для нее ценности – свободы слова. В связи с этим возникает основная сложность: как отличить проявление нетерпимости, оскорбляющее какие-то категории граждан или ущемляющие их права, что недопустимо для демократии, от просто другого мнения?» [18, с. 113].

Нужно задаться вопросом – всегда ли интолерантность связана с агрессией, оскорблением, с понижением культурного статуса другого и неуважением его мировоззренческого вывода? Не является ли она в том числе одним из востребованных в условиях современного, динамичного мира механизмов защиты тех, кто придерживается других убеждений, взглядов, систем ценностей? Всегда ли правильно, если в обществе интолерантность в любом ее проявлении маргинализируется, а толерантность обретает всеобщий характер? Как замечает Д.А. Карсон, «новая терпимость социально опасна... она на самом деле ведет к подлинной нетерпимости ко всем, кто борется за свои убеждения» [19, с. 4].

В чем же состоит сущность интолерантности, какова ее роль в современном обществе?

Интолерантность (лат. *intolerantia* “нетерпение”) – принцип социального взаимодействия на основе идентификации субъекта и его культурного пространства по параметру «свой – чужой», принцип производства и распределения оценочных значений на основе интеллектуального и эмоционального переживания «своего» в модальности акцентированного одобрения, а «другого» – дистанцирования, сомнения, неприятия или отторжения.

В качестве концептуальной основы интолерантности выступает: (1) акцентированное позитивное переживание самобытности родной культуры, ее ценностно-нормативных основ, которыми она отличается от взаимодействующей культуры; (2) интерпретация «другого» как преодолевающей границу установленной в родной культуре нормативности, повторяемости и сходства; по этой причине «другой» не оказывается в сфере однозначного акцептирующего внимания представителей оценивающей культуры и вызывает у них совокупность переживаний, направленных на формирование определенных установок; (3) восприятие оценивающей культурой инокультурного фактора как деструктивного; (4) неприятие культурных различий в любой сфере жизни и деятельности общества и человека – в моделях поведения, образе мыслей, в сфере ценностей и верований, в механизмах поиска истины и способах разветывания публичного диалога и т.п.

Таким образом, интолерантность – это амбивалентный принцип. С одной стороны, интолерантность связана с установкой на сохранение собственной культурной традиции, ее уникальности, на обеспечение ее позитивной динамики в условиях усиливающегося внешнего воздействия, иносреды, следствием чего становится формулирование оценивающей культурой разноформатных ограничений в социальной репрезентации оппонирующих ей образов, смыслов, идей, концепций, поведенческих моделей как тех содержательных форм, которые способны качественно изменить ее ценностно-смысловой порядок. С другой стороны, интолерантность связана с осознанным отказом оценивающей культуры, как сказал Е.П. Прохоров, «впустить в свой мир *другого* именно как другого, во всей его “инаковости” и “особости”, а не какой-то маргинальности» [20, с. 119], с отказом принять *другого* как репрезентацию альтернативной истины, нормативности, совокупности узаконенных другой культурой мировоззренческих, нравственных и эстетических канонов.

Интеллектуальное и эмоциональное переживание собственной самобытности, уникальности своего пути в поисках истин и нравственных эталонов, осознанное обособление иных по отношению к родной традиции взглядов, точек зрения и стиля, неготовность к культурному, мировоззренческому и духовно-нравственному компромиссу, к внесению тех или иных, мотивированных другой культурой содержательных корректировок в модели собст-

венной жизни, отказ от культурного диалога и жесткое выражение по отношению к инокультурным формам чувства неуважения, неприязни, вражды, ненависти и агрессии – это те практики, которые формируют два вектора интолерантности – позитивный и негативный.

Позитивный вектор интолерантности связан с сохранением родной культуры, с обеспечением ее устойчивости к внешнему воздействию, с сохранением ее мировоззренческого, духовно-нравственного и языкового суверенитета, ее исторической памяти. Непременным условием полноценной интеллектуальной, эмоциональной и духовно-нравственной жизни человека и общества является многообразие культур и их содержательных форм, поэтому сохранение и защита самобытности своей культуры, ее своеобразия и уникальности в современном, поликультурном мире должно осознаваться как неотъемлемое право каждого человека и общества. Осознание ценности культурного разнообразия, которое обеспечивается в том числе посредством удержания границ собственного ценностно-смыслового пространства, способствует развитию продуктивного диалога на основе взаимоуважения и взаимопонимания. «Защита и сохранение культуры, – как замечают исследователи, – это вопрос, который... открывает огромные возможности» [21]. Чтобы не оказаться в зоне духовного риска, чтобы в потоке меняющегося мира не утратить ориентиры родной культуры и нравственности, общество должно обсуждать систему ценностей, которые будут лежать в основе его жизни и деятельности, его задач и перспективных проектов.

Негативный вектор интолерантности выводит человека в сферу неприязни, вражды, агрессии, конфронтации, дискриминации, в сферу аффективного монолога и решительного отказа признать права «другом» быть самим собой. Этот способ отношения к инокультуре и ее содержательным формам способен нанести значимый урон интересам общества. Оказавшись в режиме «непрерывного монолога, – говоря словами Д.С. Лихачева, – культура по большей части упрощает сама себя, выдвигает вперед знамена с символами и знаками своей индивидуальности, капсулируется в мифах о “национальном характере”, “национальных идеях”, “национальной предназначенности” и т.д. Потери велики, ибо все это бывает связано <...> с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении “других” и в конечном счете внутри себя и против себя» [22, с. 97].

Интолерантность, таким образом, обнаруживает себя как практика аналитико-критического и эмоционально-нравственного возражения, масштаб и вектор которого мотивированы, с одной стороны, стремлением к сохранению своей духовной истории, своих упорядочивающих жизнь традиций, полученного в опыте собственного переживания знания и неготовностью к неотрефлексированному и некомментируванному признанию привносимых извне ценностных смыслов и инокультурных моделей поведения, а с другой – с недопустимостью любых отличий, с дискриминацией и жесткой конфронтацией с теми, кто отличается своими взглядами и образом жизни, с отказом от мировоззренческого диалога с ними и ценностно-смыслового обмена.

В своей агрессивно-конфликтной реализации интолерантность акцентирует нормативную исключительность и недостижимую ни для кого другого высоту нравственно-эстетического выбора той культуры, которая маркирована признаком «свой», пробуждая в обществе практики неуважения и ксенофобии по отношению к тем, кто придерживается иных выстраивающих их жизнь взглядов, норм и порядков. Разрабатываемые механизмы снижения культурного статуса *другого*, обеспечивающие транслирование в общество формул чуждости, дискриминации и агрессии по отношению к тем или иным этносам, социальным группам, сообществам, персонам и содержательным формам, посредством которых они представлены в культуре, лишают и общество, и личность возможности свободно использовать весь свой когнитивный, нравственный и политический потенциал. Весьма уместно здесь вспомнить слова Вольтера, высказанные им в «Трактате о терпимости» два с половиной века назад, но и сегодня звучащие злободневно: «Право нетерпимости является абсурдным и варварским» [23, с. 14].

В каждую эпоху, в каждой культуре, в каждой социальной общности и у каждого человека складывается своя сфера интолерантного, включающая в свои границы то, что не может быть принято в соответствии с мировоззренческим, нравственным или эстетическим выбором, сложившимися традициями, системой ценностей и культурными стандартами. Сфера интолерантного включает, безусловно, те практики, которые нарушают интеллектуальную, нравственную, психологическую или биологическую *целостность человека*, такие, например, как преступления, несправедливость, запрет на личные убеждения, личностное банкротство, потеря мировоззренческого суверенитета, ложь, предательство, измена и т.п. В некоторых случаях в сфере интолерантного оказывается инакомыслие как практика оппонирования и оппозиционирования, как форма, по определению Ю. Хабермаса, «политического возмущения» [24, с. 35].

Наблюдение за сферой интолерантного в рассмотренных нами изданиях показывает, что основным носителем интолерантных смыслов является не только традиционно политическая и идейно-мировоззренческая тематика, но и экономическая, культурно-историческая, культурно-развлекательная, спортивная, криминальная, семейно-бытовая и молодежная. Ср.: *«В отличие от диснеевского мультфильма, являющегося чистой развлекаловкой, наш «Маугли» – настоящий фильм о верности, чести, дружбе и долге»* («Фома». 2013. № 8; <https://foma.ru/100-glavnyix-filmov-maugli.html>).

Объектами интолерантности в анализируемых СМИ становятся социальные теории, политические практики и концепты политической культуры, которые рассматриваются ими как угрожающие своей повесткой дня национальной картине мира, как фактор оппонирования национальной системе ценностей.

Среди таких концептов прежде всего оказываются «западные (европейские) ценности». В этих изданиях с разной модальностью подчеркивается, что современное российское общество, сохраняя эклектичность ценностных установок, в целом чувствительно прежде всего к традиционной культуре, поэтому «западные ценности» воспринимаются им как непривычные, необоснованные или навязываемые, как «плод западной пропаганды». Ср.: *«От западных ценностей – бегом в Россию»* («Новости Брянска». 12 августа 2015 г.; <https://www.bragazeta.ru/news/2015/08/12/tolerantnost/>); *«Сближение с Европой может грозить России навязыванием ей безнравственных установок, касающихся, в том числе, и института семьи... Демонтаж ценностной системы, который сегодня происходит в Европейском союзе, он, конечно, не может нас не беспокоить. Потому что хотя наша страна не является членом Европейского союза, она является, безусловно, частью европейского культурного и цивилизационного пространства. И мы должны понимать, что вот эти ценностные установки, которые сегодня навязываются в Европе, конечно, проникают к нам, и они будут проникать – причем любое сближение с Европой будет непременно связано с навязыванием нам вот этих нравственных норм и нравственных установок»* («Фома». 2013. № 12; <https://foma.ru/sblizhenie-s-evropoj-mozhet-grozit-navyazyivaniem-rossii-beznravstvennosti.html>).

В рассмотренных изданиях, чутких к вопросам культурной *традиции* и ценностей, которыми должен руководствоваться человек в XXI веке, в сфере интолерантности оказывается концепт «либерализма». Либерализм подается в них, как правило, в качестве не политической идеологии, определяющей права и свободы граждан, акцентирующей внимание на интересах общества и личности, на законе как основе функционирования общества, а ложной идеи, формы болезни, высвобождения всего ранее табуированного в силу своей извращённой сущности. Ср.: *«Либерализм – это болезнь и лечится с большим трудом, как и всякая прочая психопатология»* («Завтра». 26 августа 2018 г.; <http://zavtra.ru/blogs/liberalizm/>); *«Эта болезнь называется либерализм. [...] До него нельзя подняться, до него можно только упасть. Нравственное падение = либерализм. Поэтому нельзя поддаваться призывам к раскрепоще-*

нию и «европейским ценностям», ибо это падение» («Военное обозрение». 9 апреля 2013 г.; <https://topwar.ru/26513-liberalizm-eto-razlozhenie.html>); «Наполняя головы знаниями, делая человека более информированным, развивая его интеллект, либерализм, одновременно внедряет в головы людей свои ложные ценности, ослабляя разум человека [...]. До какой степени надо лишиться разума, при высоком коэффициенте интеллекта, чтобы принимать либеральные ценности за руководство к действию!?» (Русская народная линия. 16 августа 2013 г.; https://ruskline.ru/analitika/2013/08/16/provaj_bezdetnaya_evropa/); «Либерализм – это всеохватное и тотальное учение, заходящее в атаку на человеческий ум с разных направлений и атакующий личность под разными углами с целью полностью изменить ее сущность» (Культура-Воронеж.РУ. 9 октября 2019 г.; <https://культура-воронежа.рф/либеральная-религия-модерна/>).

Фокус интолерантного восприятия направлен и на «феминизм». На страницах этих изданий феминизм предстает не как инструмент личностной эмансипации и гендерного равенства, не как достойная осмысления философская концепция, социальная теория, политическая идеология и общественно-политическое движение, выступающее за ликвидацию всех форм гендерной дискриминации, за гендерное равенство в общественных и бытовых правах, обязанностях и возможностях мужчин и женщин, артикулированно призывающее к защите окружающей среды, а как движение «женщин за гранью нервного срыва» – озлобленных, неуравновешенных, не удовлетворенных жизнью и не очень успешных в социальном и личностном плане. Ср: «Костяк радикальных феминисток, безусловно, составляют идейные личности, главная цель которых стереть любые различия, нарушить сами основы бытия. Это жуткая уравниловка по всем параметрам – гендерным, сексуальным, социальным и так далее. Бунт против самой природы – бессмысленный и беспощадный, потому что изменить вводные данные невозможно» («Московский комсомолец». 10 февраля 2019 г.; <https://www.mk.ru/social/2019/02/10/sekta-radikalnogo-feminizma-pochemu-modnaya-ideologiya-stanovitsya-izvrashheniem.html>); «Феминистская истерия не только не способствует защите прав женщин, но, напротив, помогает «надежнее закрепить за ними статус вечных жертв» («Культура». 10 января 2018 г.; <https://portal-kultura.ru/articles/best/179111-zhenshchiny-za-granyu-nervnogo-sryva/>).

Среди концептов политической культуры, которые в рассмотренных изданиях формируют сферу интолерантного и сопровождаются скорее риторикой жесткого отрицания и неодобрения, находятся «мультикультурализм», «толерантность», «глобализация», «космополитизм» и другие.

Социальная реальность, конструируемая в анализируемых медиатекстах, представлена значительным количеством переживаемых в модальности акцентированного отторжения образов «чужого», образов носителей той или иной культуры и системы ценностей. Среди них выделяются «европейцы» (граждане Евросоюза), «американцы», «украинцы», «поляки», «жители прибалтийских стран», «представители раскольнической Православной церкви Украины» (ПЦУ). На страницах анализируемых изданий вырисовывается их обобщенный образ: все они, как кажется (независимо от их практики жизни и мировоззренческого выбора), – безнравственны, ориентированы только на свои потребности и интересы, заняты решением только своих задач и при этом чрезвычайно опасны, поскольку в своей эйфорической очарованности открытостью, толерантностью, политкорректностью или правом на самоопределение препятствуют обществу в его духовном продвижении, в формировании большого «русского мира».

В качестве посторонних, не совпадающих по ценностям, взглядам, культурным традициям, в анализируемых СМИ выступают представители некоторых социальных групп, среди них прежде всего – либералы, граждане мира, ЛГБТ-сообщество. В публикациях анализируемых СМИ они представляются как люди, чуждые сознанию современного россиянина, как те, кто перешел границу сформулированной обществом культурной нормы, как те, кто

своим выбором и социальным жестом создает потенциал деградации, падения и разрушения: «...*Все извращения всегда, удивительным образом, либералы.* ...» («Военное обозрение». 9 апреля 2013 г.; <https://topwar.ru/26513-liberalizm-eto-razlozhenie.html>).

В сфере усиленного осуждения оказываются и некоторые гендерные аспекты современного человека – мужчины и женщины, которые сегодня стремятся реализовать и закрепить свое право на равенство, на выбор, на независимость и так называемый «биархат», то есть эгалитарную семью, в которой муж и жена равноправны. В анализируемых СМИ значительно количество высказываний, в которых крайне негативно оцениваются попытки изменения традиционного стандарта гендерно-ролевой идентичности, любая нарушающая принятую традицию динамика гендерно дифференцированных моделей поведения. Ср.: «*Женщина, отказывающаяся от своей природы, идущая против природы, уже не может называть себя женщиной – это просто женоподобное нечто*» (Русская народная линия. 16 августа 2013 г.; https://ruskline.ru/analitika/2013/08/16/prowaj_bezdetnaya_evropa/).

Среди объектов интолерантности, вокруг которых в рассмотренных СМИ создается особое, насыщенное негативной оценочностью смысловое пространство, находятся также разные персоны, опознаваемые как политические противники или оппоненты.

Одну из групп составляют лидеры тех государств, с которыми с трудом складывается политический диалог и которые выступают в процессе политического взаимодействия как субъекты, представляющие дихотомию «друг – враг» [25, с. 40], сферу конфликта и соперничества. Среди них – Дональд Трамп, Тереза Мей, Эммануэль Макрон, Петр Порошенко, Владимир Зеленский. Ср.: «*Если раньше хорошо подвешенный язык мог довести только до Киева, то в современной Украине он катапультировал своего обладателя Владимира Зеленского на расстояние вытянутой руки от киевского президентского трона... Зеленский, человек с кашей в голове, явно не понимающий разницы между «реальностью» его киношных сериалов и той реальностью, которая есть на самом деле*» (Московский комсомолец. 1 апреля 2019 г.; <https://www.mk.ru/politics/2019/04/01/chem-opasen-zelenskiy-na-postu-prezidenta-ukrainy.html>).

Вторая группа формируется из тех персон, которые в условиях текущего политического контекста опознаются этими СМИ как политические диссиденты, «политические предатели», выступающие против принятой в обществе повестки дня. В группу персон, «ментальной родиной» которых является Запад (такие формулировки находим на страницах анализируемых изданий) входят Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Андрей Макаревич, Лия Ахеджакова, Ксения Собчак и некоторые другие. Так, например, «Военное обозрение» об актрисе Л. Ахеджаковой написало «*2-жа Ахеджакова... из артистки театра и кино, любимой миллионами, превратилась в артистку склочной болтологии, оттолкнувшей от себя поклонников и поклонниц*» («Военное обозрение», 16 марта 2015 г.; <https://topwar.ru/70984-ahedzhakova-sluchayno-posmotrela-film-krym-put-na-rodinu-i-zayavila-chto-film-uzhasnyu-i-pozornyy.html>).

Проведенный содержательный анализ сферы интолерантного в рассмотренных СМИ позволил выявить актуальные виды интоллерантности, среди них – политико-идеологическая, культурно-гендерная и личностно-мировоззренческая.

Политико-идеологическая интолерантность своим объектом определяет политические ценности, социально-политические взгляды, теории, идеи и идеалы, которые обуславливают особенности политического сознания граждан и модели их гражданской активности.

Культурно-гендерная интолерантность проявляется в аспекте динамики гендерной идентичности, идентификации личности в культурно-ролевом статусе мужчины, женщины или т.н. «третьего пола», своеобразно сочетающего мужские и женские признаки.

В сфере *личностно-мировоззренческой интолерантности* находятся убеждения участников социальной коммуникации, их симпатии и антипатии, их отношение к нормам и традициям социальной действительности, политическим решениям, мировоззренческим и духовным практикам. Личностно-мировоззренческая интолерантность связана с неприятием ха-

рактера «прочтения» личностью тех или иных событий в мире и стране. Она включает в себя неприятие духовного и культурного формата личности, неприятие тех переживаний и выводов, в которых отражаются оппозиционные по отношению к оценивающей культуре ценностные смыслы. Личностно-мировоззренческая интолерантность затрагивает, безусловно, разные социальные группы, не только представителей определенных политико-идеологических концепций или движений, но и людей, чьи увлечения, интересы или модели поведения воспринимаются как непривычные, необычные и выходящие за пределы ожидаемой *повторяемости*.

Таким образом, аналитико-критическое наблюдение за сферой интолерантного в рассмотренных СМИ позволяет говорить о проблеме интолерантности в аспекте СМИ не только как об актуальном для них принципе, как о востребованной ими практике мировоззренческого, эмоционально-нравственного возражения, но и как о тематике «повестки дня» современного общества [26]. Заметим также, что нередко вместо того чтобы усилиями совместной мысли выявить все возможные точки плодотворного соприкосновения и сферы общих интересов, вместо того чтобы углубить способность человека и общества к диалогу культур, при котором культуры *«не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но... взаимно обогащаются»* [27, с. 353-354], СМИ транслируют в общество идеи неприятия и отторжения другого. Интолерантность как принцип современной культуры и смыслового производства в СМИ имеет несомненную исследовательскую перспективу.

Библиографический список

1. Толерантность и интолерантность в современном обществе в условиях мирового кризиса-2010. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 367 с.
2. Бакулина С.Д. «Свой» – «чужой» в пространстве толерантного / интолерантного сознания // Реальность. Человек. Культура: универсалии научного знания: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 20-21 декабря 2007 г. Омск, 2007. С. 3-5.
3. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага: монография / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 316 с.
4. Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Тверь, 2004. 18 с.
5. Новикова Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ // Коммуникации. 2006. № 21 (143). <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles> (дата обращения – 26.12.2018).
6. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. – М.: Флинта, Наука. 2011. 158 с.
7. Полонский А.В. Интолерантность и ее виды в дискурсе современных российских СМИ // Przegląd rusycystyczny. 2020. № 1 (169). S. 92-104.
8. Разгоняева Е.В. Интолерантность как социально-психологическая причина экстремизма и ее профилактика в молодежной среде // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Под редакцией Х.П. Пашаева. 2019. С. 102-106.
9. Чепкина Э.В. Проблемы толерантности в средствах массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 116 с.
10. Czyżewski M. Tolerancja i nietolerancja: pojęcia i postulaty // Etyka. 2011. № 44. S. 58-78.
11. Eco U. Migrazioni e intolleranza. Milano: La nave di Teseo. 2019. 72 p.

12. Habermas J. Intolerance and Discrimination // *International Journal of Constitutional Law*. 2003. Vol. 1. № 1. PP. 2-12.
13. Marramao G., Casalini B. *Intolleranza zero: I testi fondativi della cultura della tolleranza*. Firenze: goWare, 2017. 210 p.
14. Лотман Ю.М. *Непредсказуемые механизмы культуры*. Таллинн: TLU Press, 2010. 234 с.
15. Полонский А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2008. Т. 11. Вып. 1. С. 56-61.
16. О федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы)»: Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186 // *Собр. законодательства РФ* от 26 марта 2012 г. № 13. Ст. 1516.
17. Ростовцева М.В. Проблема интолерантности в современном обществе // *Социодинамика*. 2016. – № 6. – С. 13-17.
18. Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Том VI. № 4. С. 113-121.
19. Carson D.A. *The Intolerance of Tolerance*. Michigan / Cambridge: Grand Rapids, 2012. 24 p.
20. Прохоров Е. П. *Журналистика и демократия*. М. РИП-холдинг, 2001. 268 с.
21. Thomas-Hoffman Elizabeth A. *Cultural Preservation and Protection (Mesa Community College Home page)*: <http://www.mesacc.edu/bric107041/un/hs/culture.pdf> (2012.04).
22. Лихачев Д.С.. Два типа границ между культурами // *Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества*. СПб., 1996, С. 97-102.
23. Вольтер Ф.-М. *Трактат о терпимости*. М.: Эксмо-Пресс, 2020. 128 с.
24. Хабермас Ю. *Вовлечение Другого. Очерки политической теории* / Пер. с нем. Ю.С. Медведева, ред. Д.А. Складнева. М.: Наука, 2001. 421 с.
25. Шмитт К. *Понятие политического* / Пер. с нем. // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 37-67.
26. Полонский А.В., Глушкова В.Г. *Культура и человек в условиях глобализации // Психологические знания в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции*. Белгород: БУКЭП, 2016. С. 268-274.
27. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. 445 с.

References

1. *Tolerance and tolerance in modern society in the context of the global crisis-2010*. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. UN-TA, 2011. 367 p.
2. Bakulina S. D. "Own" – "alien" in the space of tolerant / intolerant consciousness // *Reality. Person. Culture: universals of scientific knowledge: Materials of the all-Russian scientific conference*. Omsk, December 20-21, 2007. Omsk, 2007. pp. 3-5.
3. Dzyaloshinsky I. M., Dzyaloshinskaya M. I. *Russian media: how the image of the enemy is created: monograph* / I. M. Dzyaloshinsky, M. I. Dzyaloshinskaya. Cheboksary: Wednesday, 2019. 316 p.
4. Kolosov S. A. *the Construction of social hatred in discourse: autoref. dis. ... kand. Philol. Sciences* / 10.02.19. Tver, 2004. 18 p.
5. Novikova T. *Analysis of tolerance patterns in media texts* // *Communications*. 2006. No. 21 (143). <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles> (accessed – 26.12.2018)

6. Petrova N. E. Raciborska L. V. the Language of contemporary media: the means of verbal aggression. – M.: Flinta, Nauka. 2011. 158 PP.
7. Polonskiy A.V. Tolerance and its types in the discourse of modern Russian media // *Przełąd rusycystyczny*. 2020. No. 1 (169). p. 92-104.
8. Razgonyaeva E. V. Tolerance as a socio-psychological cause of extremism and its prevention in the youth environment // *Modern youth and challenges of extremism and terrorism in Russia and abroad* Collection of materials of the all-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Edited by H. P. Pashayev. 2019. pp. 102-106.
9. Chepkina E. V. Problems of tolerance in the mass media. Yekaterinburg: Ural publishing House. UN-TA, 2016. 116 p.
10. Czyżewski M. Tolerancja nietolerancja i: pojęcia i postulaty // *Etyka*. 2011. No. 44. pp. 58-78.
11. Eco U. *Migrazioni e intolleranza*. Milano: La nave di Teseo. 2019. 72 p.
12. Habermas J. Intolerance and Discrimination // *International Journal of Constitutional Law*. 2003. Vol. 1. No. 1. pp. 2-12.
13. Marramao G., Casalini B. *Intolleranza zero: fondativi I testi della cultura della tolleranza*. Firenze: goWare, 2017. 210 p.
14. Lotman Yu. M. *Unpredictable mechanisms of culture*. Tallinn: TLU Press, 2010. 234 p.
15. Polonskiy A.V. Journalism as a special type of creative activity // *Scientific Bulletin of the Belgorod state University. Humanities*. 2008. Vol. 11. Vol. 1. pp. 56-61.
16. About the Federal target program "Culture of Russia (2012-2018)": Resolution Of the government of the Russian Federation of March 3, 2012 No. 186 // *SOBR. legislation of the Russian Federation* No. 13 of March 26, 2012. Article 1516.
17. Rostovtseva M. V. The problem of tolerance in modern society // *Sociodynamics*. 2016. - No. 6. – pp. 13 - 17.
18. Koltsova E. Yu., Taratuta E. E. Measuring tolerance // *Journal of sociology and social anthropology*. 2003. Volume VI. No. 4. pp. 113-121.
19. D. A. Carson *The Intolerance of Tolerance*. Michigan / Cambridge: Grand Rapids, 2012. 24 p.
20. Prokhorov E. p. *Journalism and democracy*. M. RIP-holding, 2001. 268 p.
21. Thomas-Hoffman Elizabeth A. *Cultural Preservation and Protection* (Mesa Community College Home page): <http://www.mesacc.edu/bric107041/un/hs/culture.pdf> (2012.04).
22. Likhachev D. S. Two types of borders between cultures // *Likhachev D. S. Essays on the philosophy of artistic creativity*. SPb., 1996, pp. 97-102.
23. Voltaire F.-M. *a Treatise on tolerance*. Moscow: Eksmo-Press, 2020. 128 p.
24. Habermas Yu. *Involving The Other. Essays on political theory*. Y. S. Medvedev, ed., D. A. Skladnev. Moscow: Nauka, 2001. 421 PP.
25. Schmitt K. the Concept of the political / Per. // *Questions of sociology*. 1992. No. 1. pp. 37-67.
26. Polonsky A.V., Glushkova V. G. Culture and man in the conditions of globalization // *Psychological knowledge in the modern world: Materials of the international scientific and practical conference*. Belgorod: BUKEP, 2016. Pp. 268-274.
27. Bakhtin M. M. *Esthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 327.33

Белгородский государственный технологический университет им.В.Г. Шухова,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
Акифи О.И.
Россия, г. Белгород,
тел. 89036425312,
e-mail: _mrs.olesiakifi@mail.ru

Belgorod State Technological University named after V.G.Shukhov
PhD in Philology, associate professor
of the Russian Language Department,
Akifi O.I.
Russia, Belgorod,
tel. 89036425312,
e-mail: _mrs.olesiakifi@mail.ru

Российский государственный социальный университет,
аспирант
Акифи А.Х.
Россия, г. Москва, тел. 89611660660,
e-mail: akifi.kh@gmail.com

Russian State Social University
postgraduate student,
Akifi A.Kh.
Russia, Moscow,
tel. 89611660660,
e-mail: akifi.kh@gmail.com

О.И. Акифи, А.Х. Акифи

РОССИЙСКО-АФГАНСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРУМ «AFRUS2019» – МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И АФГАНИСТАНА

О.И. Akifi, А.Х. Akifi

RUSSIAN-AFGHANIAN YOUTH FORUM «AFRUS2019» - INTER-CULTURAL RELATIONS OF YOUTH OF RUSSIA AND AFGHANISTAN

С 17 декабря по 23 декабря 2019 года в ЮЗГУ (г. Курск) и РУДН (г. Москва) состоялся первый в истории молодежный российско-афганский форум AfRus2019, организованный молодежным активом при поддержке Фонда международной дипломатии А.Горчакова. Цель данного форума – объединение активной молодежи России и Афганистана, популяризация межкультурного общения, обмен знаниями и мнениями по вопросам культуры и образования в России и Афганистане, а также организация взаимодействия между активной молодежью данных стран, в том числе и занимающейся изучением русского и персидского языков. Рабочими языками были русский и персидский.

Форум проходил в течение 7 дней, включал в себя несколько пленарных заседаний, мастер-классов, нетворкинг, дискуссионные площадки, культурную и экскурсионную программы.

На пленарных заседаниях выступали посол Исламской республики Афганистан доктор Латиф Баханда, атташе по культуре Афганистана Акифи Шах Солтан, научный сотрудник

Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института Востоковедения РАН Мохамед Омар Несар, председателя «Future Team AFG» Бахави Несар Ахмад, представитель Красного Креста Афганистана Роя Мусави, исполнительный директор Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова Леонид Драчевский, заместитель директора Второго департамента по Азии МИД России Кабаев Дмитрий, руководитель Федерального агентства по делам молодежи Бугаев Александр и заместитель начальника управления по работе с языковыми редакциями, Объединенной дирекции иновещания МИА «Россия сегодня» Захаров Иван.

В рамках форума проводились различные мероприятия, на которых рассматривались вопросы науки и образования, культуры, борьбы с терроризмом и наркотиками, гуманитарные миссии, а также вопросы языков и литературы двух стран.

Пленарное заседание, посвященное межкультурной коммуникации молодежи двух стран открыл посол Республики Афганистан и ректор ЮЗГУ. Была актуализирована необходимость сотрудничества именно в молодежной среде, так как это представляется наиболее перспективным направлением. Для эффективного сотрудничества и образования дружественных связей представляется необходимым лучшее знакомство с культурой друг друга напрямую, а не посредством политизированных статей. В связи с этим утверждением и была организована выставка афганской культуры на территории Курского университета ЮЗГУ, где российские студенты могли увидеть афганскую культуру «из первых рук» и получить ответы на все интересующие вопросы.

Пленарное заседание на тему образования включало выступление атташе по культуре, научного сотрудника Института Востоковедения РАН, профессоров из университетов РУДН и ЮЗГУ, студентов и аспирантов различных вузов и направлений. Освещались проблемы образования в Афганистане, рассматривались перспективы получения российского образования, в связи с чем была обоснована необходимость изучения русского языка афганской молодежью. Существование множества проблем на территории Афганистана в настоящее время позволяет рассматривать возможность онлайн-консультаций для интересующейся молодежи. Рассмотрена перспектива создания консультационных центров с целью проведения кратких занятий по математике и физике для афганских школьников. Российские студенты, изучающие персидский язык и культуру востока также выступили со своими исследованиями и смогли получить ценные комментарии о своих выводах в работах. Интересным и познавательным оказался литературный вечер, где состоялось знакомство как с русской, так и с персидской поэзией.

Пленарное заседание по проблемам гуманитарной помощи и антитеррористической работе посетили представители Красного Креста Афганистана и центра по борьбе с наркотиками. В рамках этого заседания были рассмотрены важнейшие проблемы не только современного Афганистана как дестабилизирующего региона, но и вопросы гуманитарного сотрудничества и перспективность данного направления, предложения молодых людей по борьбе с наркотиками и пропаганде здорового образа жизни. Данное пленарное заседание завершилось открытием дискуссионного клуба и деловой игры по развенчанию стереотипов в России об Афганистане. В рамках рассмотренных вопросов оказалось продуктивным проведение беседы о наркотрафике, о причинах распространения подобного явления в Афганистане и методах борьбы. Российские студенты несколько иначе взглянули на данную проблему, произошел обмен полезной информацией и ссылками на различные интернет ресурсы, которые можно использовать для проведения мероприятий, посвященных здоровому образу жизни.

Проведен нетворкинг по особенностям работы журналиста-переводчика, специфике иновещания и актуальных тем для организации программ и написания статей для новостных и других сайтов. Произошел интересный обмен мнениями между представителями российской и афганской журналистики. Продуктивно было участие одного из партнеров Форума –

новостного агентства «Спутник» и его сотрудников: редакторов, журналистов и продюсеров. Важность освещения актуальных проблем в СМИ бесспорна; на нетворкинге разрабатывались проекты, которые могли бы обойти политические препоны со стороны Афганистана и помочь донести важную информацию. Следует отметить, что для журналистов России и Афганистана представляются интересными не только политические темы и проблемы наркотиков и терроризма, но и освещение социальной и культурной стороны жизни. Совместная работа журналистов двух стран в рамках Форума была больше направлена на разработку и актуализацию этого направления.

Проведение дискуссионного клуба, совмещенного с просмотром отрывков из документальных и художественных фильмов направлено на развенчание стереотипов, освещение сложной истории Афганистана, непростых взаимоотношений с Россией, исторических моментов РФ. Произошел продуктивный диалог среди активной молодежи, который продемонстрировал необходимость подобных встреч и формата общения. Важным было участие одного из представителей правительственного аппарата Афганистана, который активно дискутировал как с российской, так и с афганской стороной.

Организованный ЮЗГУ концерт был важной частью Форума, так как не только показал красоту культур двух стран, но и продемонстрировал открытость и дружелюбие российского народа по отношению к Афганской молодежи.

Экскурсионная программа (как в Курске, так и в Москве), помимо ознакомления гостей с достопримечательностями России также несла в себе дополнительную функцию: демонстрации мирного настроения российского населения. Напоминание, о страшных военных днях, пережитых на территории современной РФ и о том, что российские граждане не настроены на разжигание мировых конфликтов.

Остановимся подробнее на поэтическом вечере. Вопреки современным тенденциям, как оказалось, именно культура остается важным рычагом «мягкой силы» и востребованным направлением для обсуждения в молодежной среде. Вечер изначально имел вектор на персидскую культуру и поэзию. Были приглашены афганские исполнители народной музыки и афганские поэты. Однако постепенно вечер несколько сменил направление, и студенты представили и русскую поэзию, что с восторгом было встречено афганской молодежью. Язык поэзии является живым и актуальным, даже при языковом барьере, хотя на Форуме присутствовали переводчики, которые передавали общий смысл произведений. Студенты-востоковеды признавали, что узнали очень много полезной информации для своих исследований. Тематика поэтических произведений демонстрировала проблемы народа, особенность персидского стихосложения также была проанализирована в сопоставлении с образцами русской классики: произведениями А.С.Пушкина, А.А.Фета, В.Маяковского. Таким образом, актуализировалась проблема нехватки учебников по восточной литературе, необходимость подобных мероприятий. С политической точки зрения на это также стоит обратить внимание, так как в формате культурных вечеров возникает взаимопонимание, без пропаганды и попытки насильственного изменения сознания. Если стратегии других мировых лидеров направлены на масс-медиа и охвачены такие области как кино, фаст-фуд и так далее, то российской стороне, возможно, стоит обратить внимание на культуру и литературу. Пленарные заседания и встречи описываемого Форума доказали перспективность этого направления, как минимум, в направлении Азии.

Завершился Форум большим приемом в посольстве Исламской Республики Афганистан, где была отмечена необходимость подобного рода мероприятий и их эффективность.

В результате данного Форума было определено дальнейшее сотрудничество активной молодежи, сформированы актуальные проблемы, намечен план развития и функционирования консультационных центров. Молодые люди познакомились с образовательными программами, и в настоящее время собираются заявки на прохождение краткосрочных языковых

курсов в вузах РФ. Объявлен конкурс на лучшее сочинение о России, планируется проведение конкурса среди российских студентов-востоковедов на актуальную для них тему.

Данный Форум является прекрасным стимулом для развития культурных, образовательных и научных связей между учебными заведениями России и Афганистана, для развития гуманитарных миссий, а также формирования свободного журналистского пространства, для функционирования «мягкой силы», в результате которой можно достигнуть сотрудничества стран-союзников, сохранивших свою самобытность, но при этом имеющих общие политические и культурные цели.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....
.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес-полуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа *«некий объект как первый снег»*.

.....

.....

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним* [Больные

умирающие дети. – Н.М.] *идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
3. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
3. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(36) 2020

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 25.03.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 22,1. Усл. печ. л. 18,3. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84